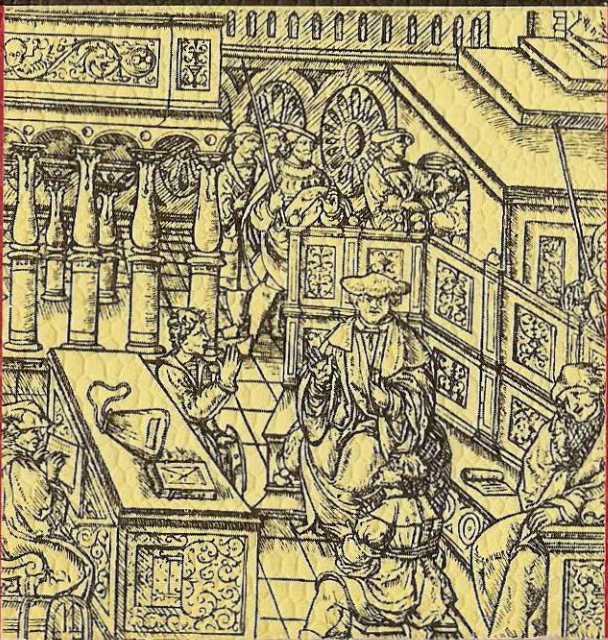

Натали Земон Дэвис

Возвращение Мартена Герра

«Прогресс»

Natalie Zemon Davis

The **R**eturn
of Martin
Guerre

Cambridge,
Harvard University
Press, 1983

Натали Земон Дэвис

Возвращение Мартена Герра

*Посвящается
Чандлеру Дэвису*

Перевод с английского
А. Л. ВЕЛИЧАНСКОГО

Послесловие
М. А. БАРГА

Общая редакция
С. Н. БУРИНА

Москва
«Прогресс»
1990

Дэвис Н. З

Д 94 Возвращение Мартена Герра: Пер. с англ./
Послесл. М. А. Барга; Общ. ред. С. Н. Бу-
рина. — М.: Прогресс, 1990. — 208 с.

ISBN 5-01-002057-2

XVI век. Франция. Некий Мартен Герр тайком покидает дом, оставив жену и ребенка, и пропадает на многие годы. Жителю соседней провинции удается собрать сведения о подробностях жизни беглеца и убедить всех в том, что он — возвратившийся Герр. Однако обман начинает открываться, идет следствие, и когда дело уже должно решиться в пользу подсудимого, в помещение суда является человек на деревянной ноге и объявляет, что он — Мартен Герр. Эта доподлинная история в течение нескольких веков служила сюжетом для различных литературных произведений в разных странах Европы.

Книга читается с большим интересом, рассчитана на широкий круг читателей.

Д 0503030000—193
006(01)-90 50-90

ББК 84.7США

Редакция литературы по международным отношениям
и истории

© President & Fellows of Harvard College, 1983

© Перевод на русский язык и
послесловие, «Прогресс», 1990

Эта книга — результат попытки рассказать об одном историческом происшествии, по-новому взглянув на прошлое. История Мартена Герра пересказывалась неоднократно. В 40-х гг. XVI века в Лангедоке зажиточный крестьянин, оставив жену, ребенка и хозяйство, пропадает без вести на много лет; затем он возвращается, точнее, все считают, что он вернулся, однако через три или четыре года жена объявляет о том, что была обманута самозванцем, и подает на него в суд. Обвиняемому почти удается убедить судей в том, что он Мартен Герр, но в последний момент на сцене появляется подлинный Мартен Герр. Почти тотчас по окончании процесса этот случай был описан в двух книгах, одна из которых принадлежала члену суда. Вся Франция обсуждала это происшествие, и среди прочих — великий Монтень. Во многих странах эта история пересказывалась в книгах, повествующих об известных самозванцах, а также нашумевших процессах; ее и по сей день вспоминают в деревне Артига в Пиренеях, где названные события произошли четыреста лет назад. Этот случай был поводом к написанию пьесы, двух романов и оперетты.

Впервые прочитав рассказ судьи, я подумала: «Это же готовый фильм». Не часто историку удастся найти среди исторических событий столь совершенную фабулу для повествования, которая к тому же могла бы вызвать такой широкий интерес своим драматизмом. Я случайно узнала о том, что сценарист Жан-Клод Карье и режиссер Даниэль

Вин работают над режиссерским сценарием на ту же тему. Мне удалось присоединиться к ним, и в результате нашего сотрудничества вышел фильм «Возвращение Мартена Герра».

Парадоксально, но чем больше увлекала работа над фильмом, тем больше мне хотелось создать нечто выходящее за рамки кинематографа. Меня тянуло поглубже вникнуть в это дело, определить его исторический смысл. Когда пишешь для актеров, а не для читателей, возникают необычные вопросы, связанные с побуждениями людей, живших в XVI веке, — скажем, вопрос о том, относились ли они к истине так же серьезно, как к своему имуществу. Наблюдая за тем, как Жерар Депардьё нащупывал подход к роли вымышленного Мартена Герра, я стала по-новому судить о достоинствах подлинного самозванца Арно дю Тиля. Я почувствовала, что среди моих собственных исторических разработок стали возникать не новые доказательства, а новые исторические вероятности.

Вместе с тем фильм отрывался от исторических фактов, и меня это огорчало. Баскским происхождением рода Герров пришлось пожертвовать; деталями сельского протестантизма пришлось пренебречь, но, главное, внутренние противоречия двойной игры, которую вели жена и судьи, были сглажены. Возможно, эти изменения способствовали тому, что в фильме достигалась впечатляющая простота, позволившая превратить историю Мартена Герра прежде всего в легенду, но вместе с тем они затруднили понимание смысла происшедшего. И где в этом прекрасном, неотразимом кинематографическом воссоздании средневековой

деревни нашлось бы место для всякого рода неопределенностей, всех этих «возможно» и «должно быть», к которым прибегает историк, когда свидетельства оказываются недостаточными или запутанными. Наш фильм стал интригующей и остросюжетной историей, исход которой был так же неясен современным зрителям, как и тогдашним жителям деревни и судьям. Но в фильме невозможно было отразить значение идентичности индивидуальностей в XVI веке.

Таким образом, фильм ставил перед историком проблемы вымысла с той же определенностью, с какой она стояла перед женой Мартена Герра. Мне пришлось вновь стать историком; даже для определения места действия в Пиренеях я должна была обращаться в архивы Фуа, Тулузы и Оша. Мне предстояло подойти к этому захватывающему сюжету с чисто исторической точки зрения, употребив в дело каждый клочок бумаги, оставленный мне минувшим. Я попыталась дознаться, почему Мартен Герр покинул деревню и куда он направился, как и зачем Арно дю Тиль стал самозванцем, пытался ли он обмануть Берtrandу де Ролс и почему не достиг своего. Узнав все это, мы узнаем нечто новое о жизни сельской общины XVI века, мы пройдем вместе с жителями деревни через перипетии процесса в уголовном суде и выясним, почему судьи меняли свои приговоры. Кроме того, мне представится редкая возможность показать, как эпизод из крестьянской жизни превращается в произведение профессиональной литературы.

Осуществить все эти замыслы оказалось куда труднее, чем я предполагала, и все же, что за удо-

вольствие еще раз пересказать историю Мартена Герра.

Н.З.Д.

*Пристон
Январь 1983*

Я хочу выразить свою благодарность Принстонскому университету и Национальному фонду гуманитарных наук, оказавшим мне финансовую поддержку в работе над этой книгой. Я также весьма признательна архивариусам и работникам департаментов Арье, Верхней Гаронны, Гара, Атлантических Пиренеев, Жиронды и Па-де-Кале за любезные советы, способствовавшие скорейшему завершению моих изысканий. Мари Роз Белье, Поль Дюмон и Юбер Даро из Артига охотно поделились со мной воспоминаниями о своем селении и об истории Мартена Герра. Жан-Клод Карье и Даниэль Вин заставили меня по-новому осмыслить соотношение между «общими тенденциями», понятными среди историков, и жизненным опытом людей. Значительная помощь, когда в ней возникала необходимость, оказана мне Эмануэлем Ле Руа Ладюри. Многие коллеги в Соединенных Штатах и во Франции делились со мной своими идеями и библиографическими советами — Поль Альпер, Ив и Николь Кастан, Барбара Дэвис, Уильям Дуглас, Даниэль Фабр, Стивен Гринблат, Ричард Гельмгольц, Пол Хилтполд, Элизабет Лабрус, Элен Надер, Лори Нассдорфер, Жан-Пьер Пуссу, Вирджиния Рейнберг и Энн Уолтнер. Альфред

Соман весьма охотно консультировал меня по вопросам уголовного права, которых я касалась в некоторых главах. Редактура Джойса Бэкмана во многом содействовала более ясному изложению текста. Моя версия истории о супруге-самозванце никогда бы не появилась на свет без помощи моего доподлинного мужа Чандлера Дэвиса.

“Femme bonne qui a mauvais mary, a bjen souvent le soeog marry” («Добра жена с худым мужем тужит»). «Amour peut moult, argent peut tout» («Любовь долга, да длинней деньга»). Вот пример поговорок, выражающих отношение к браку крестьянина Франции XVI века. Историки все больше и больше узнают о крестьянских семьях, изучая брачные контракты и завещания, записи о рождении и смерти в приходских книгах, а также рассказы о ритуалах ухаживания и свадебных потехах. И все же нам сравнительно мало известно о надеждах и чувствах крестьян, о том, как складывались отношения между супругами, между родителями и детьми, о том, какие обязанности навязывала и какие возможности предоставляла им жизнь. Мы часто думаем, что в выборе своей судьбы крестьянин был весьма ограничен, но так ли это на самом деле? Мог ли тот или иной крестьянин попытаться устроить свою жизнь необычным и неожиданным образом?

Но как историку дознаться о такого рода обстоятельствах жизни человека в столь далеком прошлом? Мы вчитываемся в письма и дневники, автобиографии, воспоминания и семейные хроники. Мы изучаем литературные источники — пьесы, лирику и рассказы, в которых независимо от того, в какой связи они находятся с подлинной жизнью конкретных людей, мы обнаруживаем, какие чувства и отношения авторы считали достоверными для данного периода. Крестьяне же, более 90 процентов которых в XVI веке не умели писать, оставили нам

мало документов, обнаруживающих их помыслы и чувства. Семейные хроники и дневниковые записи, дошедшие до нас, мало что разъясняют: пара строк о рождении и смерти да о том, какая была погода. Томасу Платтеру удалось описать нам свою изнуренную трудом крестьянку-мать: «Лишь единожды, когда мы прощались с ней, я видел, как мать плачет; она была мужественной и сильной, но грубой». Но это было написано уже через много лет после того, как сей ученый гебраист оставил свою деревушку среди горных пастбищ Швейцарии.

Все литературные источники, независимо от их происхождения, следуют классической модели, представляющей селянина комическим персонажем. Комедия занимается простонародьем, *personnes populaires* (людьми низкого сословия), — такова теория. «В простом и низком стиле комедия живописует частную жизнь людей... Кончается она счастливо, весело и мило». Так, в книге «*Les Cent Nouvelles Nouvelles*» («Сто новых новелл»), собрании комических рассказов XV века, несколько раз переиздававшемся в XVI столетии, алчный крестьянин, пришедший в ярость, застигнув жену в постели со своим дружкой, удовлетворяется посулом 12 мер зерна и, сообразно с условиями сделки, дает любовникам закончить свое дело. В «*Propos Rustiques*» («Сельских беседах») опубликованных бретонским юристом Нозлем дю Файлем в 1547 г.¹, старый крестьянин Любен вспоминает о том, как женился тридцати четырех лет от роду: «Я

¹ До 1564 г. Новый год во Франции отсчитывался от пасхального воскресенья. В нашем тексте все даты рассчитаны применительно к современному календарю. — *Прим. авт.*

едва разумел, как это делается... а нынче каждый малец, чуть ему за шестнадцать, а уж у девиц кой-чему подучился». Представления о чувствах и поведении крестьянина, возникающие после чтения таких рассказов, все же имеют свою ценность — в конце концов комедия тоже по-своему важный фактор в изучении условий человеческого существования. Однако этот жанр слишком ограничен психологической условностью и кругом ситуаций, в которые поставлен селянин.

Однако существует еще одна группа источников, являющих нам крестьянина в ситуациях, чреватых множеством затруднений, не всегда имеющих счастливые последствия, — это записи в различных судебных инстанциях. К ним относятся и те следственные документы, благодаря которым у нас есть описание деревни Катар в Монтею, сделанное Эмануэлем Ле Руа Ладюри, или очерк Карло Гинзбурга об отважном мельнике Меноккио. В документах епархиальных судов не счесть дел, касающихся брака, пользуясь которыми историки пытаются понять, какие уловки мог найти крестьянин или горожанин в жестких пределах обычаев и закона, для того чтобы найти себе подходящую партию.

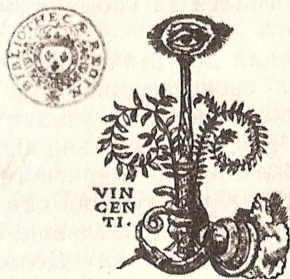
Существуют также документы различных институтов уголовного судопроизводства. Среди них, к примеру, есть история, рассказанная в 1535 г. королю молодым крестьянином из Лиона, пытавшимся добиться помилования при разборе дела о совершенном им непреднамеренном убийстве. Несмотря на фразеологию, навязанную ему либо юристом, либо нотариусом, перед нами — описание обстоятельств несчастного брака.

ARREST ME-
MORABLE, DV PAR-
LEMENT DE
TOLOSE,

Contenant vne histoire prodigieuse, de
nostre temps, avec cent belles, & do-
ctes Annotations, de monsieur mai-
stre IEAN DE CORAS, Conseiller
en ladite Cour, & rapporteur du
proces.

*Prononcé es Arrestz Generaulx le xii.
Septembre M. D. LX.*

A Raison cedo.

A LYON,
PAR ANTOINE VINCENT,
M. D. LXI.

Avec Priuilege du Roy.

Claudii Putcanj

Титульный лист книги Жана де Кора
«Достопамятный приговор» в издании 1561 г.

«Примерно год назад названный проситель, найдя невесту с хорошим приданым, женился на Ансель Лирен и с той поры честно содержал ее, как подобает содержать жену, стараясь жить с ней в мире. Однако названной Ансель ни с того ни с сего пришло на ум убить его — она и впрямь била его и бросала в него камнями... Проситель сносил побои мирно, полагая, что со временем все уляжется... Но затем однажды воскресным днем в начале мая нынешнего года во время безмятежной трапезы он попросил глоток вина. Она сказала, пусть, мол, вино ему и впрямь ударит в голову, бросила в него бутылку, залив ему все лицо вином... Затем в ярости она схватила пестик и нанесла бы просителю тяжкие увечья, если бы служанка не разняла их... Будучи в сильном волнении, он схватил кухонный нож, погнался за упомянутой Ансель и ударил ее в живот.

Жена не прожила достаточно долго, для того чтобы рассказать свою версию этой истории».

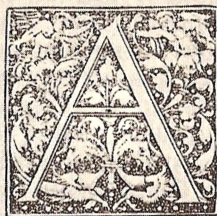
Из подобных документов мы узнаем о возможных реакциях и чувствах крестьянина в минуту внезапного возбуждения или в критических ситуациях. Однако в 1560 г. в тулузский парламент поступило уголовное дело, позволявшее судить о многолетних крестьянских браках. Дело настолько исключительное, что один из судей напечатал о нем книгу. Это был Жан де Кора, уроженец тамошних мест, известный доктор юриспруденции, автор написанных на латыни комментариев по гражданскому и каноническому праву, а также известный гуманист. В книге де Кора «*Arrest Memorable*» («Достопамятный приговор») собраны все показания, официальные прения и судебные решения

по этому делу, прокомментированные автором. Дело, по его словам, являло собой не комедию, а трагедию, несмотря на то, что актеры были сельскими жителями, «людьми низкого сословия». Написанная по-французски книга пять раз перепечатывалась в течение следующих шести лет и была издана еще несколько раз на французском и на латыни до конца столетия.

Сличая детали официального судебного отчета о деле Мартена Герра с повестью де Кора, мы можем проникнуть в тайный мир чувств и стремлений крестьянина. Действительно, это необычное судебное дело способствовало мне в работе, ибо из ряда вон выходящие спорные случаи могут порой вскрыть побуждения и смысл какого-либо поступка, невнятные нам в хаосе повседневности. Я надеюсь показать, что события, происшедшие с тремя жителями села, не так уж отличаются от тех, что происходили у их соседей, что измышления самозванца имеют отношение к более заурядным случаям личностного отождествления в те времена. Кроме того, я хотела бы объяснить, почему история, которую, казалось бы, скорее следовало изложить в простенькой популярной брошюре — и действительно, она уже излагалась в такой форме, — стала к тому же предметом «ста одиннадцати превосходных комментариев» судьи, а также высказать свои соображения о том, почему данный материал представляет нам редкую возможность сравнить удел крестьянина с уделом богатого и образованного человека.

Поначалу в качестве источников я пользовалась книгой Кора «Достопамятный приговор», изданной в 1561 г., и короткой «Historia» («Истори-

ARREST DV PARLEMENT
de Tolose, contenant vne histoire memorable,
& prodigieuse, avec cent belles & doctes
Annotations, de monsieur maistre
IEAN DECORAS, rap-
porteur du proces.
Texte de la toile du proces
& de l'arrest.

V moys de Ianuier, mil
cinq cens cinquante neuf,
Bertrande de Rolz, du lieu
d'Artigat, au diocese de
Rieux, se rend suppliant,
& plaintiue, deuant le lu-
ge de Rieux: disant, que
vingt ans peueût estre pas-
sez, ou enuiron, qu'elle estant ieune fille, de neuf à
dix ans, fut mariee, avec Martin Guerre, pour lors
aussi fort ieune, & presque de mesmes aage, que
la suppliant.

Annotation I.

Les mariages ainsi contractez auant l'aage legitime, ordonné
de nature, ou par les loix politiques, ne peuuent estre (s'il est loy-
sible de sonder, iusques aux secretz, & inscrutables iugemens de
la diuinité) plaisans, ny agreables à Dieu, & l'issue, en est le plus
souuent piteuse, & miserable, & (comme on voit iournellement
par exemple) pleinc, de mille repentances: par tant qu'en telles
precoces, & deuancees conionctions, ceux qui ont tramé, &
proietté le tout, n'ont aucunement respecté l'honneur, & la
gloire de Dieu: & moins la fin, pour laquelle ce saint, & venera-
ble estat de mariage, ha esté par luy institué du commencement
du monde. * (qui fut deuant l'offence de nostre premier pere,
pour

a chap. dernier
au titre de fri-
gid & malefic.
aux Decreta-
les & au th. vn.
de vor. & vor.
redemp. au Six
iesme.

Первая страница книги «Достопамятный приговор».

ей») Гийома Ле Сера, опубликованной в том же году. Последнее произведение представляет собой самостоятельное повествование, посвященное другому судье, принимавшему участие в разбирательстве этого дела: по крайней мере в двух случаях эта работа содержала в себе материалы, не использованные де Кора, подтверждение достоверности которых мне все же удалось найти в архивных источниках. Я использовала материалы Ле Сера и де Кора так, чтобы они дополняли друг друга, хотя в тех нескольких случаях, когда их утверждения были слишком противоречивы, я отдавала предпочтение свидетельствам судьи. За отсутствием всех протоколов дела (все такого рода документы, касающиеся уголовных дел, разбиравшихся до 1600 г., исчезли из Тулузского парламента) я изучила записи о приговорах, вынесенных парламентом, изыскивая новые данные о деле, а также о действиях и отношении судей к разбираемому делу. Пытаясь восстановить образы моих сельских персонажей, я просмотрела нотариальные контракты, заключенные во всех деревнях епархий Рио и Ломбе. Если мне не удалось найти сообщений об интересовавших меня конкретных личностях, проживавших в Андаёе, Артига, в Саже или в Бургосе, я прилагала все свои усилия к тому, чтобы разыскать такого рода данные в других источниках тогдашнего периода, имеющих отношение к той же местности, пытаюсь представить себе тот мир, который был перед глазами моих героев, а также предположительно их реакцию на увиденное. То, что я хочу вам предложить, отчасти моя гипотеза, прочно увязанная с тем, что мне поведали голоса прошлого.

В 1527 г. крестьянин по имени Санкси Дагерр со своей женой, малолетним сыном Мартеном, а также братом Пьером, оставив свое хозяйство во французской Басконии, перебрался в одну из деревень графства Фуа, до которого было три недели ходу.

Такой поступок для баска был не совсем обычным. Не то чтобы обитатели Лабруа были домоседами, однако, если они снимались с места, они, скорее, направлялись к морю, чтобы бить китов в Атлантике, пусть для этого приходилось добираться до самого Лабрадора. Покидая навсегда свою землю, они чаще переправлялись через реку Бидассо в испанскую Басконию или прямо в Испанию, а не сворачивали в глубь

материка, к северу от Пиренеев. Кроме того, уходящие обычно не являлись наследниками семейного имущества, каковым был Санкси Дагерр, а младшими братьями, которые не могли или не хотели оставаться на земле предков. Обладание семейным наделом считалось среди баскских крестьян настолько значительным, что каждому из них давалось имя, которое носили наследник дома и его жена. «Они именовали себя господами такого-то дома, даже если это был лишь свинарник», — заявлял позднее один из недоброжелательных наблюдателей.

Однако дом Санкси Дагерра вовсе не был свинарником. Он находился в Андае, прямо на границе между Францией и Испанией, в деревушке, где, как сообщал в 1528 г. один путешественник, было мало домов, но много обширных общинных земель. Обитая между горами, рекой и океаном, крестьяне пасли овец, ловили рыбу и пахали землю. Глинистая почва мало подходила для каких-либо зерновых культур, кроме проса, однако на ней прекрасно росли яблони; братья Дагерр подрабатывали, делая из этой самой глины черепицу. Жизнь в Лабуре была не из легких, однако имела и свои достоинства, по крайней мере в глазах инных посетителей селенья; они рассказывали о красоте тамошних деревень, о чудесах и опасных охоты на китов в далеком море, о разделе добычи, о том, как мужчины, женщины и дети резвятся в прибрежных волнах. «Повсюду в этих местах люди расположены к веселью... Они вечно смеются, шутят и танцуют — и мужчины и женщины», — продолжает свой рассказ путешественник, побывавший в этих краях в 1528 г.

И тем не менее Санкси Дагерр решил уйти. Возможно, такое решение было связано с постоянной угрозой военных действий в этой области; Баскония и Наварра с давних пор были источником территориальных споров между Францией и Испанией — раздоры между Франциском I и императором Карлом V имели свои последствия для этих пограничных районов. В 1523 г. войска императора смели с лица земли Андай и разрушили Лабур; в 1524 г. особенно сильно свирепствовала чума; в 1525 г. у Санкси родился первенец — сын Мартен. Может быть, были и более личные причины, — скажем, ссора между Санкси и его отцом, *senior escheoiaun* (господином дома — на баскском наречии), если тот к тому времени был жив, или еще с кем-нибудь. Возможно, на переезде настаивала мать Мартена, ибо говорят, что баскские женщины отличались настойчивостью в изъяснении своих желаний.

Какой бы ни была причина, но Санкси собрал свои пожитки и ушел из деревни вместе с семьей и со своим младшим, еще тогда неженатым братом. Семейную собственность следовало оставить в Андае, и в будущем Мартену предстояло унаследовать ее. Санкси и не смог бы без затруднений продать свою недвижимость, если бы даже хотел этого, так как форы — обычай Лабура — запрещали отторжение родового имущества, исключая случаи крайней необходимости, да и то лишь с согласия имеющих отношение к добру родственников. Он был волен распоряжаться своим *asçûets* (имуществом) — всем, что он нажил своим трудом, — так что у Санкси было достаточно средств, для того чтобы хорошо устроиться в новой деревне.

На дорогах, по которым двигалось семейство, направляясь на восток, было оживленное движение. Дагерры пересекли район, где уже 100 лет как между жителями Пиренеев и долины производился торговый обмен, оживившийся в последнее время, поскольку Тулуза становилась все более крупным центром торгового перераспределения. Между рекой Сав и рекой Арьеж — важными границами переделов их новой жизни двигались телеги, груженные шариками пастелли для тулузских москательных лавок, шерстью, грубыми и обработанными шерстяными тканями, дровами, зерном, вином и фруктами. Дагерры должны были встречать на своем пути купцов и мелких торговцев, ехавших на местные ярмарки и базары; пастухов, гнавших овец и коров либо в горы на лето, либо вниз — зимовать в тулузские и памьерские долины; пилигримов, направлявшихся к еще популярной по тем временам усыпальнице св. Иакова Компостелийского; и молодых людей, оставивших свои деревни ради улиц Тулузы или еще каких-либо городов. Наконец, семейство остановилось в Артига, селении, расположенном в широкой долине у подножия Пиренеев, в нескольких часах езды верхом от Памьера.

Деревня Артига протянулась по обеим сторонам Лезы — небольшой реки, если сравнивать ее с Арьеж на востоке и Гаронной на западе, однако достаточно буйной, время от времени выходящей из берегов и разорявшей крестьянские земли. На этих землях с возвышавшимися на них холмами проживало около шестидесяти или семидесяти семейств, выращивавших не только просо, хорошо знакомое Санкси и Пьеру Дагеррам, но

также и пшеницу, и овес, и виноград. На здешних лугах паслись коровы, козы и в особенности — овцы. Несколько человек в Артига занимались ремеслом — кузнец, мельник, сапожник и портной, возможно, кое-кто занимался ткачеством, как в близлежащем городке Ле Фосса, где определенно процветало это ремесло.

Время от времени в деревне бывали базарные дни, так что члены семейства Банкель даже величали себя «купцами», однако средневековые ярмарки больше не устраивались в Артига, а торговая жизнь по большей части переместилась из Артига в Ле Фосса. Начиная с 1562 г., — а возможно, и прежде — в Артига был местный нотариус, во всяком случае, в деревню наезжал нотариус из Ле Фосса, чтобы заключать контракты на дому.

Экономические связи Артига с близлежащими селениями и городами тотчас стали очевидны Дагеррам. Наиболее важным был торговый обмен между Артига и селением Пайе, чуть выше по течению Лезы, Ле Фосса, чуть ниже по течению, и городом Ле Карла, расположенным на холме к западу от Артига. Тому, кто занимался торговлей, приходилось также спускаться вниз по Лезе до Сен-Ибара, двигаясь затем на запад до города Памьера или вновь в сторону Пиренеев в селение Ле Ма-д'Азиль. Жан Банкель из Артига на шесть лет отдавал в аренду кобылу крестьянину из Пайе. Некий торговец из Ле Фосса отдавал внаем волов двум крестьянам из Ле Карла, которые должны были расплатиться с ним зерном на сентябрьской ярмарке в Памьере. Жанно Дро из Артига каждую зиму отправлялся в Ле Фосса, где заключал контракт на продажу настрига от

своих испанских овец; он тотчас получал деньги и возвращался в мае с обработанной шерстью. Иные продавали шерсть купцам в Памьере. Некий пастух из Ле Карла заключал *gasailhe* (договор о выпасе), как выражались в Лангедоке, с торговцем из Сен-Ибара; он получал тридцать ярок, которых должен был кормить и пасти за свой счет. Часть средств на выпас «в горах» давал купец, а прибыль они затем делили поровну. Жак Лоз из Пайе согласился на выпас пятидесяти двух ярок с неким торговцем из Памьера; они делили расходы и прибыль, шерсть после стрижки отправлялась в Памьер, а соль — в Пайе. Везли также вино и зерно, чтобы расплатиться за аренду или продать крестьянам Ле Фосса и Памьера.

Такого рода деловой мирок не должен был казаться Дагеррам чем-то совершенно чуждым, ибо подобный товарообмен производился также между селениями и городами в Лабуре. Если что действительно и отличало здешние места от земли басков, так это способ передачи земли — по наследству или посредством купли-продажи. Здесь, в долине у подножия Пиренеев, простолюдины редко стремились сохранять неразделенным семейное имущество. Завещания в окрестностях Артига редко делались в пользу одного из детей — в них отоваривалось приданое для дочерей, и имущество делилось поровну между сыновьями, даже если их было, к примеру, пятеро. Если в семье были только дочери, имущество поровну делилось между ними. Порой два брата или зятя решали после раздела вести совместное хозяйство, порой брат, уходя из деревни, завещал свою долю другому наследнику. В большинстве случаев (насколько

Обрезание виноградной лозы.

можно судить по артигской книге записей о передаче земли, так называемой *terrier*, за XVII век) наследники делили землю и жили по соседству. Когда под одной крышей жили две семьи, то, в отличие от басков, у которых это были семьи старшего и младшего наследников, в Артига вместе с одним из женатых детей мог жить кто-нибудь из овдовевших родителей, обычно мать.

В такой ситуации какую-то часть унаследованного имущества можно было продать с меньшими затруднениями, чем в Лабуре. Так, некий священник из Ле Фосса продал сад какому-то торговцу, объяснив этот жест тем, что поистратился, содержа престарелых родителей в течение последних восьми лет. Так, Антуан Баль из Артига продал за скромную сумму в 35 ливров «четвертую часть имущества, унаследованного от покойного отца Жака Баля», человеку из близлежащей деревушки, братья же Кальдейро продали шесть сосье (чуть меньше трех акров) принадлежащей им земли братьям Гроз из Ле Ма-д'Азиля, которые намеревались поселиться в Артига.

То, что *les progrès* (унаследованное имущество) время от времени продавалось крестьянами, жившими по берегам Лезы, не означало, что они не были привязаны к своей земле. Большие земельные участки, подлежащие юрисдикции Артига, указывают на то, что и здесь существовали родовые владения: «земли Банкелей» почти в самом центре селения, «земли Ролсов» в западной его части и «земли Ле Фустье» неподалеку от Лезы, где обитал мельник Фустье. Пахотные земли, подобно виноградникам и лугам, тоже имели названия, и крестьяне, владевшие ими,

часто употребляли их в качестве своих имен.

Отождествление рода и земли, вероятно, было более ограничено в Артига, нежели в Андае, в связи с особенностями социальной и экономической структуры крестьянской общины. Возглавляли общину богатые семьи, такие как Банкель, затем Ролс, у которых было много мелких участков, разбросанных по всей Артига; некоторые из них они обрабатывали сами, а некоторые отдавали в аренду другим семьям за оговоренную плату или за часть урожая. В селении были люди, собиравшие церковную подать в пределах Артига, ежегодно откупая это право у епископа Рио, а также люди, руководившие братством местного церковного прихода. Они водили дружбу с лучшими семействами, не принадлежавшими к миру сеньоров: с Лозами из Пайе, Боери, с сельскими торговцами и башмачниками Ле Фосса, с Дю Фо, с нотариусами Сен-Ибара. Но мы сталкиваемся и с такими людьми, чье положение разительно отличалось от положения упомянутой сельской элиты, — это такие люди, как Бернард Бертран и его жена, владевшие всего лишь 16 сетье земли, которых было недостаточно, для того чтобы содержать самих себя и шестерых детей; пастух Жанно Дро, бравший в долг вино и зерно, когда ему не удавалось свести концы с концами; братья Фор, испошники, которые оказались в таком долгу, что владелец подавал на них в суд.

Однако никто из обитателей Артига не платил поместных налогов и не обязан был исполнять какие-либо поместные повинности. Всея землей, которой они владели по праву свободного аллодиального держания, весьма гордились.

В деревне по крайней мере сто лет не существовало никакой дворянской собственности. Правда, некий Жан д'Эсконбеф, сеньор из Лану, расположенного чуть западнее Артига, покупал здешние земли уже после прибытия Дагерров, однако ему приходилось платить за них налог — точно так же, как всякому крестьянину. Вся администрация в селении подчинялась либо общине, либо королю, которого в качестве первой инстанции представлял королевский судья из Рио, города, расположенного в нескольких часах езды от Артига. За судьей из Рио следовал сенешаль Тулузы, подчинявшийся тулузскому парламенту, самый низший уровень представляли собой три или четыре члена совета общины Артига — местные именитые землевладельцы, за которыми судья из Рио ежегодно утверждал право носить красные колпаки сельских чиновников. Их юрисдикция распространялась на решения сельскохозяйственных вопросов, таких, как пользование общинными землями (довольно незначительными по площади в Артига), а также установление дня начала уборки зимнего урожая; решение вопросов об опеке, составление описи и продажа с аукциона имущества, оставшегося от умерших, не имевших наследников; разбирательство жалоб, касавшихся обмера и обвеса, нарушений общественного порядка в виде богохульства и мелких личных оскорблений. Время от времени они собирали сход мужского населения деревни.

Все эти порядки должны были прийтись по нраву Дагеррам, выросшим в местах, где (за исключением набравшего силу «знатного» рода

Уртюби) власть сеньоров была весьма слабой и где все прихожане могли свободно собираться в любом месте для установления правил, соответствовавших общинным потребностям. Если бы семьи пришельцев поселились чуть выше по течению Лезы в Пайе, где был расположен замок Вильмуrows, сеньоров земель Пайе и военных предводителей Шабо де Руа, все обстояло бы совсем по-другому. Дело Мартена Герра, возможно, вообще не дошло бы до суда, если бы какой-нибудь помещик или его приспешники имели полномочия вмешаться в жизнь селения. При существовавшем порядке вещей жителям Артига приходилось тратить много времени, защищаясь от наветов и нападков равных в правах соседей.

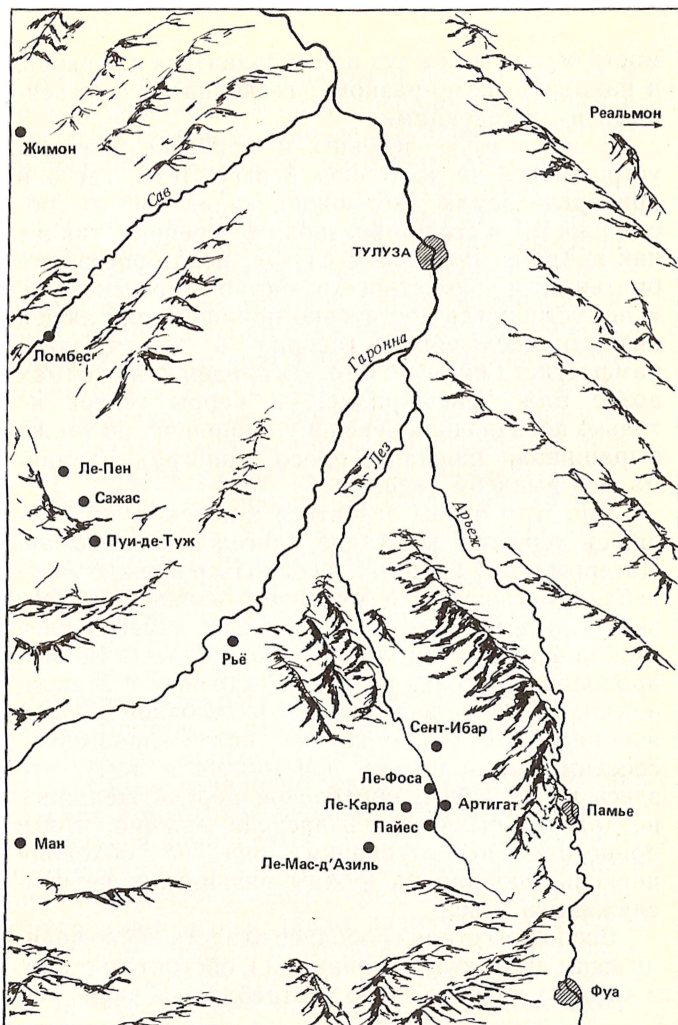
Несмотря на вполне определенные свободы, характерные для Артига, его облик был достаточно разнороден и смешан. Лингвистически он находился как раз в зоне столкновения нозальных и плавных созвучий гасконского и лангедокского диалектов. Географически селение находилось в центре графства Фуа, и, тем не менее, вместе с Пайе и несколькими селениями попадало под власть Лангедока. Находясь неподалеку от Памьера, центра епархии Памьер, Артига считалось частью более отдаленной епархии Рио. Священник главной приходской церкви Сен-Сернен в Артига назначался канониками Сен-Этьена, расположенного еще дальше, в Тулузе; приходский священник Бажу, небольшого прихода, подлежащего юрисдикции Артига, также назначался тулузским капитулом. Жителям Артига приходилось пересекать несколько границ, исполняя свои обязанности землепашцев, пастухов, в случае необходи-

мости обратиться в суд или отправиться в церковь, и называли их по-разному: гасконцами, фуасьенцами и лангедокцами.

В эту самую деревню и прибыли Дагерры, устроившись на восточном берегу Лезы, где они приобрели землю (возможно, купив чью-то собственность) и стали производить черепицу, так же как в Андае. Во всяком случае, некоторое время братья вели совместное хозяйство и преуспевали. «Они устроились достаточно прилично для людей низкого сословия», — говорил о них позднее памфлетист Гийом Ле Сер. Их владения на холмах возле Бажу расширились, и Герры теперь не только производили черепицу и кирпичи, но также выращивали пшеницу, просо, виноград и занимались выпасом овец.

Для того чтобы освоиться в деревне, им пришлось перенять кое-какие лангедокские обычаи. Дагерры стали Геррами, и если Пьер прежде употреблял баскскую форму своего имени — Бетризанс или даже Петри, — теперь он изменил свое имя на французский лад. Возможно, жена Санкси продолжала носить на голове корзины с зерном, однако ей пришлось перешить головной убор и изменить покрой юбки на более привычный соседям. Ей пришлось привыкнуть к тому, что здесь на службе в приходской церкви женщины не должны были стоять впереди мужчин, чтобы приносить пожертвования, они не обходили церковь, собирая на нужды ризницы, и не прислуживали в ней.

Все Герры стали свободнее владеть южнофранцузским диалектом и привыкли к обстоятельствам, в которых писаное слово употреблялось чаще, чем

Дороги Мартена Герра. (Обозначение топонимов, принятых переводчиком книги, соответствует традиции; на карте дана современная транскрипция географических названий.)

в Андае. «Язык басков, — писал судья де Кора, — настолько невразумителен и труден, что, по мнению многих, его невозможно воспроизвести с помощью букв». На деле же в Бордо в 1545 г. было напечатано собрание стихов на баскском наречии, однако официальные документы и контракты в Лабуре по-прежнему составлялись на гасконском или на французском. У себя на родине Герры заключали свои сделки устно на баскском, испанском или гасконском языках. В области, лежащей между Гаронной и рекой Арьеж, они часто заключали их в присутствии нотариусов. Последние жили в множестве небольших городов и даже до королевского Виллер-Котрейского эдикта, с 1539 г. устанавливавшего такой порядок, составляли свои контракты на французском, записывая лишь некоторые слова по-лангедокски. Герры были достаточно грамотны, для того чтобы вести простейшие счета, хотя, как и большинство жителей Артига, они никогда не подписывали контракты своими именами и, возможно, не умели читать. Действительно, в Артига не было учителя, который мог бы научить их этому.

Пока Герры пускали корни в этом селении, их семья разрасталась. Жена Санкси родила еще нескольких детей, и четыре дочери пережили опасный детский возраст. Пьер Герр женился и, соблюдая баскский обычай, согласно которому женатые братья обычно не живут вместе, должно быть, перебрался в отдельный дом, неподалеку от дома Санкси. Вероятно, между братьями также состоялся раздел части имущества. И вот в 1538 г. Герры заключили брачный контракт, из которого явствует, насколько упрочилось их положение в

Артига за прошедшие 11 лет; единственный сын Санкси женился на Бертранде де Ролс, дочери состоятельных Ролсов, проживавших на другой стороне Лезы.

То, что отец Бертранды считал этот брак подходящей партией, лишний раз свидетельствует о прямодушном отношении жителей деревни к пришельцам в эти годы. У другого семейства, Гроз, также прибывшего из Ле Ма-д'Азиля, дела шли хорошо: они поддерживали отношения с семьей Банкель и избирались в общинный совет. На территории, входившей в юрисдикцию Артига, заключалось много брачных контрактов, и порой супруги были родом из одного прихода, как в случае с Ролсами и Геррами, но, разумеется, не обходилось и без того, чтобы жених или невеста приезжали из более отдаленных мест. Жанна де Банкель вышла замуж за Филиппа дю Фу из Сен-Ибара, в то время как Арно де Борденав привез свою жену и тещу из деревни, относившейся к епархии Кузеран. Хотя земля басков была еще более отдаленной, появление выходцев оттуда не представлялось чем-то необычным в епархии Рио: например, на противоположном берегу Гаронны, в Паламини, жили Бернар Герр и его жена Мари Дабадьа — оба из известных баскских фамилий. Возможно, эти Герры тоже когда-то пришли из Лабура.

Новобрачные, о которых шла речь в контракте, заключенном между Ролсами и Геррами, были необычайно молоды. Исходя из историко-демографических исследований, мы могли бы ожидать, что им должно было быть не менее 18—19 лет, однако Мартену шел всего

лишь четырнадцатый год. Что же до Бертранды, то, если она действительно была так молода, как показывала впоследствии¹, ее замужество было нарушением канонического права. Однако Ролсам и Геррам не терпелось заключить союз, а артигский священник мессир Жак Боери был из местных и не препятствовал заключению брака. Как разъясняет Ле Сер, «таким образом осуществлялись надежды на потомство не только по разумению королей, но и по рассуждению простолюдинов, старавшихся женить своих детей в нежном возрасте».

Разумеется, наряду с соображениями относительно продолжения рода принимались также в расчет соображения относительно имущества и иной взаимной выгоды. Ролсы, скажем, могли иметь виды на черепицу, производимую Геррами, а те могли рассчитывать на брата Бертранды, имея на руках столько дочерей. Брачный контракт, заключенный между Бертрандой и Мартеном, не сохранился, но мы можем строить предположения относительно его содержания, исходя из множества других сохранившихся контрактов. Браки, заключавшиеся в пределах, ограниченных

¹ Бертранда в своей жалобе судье Рио сообщала, что, «будучи девочкой девяти-десяти лет, вышла замуж за Мартена Герра», также весьма юного в то время (чуть старше истицы). — *Jean de Coras. Arrest Memorable du Parlement de Tholose. Paris, 1572, p. 1.* Однако Мартену Герру ко времени процесса 1560 г. предположительно было 35 лет, и если сравнить эти данные со свидетельствами о том, сколько лет он прожил с Бертрандой, и с другими такого рода сведениями, то выходит, что ему было около 14 лет ко времени свадьбы. Возможно, Бертранда также достигла к этому времени половой зрелости.

Гаронной и Арьежем, не всегда служили поводом для передачи земли одного крестьянского семейства другому; основная часть имущества, как мы видели, сохранялась для раздела между сыновьями, согласно сделанным *inter vivos* (при жизни) родительским пожалованиям и завещаниям. И все же в приданое за дочерьми давалась денежная сумма, эквивалентная продажной стоимости, скажем, виноградника или пахотного участка земли. Семейства среднего достатка выплачивали эту сумму в течение нескольких лет. Богатые же семьи расплачивались с молодыми единовременно и в редких случаях давали, помимо денег, немного земли. За юную Берtrandу де Ролс скорее всего дали от 50 до 150 ливров наличными — небольшой по городским и весьма щедрый по деревенским понятиям дар, — а также виноградник к западу от Лезы, называвшийся Дельбур (он располагался рядом с другими землями Ролсов и был поименован в числе владений Герров в записях конца XVI века). Помимо этого, в приданое входила домашняя утварь и постель, которая непременно давалась в здешних краях за невестой; тюфяк с пуховыми подушками, льняные и шерстяные простыни, постельное покрывало, сундук с замком и ключом, а также несколько платьев разного цвета.

Детей венчали в артигской церкви, в которой были захоронены дед Берtrandы Андре и другие ее предки. Затем свадебная процессия вернулась к дому Санкси Герра, где, согласно баскскому обычаю, новый хозяин должен был поселиться вместе со старым. После свадебной вечеринки молодых отвели к брачной постели Берtrandы.

Около полуночи в их комнату ворвались молодые гуляки во главе с Катрин Боеи, родственницей приходского священника Артига. Она несла им «gesveil» («горячительное»). Крепко приправленный травами и пряностями напиток гарантировал новобрачным пылкое соитие и плодovitый брак.

Глава 2

Незадачливый крестьянин

Сдается, ничего не произошло в брачной постели Бертранды ни той ночью, ни в течение более восьми следующих лет. Мартен Герр оказался импотентом; молодых коснулись «злые чары».

Возможно, это было не первым огорчением Мартена. Вряд ли мальчику из Лабура легко было расти в Артига. Надо было разбираться в наречиях, отличая баскский язык родителей от старофранцузского диалекта, на котором Герры изъяснялись с акцентом, — от того языка, на котором говорили люди, делавшие черепицу, убиравшие хлеб и собиравшиеся в церкви. Должно быть, ему иногда разрешали поиграть с деревенскими подростками. Старшие винили детей в том, что те таскают виноград, и, несомненно, его дразнили за

имя — Мартен. Оно было довольно обычным в Андайе, но казалось странным в те годы среди артигских Жанов, Арно, Жаков, Андре, Гийомов, Антуанов, Пейсов и Бернаров. То, что это имя было распространено в соседнем приходе, не облегчало положения. Мартенами здешние крестьяне называли животных — ослов и медведя, которого, по преданию, местные пастухи порою видели в горах.

В семействе Герр новый молодой хозяин должен был иметь дело не с одним, а с двумя сильными мужчинами, каждый из которых отличался свирепым нравом. На его стороне была лишь его сестра Жанна и еще три сестры, а также его двоюродные сестры, дочери Пьера Герра, то есть всего лишь малолетки. Затем, едва что-то появилось в его гульфике, еще одна девчонка вошла в его жизнь — Бертранда де Ролс.

Скорее всего, Санкси Герру и в голову не могло прийти, что у его сына могут возникнуть какие-то неприятности по части брачных обязанностей. Возможно, женитьба совсем молодого парня осуждалась в деревне, поскольку он еще мало что смыслил в хозяйстве и в семейных делах, а также потому, что жидкая и нежная влага его юного тела содержала слабое семя — таковы были воззрения крестьян XVI столетия. Но они же полагали, что, едва подросток достигнет половой зрелости, плоть его должна начать функционировать нормально, если не сказать, слишком нормально.

Некоторое время Мартен и его семья могли надеяться, что импотенция пройдет. В Стране Басков существовал обычай, согласно которому молодые люди «имели право испытать своих женщин...

прежде чем жениться на них»; возможно, это было своего рода сексуальным испытанием. Однако Мартен рос, становясь высоким, стройным юношей, очень подвижным, как большинство баскских мужчин, славился в деревне умением фехтовать и способностями к акробатике. Берtrandа, подрастая, превращалась в красивую молодую женщину: “belle” (“прекрасная”) было первым словом, которым начиналось ее описание, сделанное впоследствии де Кора. И все же ничего не получалось. Семья Берtrandы настаивала на том, чтобы та оставила Мартена; поскольку супружеские отношения не осуществлялись, брак мог быть расторгнут через три года, и Берtrandа, согласно каноническому праву, была вольна выйти замуж в другой раз.

Ситуация была унижительной, и жители деревни давали это молодым почувствовать. Если невеста не зачинала после определенного срока, новобрачные становились мишенью для насмешек в виде «кошачьих концертов». Молодые люди, которые фехтовали и дрались на кулачках с Марте́ном, должно быть, чернили себе лица, надевали женские одежды, собирались перед домом Герров, колотили в винные бочки, звенели колокольцами и мечами. Это было и впрямь унижительно.

Мартена словно околдовали. Позднее Берtrandа говорила, что их «сковали колдовские чары», так что они не могли осуществлять брачные отношения, — либо какая-то колдунья завидовала семейству Герр и их удачливому союзу с Ролсами, либо это было сделано по наущению некоего ревнивого мужчины или ревливой женщины. (В наше время импотенцию мужа часто

относят на счет заносчивости или сварливости жены. В XVI веке обычно обвиняли постороннюю женщину.) Испробовав на себе все обычные способы лечения, распространенные в Лабуре и в графстве Фуа, молодожены, должно быть, не раз советовались с какой-нибудь местной разбирающейся в таких делах женщиной. Наконец, когда прошло около восьми лет, «появилась, словно с неба упала», одна старуха и научила их, как избавиться от чар. Священники отслужили для них четыре службы и дали им съесть по облатке святого причастия и специально испеченные лепешки. Мартен исполнил свой супружеский долг, а Бертранда тотчас зачала и родила сына, которого окрестили Санкси в честь баскского деда.

И все же с молодым отцом что-то было неладно. Если судить об умонастроении Мартена Герра, исходя из того, какую жизнь он предпочитал вести в следующие 12 лет, мы увидим, что ему не многое пришлось по душе в Артига, помимо фехтования и упражнений в акробатике вместе с другими молодыми людьми. Его сомнительные сексуальные способности после стольких лет импотенции, его дом, полный сестер, которые вскоре должны были выйти замуж, его положение в качестве наследника, укрепившееся теперь с появлением на свет сына Санкси, — все это было ему не по нраву. В лучшем случае отношения между старшими и младшими хозяевами в доме басков могли быть, что называется, деликатными; можно представить себе, как они складывались между напористым Санкси-отцом и его равнодушным сыном Мартеном.

В большинстве случаев историки, исследующие демографические перемещения, полагают, что

миграция крестьян определяется лишь экономическими соображениями. В случае семейства Герр эти причины не являются исчерпывающими. Мартен мечтал о жизни, не ограниченной полями проса, черепичным заводом, хозяйством и брачными узами. Он уже кое-где побывал: ходил в Памьер, расположенный восточнее Артига, на конфирмацию и, несомненно по другим надобностям, побывал в Мане, что на реке Сала, западнее селения, — там Мартен свел дружбу с хозяином местной гостиницы. Но все пути приводили назад в Артига. На деле обычай деревенского общества предоставлял молодому человеку некоторое, хоть и ограниченное, время на то, чтобы поразмыслить, прежде чем связывать себя узами брака. В земле басков такую возможность давало море и китобойный промысел; несомненно, Мартен слышал об этом от своего дяди и родителей. По всем Пиренеям и в долине у их подножия можно было, нанявшись пастухом, перемещаться вместе со стадами; такого рода путешествия прекрасно описаны Пьером Мори из Монтею на примере Руа Ладюри. Стать китобоем, живя в глубине континента в графстве Фуа, было практически невозможно, пользоваться же другой возможностью для представителей лучших семейств Артига считалось зазорным по социальным соображениям. Люди, которые гоняли овец «в горы», отрывались от земледелия, торговли и прочей деловой жизни долины Лезы.

Можно ли было найти еще какой-нибудь повод покинуть дом? В Ле Фосса была школа; молодой Доменик Боери учился в ней, с тем чтобы поступить в университет и стать бакалавром юридичес-

ких наук. Существовали отряды и легионы Франциска I, набиравшиеся, равно как и повсюду, в Лангедоке. В Лабуре, откуда пришли Герры, были представители рода Дагерров, служившие в королевской армии. Даже почтенные нотариусы в Ле-Ма-д'Азиле мечтали о такой службе и рисовали солдат в своих регистрационных книгах. Кроме того, существовала Испания, ежегодно привлекавшая мужчин из епархии Рио. Пей дель Рио из Сен-Ибара, «решив отправиться на заработок в Испанию», оставил завещание, согласно которому его имущество в случае его смерти доставалось его сестре. Франсуа Бонказ из Лану взял с собой жену в Барселону, но сохранились и такие брачные контракты, в которых жених твердо оговаривал, что его невеста будет жить и кормиться у его родителей, если он решит отправиться в Испанию после свадьбы.

Ни одной из таких возможностей Санкси Герр не дал бы воспользоваться своему сыну. Однако в 1548 г., когда новорожденному Санкси было всего несколько месяцев, а Мартену — 24 года, случилось нечто такое, что Мартену стало не до согласия старшего хозяина. Он украл небольшое количество зерна у своего отца. Поскольку они жили под одной крышей, эта кража, возможно, отразилась в себе борьбу между двумя совладельцами имущества. Во всяком случае, баскский закон не прощал кражу, особенно если она происходила внутри семьи. «Баски — честные люди, — писал позднее судья Пьер де Ланкр, — они считают, что на воровство способен лишь человек с ничтожной душой и низким, презренным сердцем, что вор, совершив кражу, лишается человеческого достоинс-

тва». Теперь Мартен Герр оказался в невыносимом положении. «В страхе перед строгостью отца» он бросил все — отказался от наследства, от родителей, от сына, от жены, — и много лет о нем не было ни слуху ни духу.

Любопытно, прошел ли Мартен тот же путь, который проделал его отец 20 лет назад, и посетил ли Лабур. Его положение наследника было теперь сомнительным, и, возможно, ему вовсе не хотелось встречаться с Жоанто Дагерром и прочими родичами, чтобы те не сообщили его семейству о том, где он находится. Однако не исключено, что Мартену все же удалось взглянуть на места, где он родился, — на берега и волны океана. Достоверно лишь то, что он перешел через Пиреней в Испанию, научился говорить на кастильском наречии и в конце концов обосновался в Бургосе, поступив лакеем в дом Франциско де Мендозы, кардинала римской католической церкви.

В 1550 г. Бургос был процветающим городом с населением около 19 тысяч человек, он все еще оставался торговой столицей Кастилии, центром купли-продажи шерсти с целым воинством паломников, приходящих к св. Иакову Кастильскому. Упомянутым настоятелем его величественного кафедрального собора был в тот год Франциско де Мендоза-и-Бобадилья, бывший корийский епископ, ученый и гуманист, всю жизнь поддерживавший дружеские отношения с Эразмом и Вивесом, в 1544 г. ставший кардиналом, выступив на стороне императора во время первого заседания Трентского собора. В качестве высокопоставленного поли-

тического представителя церкви и Карла V дон Франциско в течение нескольких лет оставался в Италии. Для передачи своих писем, касавшихся назначения кафедрального совета, в августе 1550г. он послал своего брата Педро де Мендозу, comendador (командора) испанского рыцарского ордена Сантьяго и командующего испанской армией. Вероятнее всего, Педро надзирал за передачей корреспонденции, равно как и за поддержанием порядка в епископском дворце, а также мог выполнять те или иные поручения прелата во время его отсутствия.

В этот самый дворец и нанялся пажем молодой крестьянин из Артига¹. Теперь он занимал хоть и низкое положение, но в мире важных людей, каноников-аристократов из кафедрального совета, знаменитых купцов из Эйнтамиенто в Бургосе, недавно явившихся в город иезуитов, и всякого рода господ, посещавших дом епископа. Он наблюдал за соблюдением сложного обряда соборной службы, разительно отличавшейся от служб в приходских церквях Бажу и Артига. Он расхаживал среди городской толпы с мечом и в ливрее одного из

¹ У де Кора мы читаем: «Сей Мартен Герр, что отправился юношей в Испанию, где служил лакеем сначала у кардинала Бургоса, а затем у его брата». В сентябре 1587 г. Франциско де Мендоза уже не проживал в епархии своего брата, в это же время и Мартен покинул Бургос. Это я предположила, что он уже был лакеем в епископальном дворце в Бургосе до прибытия Франциско. Вполне возможно, что он каким-то образом поступил в услужение к последнему в Риме или в Сиене; в таком случае Мартен Герр повидал гораздо больше, однако ни де Кора, ни Ле Сер не упоминают о его пребывании в Италии. В XVI веке баски ценились в качестве лакеев благодаря своему рвению. У Гаргантюа был лакей из басков; Монтень говорит об их любви к перемене мест.

самых знатных домов Испании. Жалел ли он когда-нибудь о деревне, покинутой им, рассказывал ли на исповеди о своем прошлом?

Затем Мартен перешел на службу к брату Франциско, Педро. Возможно, тот заметил его физические достоинства и в составе свиты Педро он отправляется в испанскую армию. Со временем он был отправлен во Фландрию и зачислен в армию Филиппа II, которую последний предполагал использовать против французов возле Сен-Квентина. Должно быть, ему никогда не приходило в голову, что его могут обвинить в государственной измене. Но об эту пору ему, возможно, не приходило в голову и то, что он когда-нибудь пожелает вернуться во Францию.

Где бы он ни служил — со своим хозяином Педро в легкой кавалерии или в пехоте, — Мартен пережил, не пострадав, первые дни кампании жесточайшего обстрела — испанцы обстреливали из пушек упомянутый пикардийский город. Затем наступил день св. Лаврентия, 10 августа 1557 г., когда армия Филиппа II разгромила французские войска, шедшие на выручку осажденному Сен-Квентину, уничтожив множество людей и взяв довольно пленных, от констебля Франции и ниже. «Мы захватили много добычи, оружия, коней, золотых цепей, серебряных и прочих вещей», — ликующе возвещает в своем дневнике некий испанский офицер. Педро де Мендоза взял в плен двух рыцарей, за которых получил 300 экю выкупа. Что до Мартена Герра, то он был ранен в ногу выстрелом из французской аркебузы. Ногу пришлось ампутировать, и дни, когда Мартен Герр был ловок и проворен, миновали.

Изображения воображаемых солдат (рисунки на материалах дела).

Доброе имя Берtrandы де Ролс

Когда Мартен Герр отправился в свои странствия, его жене было не более 22 лет. У «красивой молодой женщины» тоже были основания сетовать на свое прошлое. Насколько мы можем судить, Бертранда провела свое детство в компании по крайней мере с одним братом, держалась своей матери, училась прясть и исполнять другую женскую работу. Девочек в Артига и близлежащих деревнях иногда отдавали прислуживать в чужие дома — к примеру, нам известно, что супруга купца из Ле Фосса отдавала свои платья служанке, но в таких семьях, как у Берtrandы, девушки до замужества чаще помогали по дому.

И, прежде чем кто-либо из артигских парней сплясал с Берtrandой под аккомпанемент местных

скрипачей на празднике Успения или еще как-нибудь поухаживал за ней, она была выдана замуж за Мартена Герра. Должно быть, она уже «зацвела», то есть у нее уже начались менструальные кровотечения, иначе бы домохозяева не позволили бы ей перед брачной ночью пить плодотворящее зелье, способствующее зачатию. Но, будучи совсем юной и находясь в чужом доме, она страдала от той же сексуальной немощи, что и Мартен; она тоже находилась во власти «чар», о чем через много лет сообщала суду в Рио. Колдуны, желая предотвратить совокупление между мужем и женой, обычно имели дело лишь с мужскими половыми органами¹. Однако порой чары действовали и на женщин: как объясняли инквизиторы в «*Malleus Maleficarum*» («Молоте ведьм»), «дьявол способен столь затемнить разум жены, внушить ей такое отвращение к мужу, что та ни за что на свете не позволит ему лечь с ней».

Возможно, Бертранда и не смогла бы определить свое состояние этими словами, однако представляется очевидным, что до поры ее устраивала импотенция мужа. И все же, когда семейство Бертранды принялось настаивать на том, чтобы она оставила Мартена, она решительно отказалась. Здесь мы сталкиваемся с определенными чертами

¹ Действительно, пересказывая слова Бертранды, де Кора в своих разъяснениях отмечал, что это именно Мартен был заговорен, и описывал лишь разновидности применения чар к мужчинам. Женская импотенция, по его словам, зависела от естественных причин, как в тех случаях, когда у женщины «столь узкие и тесные половые органы, что она не в состоянии вынести плотского соития с мужчиной». Но в случае с Берtrandой дело было не в этом. Знатоки церковного права также придавали мало значения оккультным причинам женской импотенции.

Крестьянский танец.

характера Бертранды де Ролс, которые уже проявились, когда ей было всего 16 лет: забота о своей женской репутации, упрямая независимость и трезвая практичность, с которой она умела обходить ограничения, связанные с ее полом. Отказ от расторжения брака, за которым должно было последовать вступление в брак с избранником ее родителей, освобождал ее на некоторое время от известных супружеских обязанностей. Она получала возможность проводить свои девические годы в компании младших сестер Мартена, с которыми она ладила. Кроме того, за ней закрепилась репутация добродетельной девушки. Как позднее рассказывал де Кора, касаясь отказа от расторжения брака, «этот акт, подобно пробному камню, является достовернейшим доказательством добродетельности названной де Ролс». Вполне возможно, что несколько добропорядочных жен из Артига высказали бы подобные же суждения.

Затем, когда у Бертранды возникла в этом необходимость, «появилась, словно с неба упала», упоминавшаяся старуха и помогла снять проклятье. Бертранда наконец родила ребенка, и это событие было для нее (как и для других деревенских женщин, у которых замужество прошло более гладко) первым актом, дававшим возможность считать ее взрослой. Бертранда составила себе представление об этом мире взрослых женщин на примере собственной матери, своей баскской свекрови и своей бабушки. Что могла сулить ей жизнь взрослой женщины? Прежде всего устройство мира и общественный статус определялись исключительно положением мужчины. Частица «де», так часто встречававшаяся в именах женщин, обитав-

Стрижка овец.

ших в Артига и его окрестностях, вовсе не говорила о попытке крестьян подражать знати — это был просто способ подчеркнуть иерархическую структуру сельского общества. Берtrandу звали де Ролс, отца же — Ролсом; Жанну бы звали де Банкель, а ее отца — Банкелем; Арнод звали де Тор, отца же — просто Тором. В долине реки Лезы, как мы видели, имущество всегда наследовали дети мужского пола, за исключением тех случаев, когда в семействе, к несчастью, рождались только девочки. Члены приходского совета собирали на собрания лишь крестьян мужского пола, вызывая их жен или вдов лишь для того, чтобы отдать им приказания.

Однако в повседневной жизни — в поле, в домашнем хозяйстве — женщины всегда занимали важное положение. Они выполняли чисто женские работы: мотыжили землю, подрезали виноградную лозу, собирали виноград. Вместе со своими мужьями они обрабатывали взятую внаем землю, стригли овец и брали на откорм коров и телят, заключая соответствующие контракты. Некая Марагиль Корталь, вдова из Сен-Ибара, взяла на откорм сроком на четыре года ни много ни мало 18 ягнят, обещая печься о них, как «хороший отец — о своем семействе». Женщины сучили шерсть для ткачей из Ле Фосса, пекли хлеб и продавали его другим крестьянам. Такие женщины, как Маргерит, известная под именем Ла Брюгас из Ле Карла, ссужали небольшие суммы денег, в то время как жены и вдовы сельских торговцев, такие, как Бертранда де Гугеля и Сюзанна де Робер из Ле Фосса, бойко торговали пшеницей, просом и вином. Разумеется, женщины были повивальными бабками,

и, если учесть, что в окрестностях было мало врачей, у них было много работы.

Женщины полностью зависели от доброй воли своих мужей или сыновей, когда становились вдовами. В принципе по обычаям Лангедока вдове гарантировали возвращение всего, что было ей дано в приданое на свадьбу, а также третью часть «прибыли», полученной с этого имущества. На деле же брачные контракты, заключавшиеся в Артига и окрестных городах и деревнях, не оговаривали такого рода возмещений. В них разъяснялись права жены на имущество мужа только в особом случае, когда ее родители или овдовевшая мать намеревались жить совместно с новобрачными. Но в основном при составлении завещаний решения принимали мужья. В лучшем случае муж обеспечивал свою супругу правом пользования всем имуществом и доходом с него, пока она «вдовствует» (в некоторых завещаниях прибавлено: «добродетельно»). Если же он действительно доверял ей или хотел воздать за «доброе услужение», он оговаривал право жены пользоваться его добром, «не отчитываясь в том ни перед кем на свете». Если же она не могла поладить с его наследниками, муж детально обуславливал ее долю наследства: семь мер пшеницы, один бочонок доброго вина, пара башмаков и чулок каждые два года, дрова на зиму и прочее. Если же вдова вновь выходила замуж, ей выделялась единовременная сумма, эквивалентная ее приданому с прибылью от него.

Такие реалии мира крестьянских отношений поощряли в женщине не только умение хорошо хозяйничать, но также способность сговориться

с мужчинами относительно своих выгод, скажем, в случае, если она останется вдовой. Замужняя женщина из Артига не могла и мечтать о таком положении, которое занимала благородная Роза Испании, госпожа Дюрфор, наследница, скупавшая земли и угнетавшая своих исполыщиков, обрабатывавших земли, расположенные чуть восточнее деревни. Однако артигская женщина могла надеяться на уважение других женщин селения и на никем не оговоренный авторитет вдовы. Вдова была в состоянии подарить виноградник женившемуся сыну и по паре шосс каждому из своих внуков. И, видимо, артигские женщины приспособились к подобного рода системе отношений, используя прочные связи и тайное согласие, существующие между матерью и дочерью. В качестве жен они назначали мужей наследниками всего своего имущества, в качестве вдов они предпочитали делать завешание скорее в пользу сына, нежели дочери. Они бывали весьма уязвлены и требовали возмещения за обиду от тех, кто оскорблял их, назвав *bagasse* (проституткой). Так, одна замужняя женщина из Ле Фосса обратилась в суд с иском против соседки не только за то, что та ударила ее во время ссоры из-за домашней птицы, но и за то, что та обозвала ее «клушей».

Таковы были материальные и этические ценности, среди которых выросла Бертранда де Ролс. Во всех последующих перипетиях своей жизни Бертранда никогда не высказывала желания выйти за пределы обычаев этого общества, быть отвергнутой им или самой выйти из него. Однако она пыталась поступать по-своему. Возможно, на нее имела влияние жившая с ней бок о бок свекровь,

известная своей самоуверенностью баскская женщина. Лабурские женщины, часто наследовавшие все права на имущество, славились своей «наглостью» и, состарившись, считались ведьмами.

Не успела Бертранда, став матерью наследника, поставить себя в иные отношения со свекровью, как Мартен Герр бесследно исчез. Это было катастрофой. Даже любителей всласть посплетничать неожиданное исчезновение зажиточного крестьянина заставило забеспокоиться по поводу выпадения одного звена из цепи недавно заключенных брачных уз. Что же касается Герров, пришедших из Страны Басков, то им предстояло перенести еще один позор. Родители Мартена умерли, так ничего и не узнав о сыне. Старший Санкси в конце концов простил его, оставив завещание, в котором Мартен был поименован наследником как собственности в Андае, так и земель в Артига. Местные нотариусы знали, что делать в случае отсутствия наследника всего имущества: «если он умер или не вернулся», соответственно официальной формуле, другие заступают его место. До поры опекуном основательного состояния исчезнувшего брата, а также опекуном незамужних сестер Мартена стал Пьер Герр.

В какой-то момент — скорее всего сразу после смерти старшего Санкси — Пьер Герр сделал попытку наладить отношения между домами Герров и Ролсов, с тем чтобы помочь оставленной жене Мартена. Будучи вдовцом с дочерьми от первого брака, он женился на матери Бертранды¹. Их

¹ Де Кора не приводит дату свадьбы Пьера Герра и матери Бертранды, однако вышеозначенное время представляется наиболее вероятным. Дочери Пьера ни разу не называются

брачный контракт скорее всего был составлен очень тщательно, имея в виду объединение двух хозяйств. Матери Бертранды должны были достаться все деньги и все товары, оставленные ей мужем на тот случай, если она вновь выйдет замуж; Пьер же со своей стороны обещал поддерживать Берtrandу и ее сына Санкси; оговорено было также, как они будут делить вновь приобретенное добро. Дом, соседствовавший с домом Ролсов, скорее всего был арендован на короткий срок — никто бы не решился возобновить договор с Берtrandой, учитывая те обстоятельства, в которых она находилась. Пьер Герр сделался главой дома, стоящего на его земле и населенного в основном женщинами.

Положение Бертранды в семействе после всех этих событий стало менее прочным. Не будучи ни женой, ни вдовой, она вновь оказалась под одной крышей со своей матерью. Не будучи ни женой, ни вдовой, она должна была сталкиваться с другими деревенскими женщинами на мельнице, у колодца, на черепичном заводе и в поле во время жатвы. Закон также не облегчал ее положения. После вольных дней времен правления папы Александра III в XII веке доктора богословия настаивали на том, что жена не может вновь выйти замуж в отсутствие своего мужа независимо от того, сколько лет прошло со дня его исчезновения, не имея точных доказательств его смерти. Из всех возмож-

в качестве сестер или сводных сестер Бертранды — это наверняка были дочери от первой жены. Каковы бы ни были хозяйственные распоряжения, сделанные покойным мужем, бедственное положение дочери вынудило мать Бертранды вторично выйти замуж.

ных традиций, существовавших в гражданском праве, возобладало наиболее жесткое установление кодекса Юстиниана. Тулузский парламент подтвердил такого рода установление, вынося решение по поводу одного брачного дела в 1557 году: «В отсутствие супруга жена не может вновь выйти замуж, если у нее нет доказательств его смерти... даже если муж отсутствует 20 лет и более... Смерть же должна быть подтверждена письменными показаниями свидетелей или исчерпывающими и убедительными основаниями для предположений».

Конечно, крестьяне могли попытаться обойти закон — им это было не впервой — и измыслить известие о том, что исчезнувший утонул или пал от пули, или вовсе пренебречь законом, если деревенский священник достаточно покладист. Однако Бертранда решила не делать этого. Практическая заинтересованность заставляла ее держаться за сына и имущество, которое тот в свое время унаследует. Сказались также ее собственные упрямство и забота о своей репутации. Какие бы взгляды на нее ни бросали, какие бы предложения ей ни делали, красивая молодая женщина (как впоследствии все подтвердили) жила «добродетельно и честно».

Между тем она трудилась, растила сына Санкси и ждала. Возможно, ей помогали переносить одиночество золовки и та мудрая женщина, чьи советы помогли ей избавиться от проклятия. Ни один из приходских священников артигской церкви после мессира Жака Боери не был выходцем из местной семьи и, скорее всего, не мог постоянно находиться в приходе, так что Бертранда могла рас-

сказывать о своих бедах лишь св. Катерине, чье имя носила кладбищенская церковь. Однако сама Бертранда наверняка в мыслях о своей жизни делила ее на три части, как делала впоследствии, давая показания судье в Рио: лет 10 детства, лет 10 замужества и годы ожидания, число которых приближалось к девяти. Несмотря на раннее замужество, в течение которого она лишь малое время жила с мужем как подобает жене, несмотря на брак с мужчиной, который ее мало понимал, возможно, боялся и наверняка избегал ее, Бертранда все же мечтала о некоем муже и возлюбленном, который вернется и будет другим. И вот летом 1556 г. пред ней явился мужчина, назвавший себя давно пропавшим Мартеном Герром. В прошлом он был известен как Арно дю Тиль по прозвищу Пансет (Брюхо).

Глава 4

Личины Арно дю Тиль

Имя дю Тиль было по тем временам одним из самых распространенных в Басконии и Лангедоке и часто встречалось в епархии Ломбе, где родился Арно. Его отец Арно Гильем дю Тиль был коренным жителем деревни Сажа; его мать, некая Барро, была из соседней деревни Ле Пен. Эти места находились к северо-западу от епархии Рио, далеко за Гаронной. Чтобы добраться от Сажа до Артига, нужно было ехать целый день.

Современники называли местность, откуда вышел Арно, землей комменжей. «Она богата зерном, — писал о ней земляк дю Тиль Франсуа Бельфоре, — винами, фруктами, сеном, ореховым маслом, просом и другими необходимыми для существования продуктами. В земле комменжей множество мужчин, столь доблестных, сколь

может быть доблестным мужчиной... и без числа больших городов, богатых деревень и старинных замков, в которых проживает больше знати, чем в какой-либо другой части Франции».

Арно дю Тиль, скорее всего, описал бы свой край в менее пышных выражениях. У жителей Сажа был сеньор по имени Жан де Виз, а затем его сын Севери; могучий и старинный род Комменж — Пегильянов владел сеньорией Ле Пен. Правление сеньоров подразумевало не только выплату обычных налогов, но также вмешательство в частную жизнь жителей деревни, как в Мане, где сеньор пытался ограничить право местных жителей на владение таверной и бойней. Выражение «множество жителей» могло указывать не только на наличие лишних рук для сельских работ, но также на нехватку земли; нотариусам епархии Ломбе часто приходилось составлять контракты на работу исполу.

И все же это был экономически развитый район среди тех, что входили в сферу влияния Тулузы. Крестьяне из Сажа и Ле Пена добирались до Рьема и далее до острова Лиль-он-Додона, Ломбе, Жимена и Тулузы, чтобы продавать и покупать зерно, вино, ткани и дрова, приобретать овец, брать на выпас коз и бычков на откорм, а также чтобы сбывать тонкую шерсть и кожи. Сама по себе деревня Сажа была одним из небольших селений в окрестностях Рьема. На холмах и склонах, по которым располагалась деревня, обитало примерно 30—40 семейств; большинство крестьян занимались пахотным земледелием и выпасом скота, несколько семейств ткали льняное полотно и еще несколько — занимались сельским кустар-

ным промыслом. Деревня Ле Пен была больше по площади, чем Артига, с большим разнообразием ремесел, хотя первый нотариус, навсегда поселившийся в Ле Пене, сделал это лишь в XVII столетии.

Семейства дю Тиль и Барро ничем не выделялись в этом сельском обществе. В 1551 г. после епархиальной переписи их имена не были вписаны в списки членов общинного совета (*bassiniers*) (басеньоров) — таких как Дабейя, Дюбаны, де Соли и Сен-Андрье, — разрешавших местные проблемы и возглавлявших собрание приходской общины. Они, скорее, принадлежали к среднему слою крестьян, имевших достаточно земли и виноградников; так что, когда Арно Гильем умер и его имущество было разделено между сыновьями (практика наследования в Сажа и Ле Пене была такой же, как в Артига), немного земли досталось и Арно.

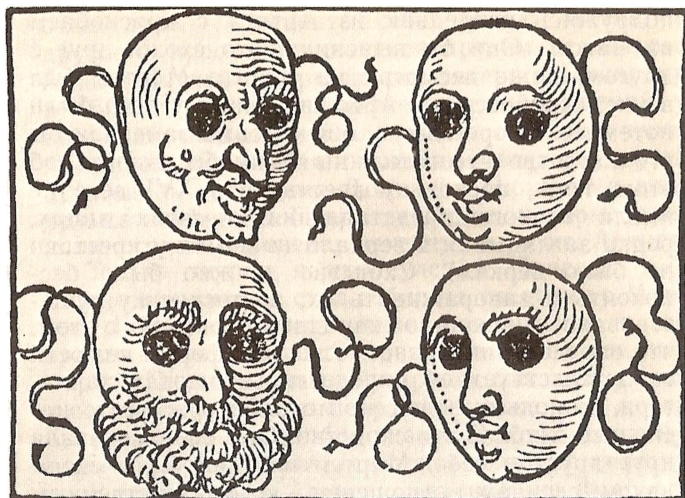
Если чем и была знаменита семья дю Тиль, так это сыном Арно. Юность его ничем не походила на молодые годы Мартена Герра. Он вырос среди мальчиков, с которыми хорошо ладил. Он был довольно низкорослым и коренастым и не очень увлекался сельскими забавами. Но у него был на удивление хорошо подвешен язык, а памяти его позавидовал бы и актер. Арно был одним из таких парней, которых викарии Сажа — а кроме последних, почти никто в селении не умел подписаться, — прочили в священники и посылали в школу. Но если бы они попытались сделать из Арно священника, их ожидало бы горькое разочарование. Он стал известен как «беспутный малый», ведущий «дурную жизнь», «погрязший

во всяческих пороках». Под пороками имелись в виду пьянство и разгул, возможно, в тавернах Рьема, возможно, с проститутками в Тулузе. Его стали называть Пансет, «Брюхо», то есть человек, падкий на удовольствия; скорее всего он был любителем карнавалов с переодеванием и всяческих игр и празднеств, устраиваемых в «аббатствах юных» (молодых компаниях), которые были одной из достопримечательностей сельской жизни Гаскони. Он был горячего нрава и, как говорят, сквернословил, поминая голову, тело, кровь и раны гвоздные Христа, что, возможно, расценивалось не столь непристойным, как оскорбительные упоминания девы Марии, но, тем не менее, тоже считалось обыкновением буянов и картежников, азартных игроков. Пансет оказался настолько смышленным, что его стали подозревать в колдовстве; такого рода подозрения можно было считать чуть ли не похвалой, если учесть, что они высказывались не в отношении какой-нибудь дряхлой старухи, а в адрес общительного молодого человека, которому едва перевалило за двадцать.

По-своему, но Арно дю Тиль был так же чужд семье и крестьянскому хозяйству, как и артигский Мартен Герр. Хотя по своим делам он бывал в Пуй-де-Туж и даже в Тулузе, его беспокойно тянуло куда-нибудь за пределы сеньории Сажа, за кромку холмов епархии Ломбе. К тому же всегда была возможность наняться на службу в королевскую пехоту, где среди «любителей приключений» гасконцы составляли подавляющее большинство. Нотариусов Жимона часто вызывали для того, чтобы составлять завещания

солдат, уходивших на войну. После нескольких небольших краж Пансет пошел служить Генриху II на полях сражений в Пикардии. Встречались ли два беглеца до того, как Арно дю Тиль решился предстать в обличье Мартена Герра? В своем иске, представленном судье Рио, Бертранда де Ролс утверждала, что Мартен и Арно могли познакомиться в армии — «и названный дю Тиль, вполне вероятно, мог находиться вместе с названным Мартеном на войне и под предлогом дружеских отношений выведать у Мартена множество частных и характерных деталей о жизни последнего и его жены» — такого рода предположение заставило де Кора высказать в комментарии свои соображения о дружбе и ее предательстве. Одна строка из показаний Арно суду в Рио указывает на возможность каких-то давних связей между этими двумя людьми, а именно: сообщение Арно о том, где, по его утверждению, бывал Мартен Герр, находясь во Франции и в Испании, и с какими людьми встречался во времена своего отсутствия. Утверждение это затем по всем пунктам было проверено судом. Эта информация могла идти от Мартена или от кого-нибудь из знавших его. Однако трудно себе вообразить, как они могли сойтись в армии, поскольку Мартен сражался на стороне короля Испании, враждовавшего с королем Франции, и, кроме того, Арно мог вернуться из Пикардии еще до того, как Мартен покинул Бургос.

И все же эти два молодых человека могли встретиться во время своих странствий либо на родине, либо где-нибудь еще. В порядке «эксперимента» представим себе, что могло бы произойти,

Маски.

подружись наследник из Артига с краснобаем из Сажа... Они бы выяснили, что схожи друг с другом, даже несмотря на то, что Мартен был выше, стройнее, чем Арно, и волосы у него были потемнее. Скорее всего, они не сами заметили бы это сходство — им должны были бы сказать об этом люди, поскольку крестьяне в XVI веке не имели точного представления о своих лицах, редко заглядывая в зеркало (в домах у крестьян не было зеркал). Сходство должно было беспокоить и завораживать их, а, поскольку существовало множество народных поверий о том, что определенный разрез глаз или форма челюсти свидетельствует об определенных чертах характера, молодых людей могло заинтересовать, насколько глубоко это сходство. Они бы рассказали друг другу о себе. Мартен поведал бы о своем двусмысленном отношении к наследственным правам и жене, и, может быть, его двойник понял бы это признание как предложение «забрать ее». Пансет мог подумать про себя: «А почему бы нет?» Во всяком случае, все, что говорил Арно знакомым из Сажа во время своего пребывания в Артига, сводилось к фразе: Мартен Герр умер, он завещал мне свое добро.

Таков возможный сценарий, но он не совпадает с окончательным признанием Арно дю Тиля. Он утверждал, что никогда не встречался с Марتنем Герром до своего появления в Артига. Если это так, то случай обычного мошенничества приобретает гораздо более интересные, более сверхъестественные, «*mirabilis magis*» («весьма удивительные», по словам памфлетиста Ле Сера) черты и представляется психологически более вероятным:

одно дело — присвоить себе чужую жизнь, а другое — просто прикинуться другим человеком. Арно вернулся из армейского лагеря в Пикардии в 1553 г., вероятнее всего, после сражений у Геруанна, Эсдена и Валенсьена. Проходя через Ман вдоль реки Саля, он повстречал двух друзей Мартена — господина Доменика Пюжоля и владельца гостиницы Пьера де Гилье, которые приняли его за человека, исчезнувшего из Артига.

Тут-то хитрец и проснулся в Пансете. Как можно искуснее он стал собирать сведения о Мартене Герре, о его состоянии, о его семье, о его привычках и манере говорить. Он узнал все, что мог, от Пюжоля, Гилье и «других близких друзей и соседей» семейства Герр; первые же двое могли быть на деле его сообщниками. В суе делового мира он мог собирать сведения, слушая сплетни и не появляясь в Артига; сведений же было достаточно — вплоть до подробностей о том, в каком именно сундуке оставил Мартен свои белые шоссы, перед тем как исчезнуть. Он разузнал имена многих односельчан Мартена, а также в каких отношениях тот был с ними. Он навел справку о Лабуре и выучил несколько баскских слов. На то, чтобы разучить свою роль, Арно потребовалось много месяцев, ибо он объявился в Артига лишь в 1556 г. (Неизвестно, где жил Арно во время этих приготовлений. Возможно, он не возвращался в Сажу к прежней «разгульной жизни».)

Было ли в редкость обитателям деревень и городов XVI века менять свое имя и образ жизни, принимать образ другой личности? В каком-то смысле это происходило сплошь и рядом. Дагерры

покинули Андай, стали Геррами и зажили новой жизнью. Всякий крестьянин, мигрировавший на какое-то расстояние, неизбежно должен был поступить точно так же. И, даже никуда не уходя, всякий мог получить прозвище, кличку. В Артига прозвище часто зависело от имущественного положения, а в Сажа — от личных качеств: одного из односельчан Арно прозывали Тамбурином (Барабаном), а сам он, как мы помним, был Пансет.

И все же присвоить себе чужое обличье? Во время карнавалов и других празднеств молодые люди имели обыкновение рядиться в какого-нибудь зверя или в человека иного имущественного положения, иного пола и говорить от лица этой маски. Во время «кошачьих концертов» один крестьянин мог изображать другого, мог играть роль того лица, которое подвергается осмеянию за его или ее неподобающий брак или за недостойное поведение в качестве новобрачного. Однако такого рода маскировка была временной и должна была служить общему благу.

Бывали случаи менее бескорыстного притворства: здоровые нищие прикидывались хромыми или слепыми, некоторые люди назывались чужим именем, чтобы получить наследство или еще какое-нибудь благо. Сказители рассказывали «историю о трех братьях»: два самозванца пытаются претендовать на наследство настоящего сына; принц узнает, кто является настоящим наследником, заставив всех троих стрелять из лука в труп отца. В реальной жизни люди тоже делали попытки присвоить себе чужое имя. Так, в 1557 г. некий Аурелио Читрача из Дамаска, прибыв в

Лион, назвался именем покойного Валье Трони и стал обходить должников, собирая деньги, причитавшиеся Трони, до той поры, пока монахини, которым было присуждено состояние Трони, не обнаружили обмана — по их доносу мошенник был арестован. В том же году жившие чуть ли не на соседних улицах Антуан Ферла и Жан Фонтаньель действительно объявили себя Мишелем Мюром; каждый нанял своего нотариуса, смастерив долговые записки и векселя на его имя, пока сам Мюр не узнал об этом.

В нашем случае Арно дю Тилю, несомненно, было выгодно переселиться из Сажа в Артига, так как наследство Мартена Герра было больше, чем то, на которое он мог рассчитывать дома. Однако нет никаких сомнений в том, что, тщательно готовясь, собирая сведения, запоминая детали, возможно, даже репетируя, Пансет вышел в своем перевоплощении за пределы шутовского карнавального обличия или уловок охотника за наследством — он хотел стать другим человеком и начать новую жизнь в селении на берегу Лезы.

Новый Мартен не пошел прямо в Артига. Как сообщал Ле Сер, сначала он направился в один из постоянных дворов в соседнем селении, возможно, в Пеле. Он сказал трактирщику, что он — Мартен Герр, и плакал, когда заговаривали о его жене и семействе. Весть о приходе Мартена дошла до его сестер, которые бросились в трактир, радостно встретили его и кинулись назад к Берtrande. Однако та, увидев его, отшатнулась в удивлении. И только после нежных слов, в которых он напомнил ей о том, что они когда-то делали и о чем говорили, особенно после упоминания о лежавших в сундуке белых шоссах, она бросилась ему на шею и поцеловала его; это из-за бороды она не узнала его сразу. Пьер Герр, внимательно

оглядев его с ног до головы, тоже не признавал племянника, до тех пор пока тот не припомнил их совместных дел. В конце концов Пьер обнял его и воздал хвалу Господу, возвратившему племянника.

Но даже после того, как его признали, новый Мартен не перебрался в Артига, а остался на постоялом дворе, чтобы отдохнуть от долгого пути и поправить здоровье. Ле Сер утверждал, что у самозванца был сифилис и что тот выказал странное благородство, защищая тело Берtrandы от болезни, как раз перед тем, как осквернить ее душу и брачное ложе. Болезнь дала возможность Берtrandе, ухаживавшей за Мартеном, привыкнуть к нему. Он же получил возможность узнать побольше о прошлом Мартена Герра. Когда ему полегчало, Берtrandа привезла его домой, приняла его как мужа и помогла вновь спознаться с обитателями деревни.

Жители Артига приняли нового Мартена так же, как родственники. Он приветствовал соседей, обращаясь к ним по имени, а если те не узнавали его, он рассказывал им о делах, связывавших их 10—15 лет назад. Он объяснял им свою отлучку службой в армии французского короля, пребыванием в течение нескольких месяцев в Испании, говоря, что теперь он рад вновь обрести в своем селении семью, сына Санкси, но более всего — свою жену Берtrandу.

Думаю, нам удастся объяснить факт первоначального признания нового Мартена семьей и соседями, не прибегая к ссылкам на колдовство, в котором его впоследствии обвинили и причастность к которому Арно всегда отрицал. Во-первых,

в Артига желали возвращения Мартена, возможно, это желание было противоречивым, ибо вернувшийся всегда разрушает чьи-то надежды, нарушая прочность установившихся отношений — и все же, скорее всего, возвращение было более предпочтительным. Наследник и хозяин Мартен Герр занял подобающее место. Во-вторых, о его приходе было заранее извещено, что предрасположило людей к опознанию в нем Мартена Герра. Кроме того, такого рода предопределенное восприятие подкреплялось убедительными словами и точными воспоминаниями мнимого Мартена. Правда, он не совсем походил на ушедшего некогда Мартена. Но ведь у Герров не было его изображений, которые могли бы напомнить его прежние черты, а то, что человек с возрастом толстеет, казалось вполне естественным. Кроме того, долгие годы солдатской службы должны были изменить облик крестьянина. Таким образом, какие бы сомнения ни возникали у крестьян, последние заглушили или вовсе похерили их до времени, дав возможность новому Мартену войти в свою роль.

А что же Бертранда де Ролс? Знала ли она, что новый Мартен не был человеком, который оставил ее восемь лет назад? Возможно, лишь поначалу, когда он явился со всеми своими «знаками» и доказательствами. Однако упрямая и добропорядочная Бертранда не производила впечатления женщины, которую легко провести даже такому чародею, как Пансет. Побывав с ним в постели, она должна была осознать разницу, ибо, как подтвердила бы любая артигская женщина, «жена всегда признает касанье мужа», и ошибки здесь быть не может. Откровенно или исподволь Берт-

ранда решила помочь ему преобразиться в своего супруга. Отношения Берtrandы с новым Мартеном были для нее осуществлением ее мечты о человеке, с которым она могла бы жить «в мире и в ладу» (используя выражение, обозначававшее достоинства семейной жизни XVI века) и полюбовно.

Это был вымышленный брак, а не брак по сговору вроде того, в который она вступила 18 лет назад, и не брак по контракту, установленному обычаем, заключенному между ее матерью и Пьером Герром. Брак начался со лжи, но, как впоследствии показывала Берtrandа, они жили «подобно супругам, которые едят, пьют и спят вместе». Согласно Ле Серу, «псевдо-Мартинус» жил с Берtrandой «тихо, без ссор и так хорошо вел себя во всех отношениях с ней, что никто бы не мог заподозрить обман». На брачном ложе красавицы Берtrandы дела теперь пошли на лад. В течение трех лет у них родились две дочери: одна из них умерла, но другая, Бернарда, стала сестренкой Санкси. Эти сведения об отношениях между новым Мартеном и Берtrandой стали распространяться не в трехлетний период мирного житья, а в тот момент, когда вымышленный брак стал вызывать сомнения. Однако все говорит о том, что новый Мартен влюбился в чужую жену, подход к которой заранее отрепетировал, и что она глубоко привязалась к новому мужу, который захватил ее врасплох. Когда его выпустили из тюрьмы в разгар возникших впоследствии раздоров, она дала ему белую рубашку, вымыла ноги и вновь приняла его в свою постель. Когда родители пытались убить его, она заслонила мужа своим телом от ударов. В присутствии суда он обращался к ней «нежно»; он отдал

свою жизнь в ее руки, сказав, что охотно примет «тысячу страшных смертей», если она поклянется, что он не ее муж.

В более счастливые времена они подолгу беседовали. Именно «разговаривая день и ночь» с женой, новый Мартен пополнял запас своих сведений о Бертранде, о семье Герр, об Артига. Такого рода обмен сокровенными мыслями между мужем и женой христианские гуманисты и протестантские моралисты XVI века считали неким идеалом человеческих отношений, осуществлявшимся разве что в гораздо более знатных семействах, нежели те, что проживали в Артига. Однако, как предполагал Ле Руа Ладюри, в ранний период истории Лангедока беседовать так любили не только крестьяне на своих вечерних сходках, но также и деревенские влюбленные. Ясное дело, Мартену было о чем поговорить с Берtrandой — не только об урожае, овцах и детях. Следует предположить, что среди прочего они обсуждали, как продлить свой вымышленный брак.

Возможно, об их поступках легче судить с точки зрения многовекового крестьянского уклада жизни, вырабатывавшего народные обычаи в соответствии с каноническим законом о браке. С конца XII века и до 1564 г. сообразно с католическим правом браки являлись результатом согласия молодых, и только их согласия; если они, употребляя современное выражение, считали друг друга мужем и женой, даже в отсутствие священника или каких бы то ни было свидетелей обменивались подарками в знак такого соглашения и в особенности если они уже вели брачную жизнь, их союз считался нерушимым. Церковь не одобряла та-

Крестьянская пара из Русильона,
расположенного к югу от Артига (1529).

кого рода «тайного» подхода к браку¹, однако всегда находились люди, особенно в деревнях, которые пользовались им, исходя из собственных побуждений: они могли быть несовершеннолетними или их родители могли противиться браку; они вступили в брачные отношения, будучи слишком близкими родственниками, для того чтобы получить официальное разрешение; они желали вступить в связь, и тайный брак был единственным способом осуществить это желание; один из партнеров мог быть уже связанным узами брака с кем-либо, проживающим в другом месте.

То, что такого рода традиция предлагала нашей паре в Артига, не могло помочь ей быстро решить свои конкретные проблемы. В конце концов новому Мартену приходилось держать в тайне свое подлинное имя, а Бертранде с ее чувством чести, не говоря уже о совести, трудно было под-

¹ Как пишет Беатрис Готлиб, «казуисты и юристы считали тайный брак грехом и нарушением закона» «*The Meaning of Clandestine Marriage*». — R. Wheaton and T.K. Hagaven, eds. *Family and Sexuality in French History*. Philadelphia, 1980, p. 52. Такой брак считался нарушением закона из-за множества случаев нарушения обещаний или двоеженства, которые выявлялись в церковном суде, причем у обвинения не было достаточных доказательств за отсутствием свидетелей. На последнем заседании Трентского собора в 1564 г. церковь определила, что для того, чтобы брак считался действительным, ему должно предшествовать публичное оглашение имен жениха и невесты и исполнение соответствующего обряда приходским священником. Духовенству потребовалось много времени для того, чтобы прекратить эту старинную практику. Во Франции главной причиной недовольства церкви был тайный брак, который позволял детям заключать действительный и нерушимый союз без согласия родителей. В феврале 1557 г. Генрих II издал эдикт о тайных браках. Этот эдикт стал предметом трактата, написанного Жаном де Кора.

вергаться риску быть обвиненной в двоемужестве. Но существование такой традиции давало им возможность помышлять о браке как о некой проблеме, решение которой зависело от них, пусть даже только от них.

Но эта традиция, как далеко ни распространял ее пределы в своем воображении, не освобождала их души от противостояния католическому учению. В конечном счете, хотя им обоим следовало признать свою вину, вряд ли они исповедовались во всех своих грехах священникам Артига или Бажу. Согласно всем рассказам, они считались добропорядочной супружеской парой в течение тех лет, когда они жили в мире и согласии. Любой священник, услышав на их пасхальной исповеди о том, что новый Мартен был когда-то Пансетом, отлучил бы обоих от церкви как отъявленных прелюбодеев в том случае, если бы они не разошлись немедленно. Такая ситуация ставит во всей остроте вопрос о возможном влиянии идей протестантизма в Артига. Не исключено и даже почти вероятно, что мнимый Мартен и Бертранда де Ролс проявляли интерес к новой религии, в частности, потому, что она давала им еще одну возможность оправдать свою жизнь.

К 1536 г. в графстве Фуа проповедники протестантизма распространяли слухи о новом учении, и кое-кто из жителей Памьера и Ле Ма-д'Азиля уже в 1551 г. перебирался в Женеву. После 1557 г. это движение стало набирать силу, и в 1561 г. городок Ле Ма, следуя примеру обратившейся графини Жанны д'Альбре, объявил себя протестантским. А город Ле Карла, расположенный еще ближе к Артига, стал бастионом реформистской

церкви. Волнения происходили также в деревнях и городках, расположенных по берегам реки Лезы. Консервативно настроенный католик Жан де Вильмур, сеньор Пеле, держал в твердом подчинении своих крестьян, однако в Ле Фосса в 1563 г. образовался союз известных фамилий, «подозревавшихся в причастности к новой религии». В 1568 г. артигская церковь была очищена от «идолов», ее алтарь был разрушен не только солдатами реформаторов, но также и местными прозелитами. Одна из более поздних епархиальных ревизий пришла к заключению, что в данное время «обитатели названного Артига являлись гугенотами».

Движение такого размаха должно было готовиться. Это значит, что в течение предшествовавшего десятилетия по торговым каналам, связывавшим Артига с Памьером, Ле Фосса, Сен-Ибаром, Ле Карла и Ле Ма-д'Азилем, вместе с шерстью, зерном и вином распространялись протестантские идеи. Это значит, что Антуан Кафер, женевский пастор, проповедовавший на паперти церкви св. Винсента в 1556 г., побывал также и в Артига. Это значит, что кое-кто из обитателей селения уже раздобылся реформистским Новым заветом или каким-либо протестантским трактатом на французском языке и читал его вслух на лангедокском наречии своим соседям. Даже если местные жители по-прежнему крестили своих детей в католических купелях, кое-кто из них, слушая речи католического священника, ждал того дня, когда протестантский пастор займет его место в приходе. Между тем местное духовенство не имело возможности должным

образом сопротивляться распространению новых идей. Когда около 1553 г. мессир Пьер Лорен дю Кейляр стал приходским священником в Артига, ему пришлось судиться с конкурировавшим кандидатом на это место, и дело было решено лишь парламентом Тулузы. То же самое произошло с Домеником де Клаверна в 40-х гг. и с Жаком Боери в 30-х гг. XVI века. Приходским священником в Бажу был один из братьев Дро, происходивший из весьма скромной семьи и потому не имевший достаточного авторитета в селении.

Есть ли свидетельства того, что наших мнимых супругов коснулось новое учение? Во-первых, некоторые Ролсы стали протестантами: они заимствовали для своих детей имена из Ветхого завета, такие, как Авраам, и в XVII веке, когда почти все жители Артига стали добрыми католиками, кое-кто из Ролсов все еще ходил в Ле Карла на протестантские службы. Что до нового Мартена, то едва ли он явился в Артига, уже будучи протестантом. Епископ Ломбе, Антуан Оливье, по слухам, сочувствовал протестантам, и в епархии, откуда был родом Арно, существовало серьезное протестантское движение. Однако у отставного солдата Арно дю Тиля были совсем другие заботы между 1553 и 1556 гг., и возможно, он уже не жил тогда в Сажа. Напротив, я полагаю, что он созрел для восприятия новых идей в Артига, где образ жизни, избранный им для себя, был результатом обращения, совершенно вытеснившего из Арно все то, что оставалось в нем от богохульника, от молодого человека «дурного поведения» и чуть ли не обманщика.

Как бы то ни было, важно отметить, что в по-

следующих процессах, рассматривавших дело нового Мартена в Рио и в Тулузе, ни один священник из Артига или из Бажу не играл ведущей роли. Скорее всего, они лишь входили в число 180 свидетелей, выслушанных по ходу дела, однако их слова не нашли себе места в резюме, сделанном де Кора относительно свидетельств обеих сторон. Не менее примечательно уважение, выказанное новым Мартеном по отношению к тем двум судьям, которых послали допросить его, — к Жаңу де Кора и Франсуа де Ферье, уже в 1560 г. прельстившимся идеями протестантизма и ставшими их твердыми защитниками в тулузском парламенте. Новый Мартен просил, чтобы именно они вновь прибыли выслушать его последнюю исповедь, которая не включала в себя никаких католических формул или обращений к святым — он искал в ней лишь Господней милости к грешникам, уповающим на распятого Христа.

Какую надежду могли дать новому Мартену и Бертранде протестантские идеи в течение тех лет, которые они прожили вместе как «законные супруги»? Надежду на то, что они смогут поведать свою тайну одному Богу, вовсе не нуждаясь для этого в человеческом посредничестве. Надежду на то, что та жизнь, которую они устроили по своей воле, отчасти является результатом Божьего промысла. Возможно, до них также доходили какие-то новые слухи о новом брачном законодательстве, учрежденном в Женеве после 1545 г. Согласно этому закону, брак не являлся больше таинством; а жена, оставленная мужем, «если она не давала ему какого-либо повода считать себя обманутым и если она не провинилась перед

ним каким-либо образом», могла после длившегося год расследования получить в консистории развод и разрешение на новое замужество.

Но, даже усвоив и применив эти идеи к своей ситуации, новый Мартен и Бертранда должны были понимать, что не могут быть уверены в своем будущем. Как объяснить протестантской консистории перерождение Мартена Герра в Арно дю Тилля? Новый Мартен уговорил Берtrandу де Ролс, по крайней мере на время, стать своей сообщницей, но мог ли самозванец рассчитывать на остальных жителей Артига?

Глава 6

Раздоры

Новый Мартен был не только мужем, но еще и племянником, состоятельным землевладельцем в Артига. Играя эти роли, он в конце концов все же столкнулся с неприятностями.

Дом, когда-то принадлежавший старшему Санкси Герру, теперь стал домом нового Мартена. Две его замужние сестры, скорее всего, вновь перебрались под его кров — таков был баскский обычай. В качестве состоятельных крестьян они с Берtrandой были вовлечены в мир сельских обычаев, связанных с проявлением гостеприимства, крестинами, обменом продуктами. Они посещали Пьера Герра и его жену (мать Берtrandы, как мы помним), замужних сестер Мартена Герра,

брата Бертранды и других соседей и друзей, которым впоследствии пришлось давать показания при установлении его личности. Катрин Боери, которая много лет назад принесла оказавшееся бессильным зелье для брачного ложа Бертранды, семейства Лоз из Пеле и Дель Пеши, шорники из Ле Карла, Джеймс Деллор и его жена Бернарда Арзель (Бернарда Арзель, возможно, была крестной матерью ребенка Бертранды Герр) — все эти обитатели Памьера и Артига составляли часть того круга обеспеченных деревенских семейств, к которому принадлежали Герры.

Новому Мартену не стоило больших трудов освоиться среди крестьянских забот; у себя в епархии Ломбе он уже имел дело с пшеницей, просом, виноградниками и овцами. Был и черепичный завод в окрестностях Сажа, но, поскольку производство черепицы не входило в обязанности нового Мартена, представлялось естественным, что Пьер глядел за семейным ремеслом. Поразительно было то, как новый Мартен преуспевал в коммерческих предприятиях семьи Герр. Он стал сельским «купцом», подобно Жану Банкелю, торгуя зерном, вином и шерстью выше и ниже по течению Лезы в более дальних краях. В Артига трудно было разжиться сдачей в аренду крупных участков земли — наиболее успешный способ стать сельским капиталистом в Лангедоке, — ибо Артига не подпал под юрисдикцию церковных или дворянских земельных владений. Возможно, новому Мартену удалось объединить людей, арендовавших бенефициальные земли в Артига в 1558 и 1559 гг. (в рассказах об этих годах есть пробел), но так или иначе он, несомненно, занимался куплей,

продажей и сдачей в аренду земли. То есть он пытался с помощью торгового оборота приумножить ту собственность, которую Санкси Герр нажил своим трудом в Артига, завещав ее затем своему наследнику Мартену.

Бертранда де Ролс, скорее всего, была довольна таким поворотом дел, так как жена сельского купца часто сама становилась владелицей торгового дела. Однако заартачился Пьер Герр. Сначала он был доволен появлением своего племянника в селении и расхваливал его своим друзьям, таким, как Жан Лоз, один из членов приходского совета Пеле. Затем новый Мартен принялся продавать участки земли, что, как мы видели, было в порядке вещей при существовании активного земельного рынка в долине Лезы, однако противоречило баскскому обычаю. Когда же он предложил отдать в аренду на новых условиях или даже продать некую часть родовой собственности в Андае, Пьер Герр должен был прийти в ужас.

Тем временем Мартен повернул дело так, что навлек на себя настоящий гнев могущественного Пьера Герра. Он спросил у Пьера счета, которые тот вел после смерти старшего Санкси, когда Пьер стал опекуном собственности своего племянника. Мартен спрашивал их вежливо — «льстивыми словами», которые были всегда наготове у речистого Пансета, — однако он подозревал, что Пьер удерживает часть наследства и, уж во всяком случае, желает получить прибыль, которую Пьер нажил своим опекунством. Долгое время они добродушно препирались по этому поводу, но наконец на исходе 1558 или в начале 1559 г.

новый Мартен подал судье Рио гражданский иск против Пьера¹.

Такой поступок не был чем-то неслыханным в крестьянских семьях. Согласно обычаям Лабура, Пьеру полагалось иметь опись имущества племянника, составленную при вступлении в опекунство, и сделать взнос, гарантирующий возвращение имущества в хорошем состоянии. В епархии Рио вдовы, получившие права на имущество мужей, должны были представлять такие счета своим детям, когда те достигали совершеннолетия, за исключением случаев, если мужа специально не оговаривали запрещение «беспокоить» своих вдов. Действительно, в Артига полюбовная передача счетов и прибыли от опекуна наследнику происходила в присутствии нотариуса, с тем чтобы избежать недоразумений.

Однако, по мнению Пьера Герра, новый Мартен зашел слишком далеко. Возможно, он полагал, что обстоятельства исчезновения Мартена лишают того права требовать отчета в прибылях. Возможно, он считал, что племянник, которого он «поставил на ноги», не должен требовать от него столь пунктуального отчета и, уж конечно, не должен прибегать к тяжбе. Возможно, патриарх семейства был возмущен посягательством на свой авторитет: он сказал «нет» — значит, нет. А воз-

¹ Все, что сообщает по этому поводу де Кора, сводится к тому, что новый Мартен «требовал от ответчика (Пьера Герра. — *Авт.*) через суд возвращения своего добра. Что же касается прибылей или проверки счетов, дядя Пьер Герр ничего об этом не хотел слышать». Создается впечатление, что родственники пришли к соглашению — Пьер согласился вернуть оставшееся наследство, а новый Мартен отказался от требования проверки счетов и от получения доходов.

можно, это было, как утверждал новый Мартен, просто проявлением «алчности», желанием удерживать имущество и доходы для своего нового хозяйства, для своих дочерей и зятьев.

Во всяком случае, те сомнения, которые сметливый Мартен сумел развеять сразу после своего появления, возникли снова и заставили Пьера задуматься. Почему Мартен забыл так много баскских фраз, некоторые из которых он должен был употреблять в течение всего своего детства? Почему его больше не интересуют фехтование и акробатика? Этот коренастый человек, которого он было принял за своего повзрослевшего племянника, теперь казался ему чужим. Внимательно вглядываясь в Санкси, Пьер не находил в нем сходства с человеком, прежде делившим ложе с Берtrandой. Но прежде всего «баск честен». Украд немного зерна у отца, Мартен Герр лишил себя чести и прав наследования. И вот самозванец начинает бесстыдно красть это право у подлинного наследника.

Пьер уверил в этой ужасной истине свою жену и зятьев. Мать Берtrandы во всем поддерживала мужа не только в качестве покорной жены, но также в качестве практичной женщины и доброй матери, готовой всеми силами добиваться лучшей доли для своей дочери. Разве не она много лет назад уговаривала Берtrandу оставить Мартена, когда тот был импотентом, и найти себе партию получше? Теперь ей надлежало спасти дочь от бесчестья, связанного с прелюбодеянием. Вместе с мужем она настаивала на том, чтобы Берtrand подавала в суд на человека, с которым жила. Берtrand упрямо отказывалась.

В течение следующих полутора лет в семье Герр возник раскол, и слух об этом раздоре распространился по всему селению и за его пределы. Пьер Герр повсюду рассказывал о том, что новый Мартен — мошенник, одурачивший его. Он просил своего друга Жана Лоза помочь ему оплатить убийство самозванца. Лоз отказался, потрясенный предложением причинить зло родному племяннику. Мартен повсюду рассказывал, что его дядя придумал эту историю, потому что у него потребовали предъявления счетов. Артигский сапожник говорил, что если это настоящий Мартен Герр, отчего его ступня стала настолько меньше за эти несколько лет? Сестры Мартена настаивали на том, что новый Мартен — их брат (возможно, они предпочитали, чтобы главой семьи и хозяином имущества был их «брат», а не дядя); зятья Пьера стояли на том, что новый Мартен — лжец. (Что говорил брат Бертранды, не сообщается.) Бертранда неистово защищала самозванца, утверждая, что Мартен Герр — ее муж. «Он — Мартен Герр, муж мой (так, согласно документам, говорила она) или же сам дьявол в его обличье. Мне ль его не знать. Если найдется безумец, который скажет, что это не так, я убью его». И затем, когда Пьер Герр вместе с зятьями набросились на нового Мартена с дубиной, Бертранда, как рассказывали, защищала его своим телом.

Члены приходского совета Артига, несомненно, обсуждали дело Мартена Герра на многих заседаниях, проводившихся весной и летом 1559 г. Поскольку мнения в селении разделились, совету никак не удавалось найти третейское решение в этом

споре. Для одних новый Мартен был зажиточным хозяином, мужем и сельским купцом, несправедливо оклеветанным алчным дядей, для других — речистым самозванцем, позорящим добропорядочное семейство. Были и такие, которые не знали, на чьей стороне правда. Обе партии стояли за честь крестьянской семьи, но одни считали естественным желание более молодого поколения иметь возможность уйти и посмотреть на мир в течение некоторого времени, а также самим решать, как при этом распорядиться своей собственностью; другие же придавали большее значение решениям старших и длительному сохранению верности заключенному браку.

Любопытно, отражались ли в этом различии мнений другие спорные вопросы, разделявшие общественное мнение деревни. Де Кора рассказывает нам, что в Артига и за его пределами у Мартена было столько же сторонников, сколько и у Пьера Герра, однако, если не считать мнений членов семьи, он сообщает нам лишь о трех конкретных случаях различия во мнениях. Катрин Боери и Жан Лоз поддерживали Мартена, сапожник же поддерживал Пьера. Во всяком случае, мы можем быть уверены в том, что отношения в Артига не строились по системе строгого деления на кланы, как это было в Монтею между семействами Клергу и Азима около двухсот пятидесяти лет назад. Скорее, здесь существовали государственные учреждения, которые способствовали поддержанию добрых отношений между наиболее влиятельными семействами Артига и близлежащих деревень. У Банкелей, Лозов и Боери были свои сферы влияния и свои сторонники, однако, как это яв-

ствует из нотариальных контрактов, названные сферы влияния пересекались. Возникавшие раздоры, подобные описываемым, не всегда происходили строго внутри каждого из семейств. Если бы я дерзнула отыскивать какую-либо закономерность в разделении мнений по делу Мартена Герра, я предположила бы, что местные жители, подпавшие под влияние протестантизма, были склонны верить новому Мартену, а католики — Пьеру Герру.

Но как бы то ни было, в конце лета и осенью 1559 г. произошло два события, весьма осложнившие положение Мартена и Берtrandy. Один солдат из Рошфора проходил через Артига и, увидев нашего героя, объявил при свидетелях, что тот — обманщик. «Мартен Герр был в свое время во Фландрии и два года назад лишился ноги во время осады Сен-Квентина. У настоящего Мартена Герра — деревянная нога», — сказал солдат и пошел своей дорогой.

Таким образом выяснилось, что после 11 лет отсутствия подлинный Мартен Герр, возможно, еще жив; число же доказательств лживости нового Мартена продолжало расти. Казалось, появлялось все больше и больше оснований предполагать, что Пьеру Герру удастся привлечь самозванца к суду. Муж с женой должны были быть готовы опровергнуть доводы Пьера; возможно, об эту пору они вырабатывали ту стратегию защиты, которую в конце концов применили во время судебных разбирательств. Новый Мартен должен был как можно подробнее свидетельствовать обо всех сторонах жизни своего прототипа, начиная с пребывания в Лабуре и далее, а также должен был

отвечать так, чтобы его показания соответствовали показаниям жены; оба должны были привести одинаковые интимные подробности, которые никто бы не смог опровергнуть. Быть может, в этом случае суд придет к заключению, что ответчик — настоящий Мартен Герр, и приемному отцу Бертранды придется замолчать.

Так что Пансет принялся репетировать. Ему вновь пришлось мысленно пережить все события прошедшей жизни: свадьбу, празднество, импотенцию, избавление от чар. Бертранда старалась припомнить какой-нибудь эпизод из их интимной жизни, возможно даже приукрасив его обстоятельства, с тем чтобы удивить суд. Де Кора впоследствии сообщал о такого рода показаниях, говоря, что «последнее гораздо легче понять, нежели пересказать или записать».

Затем последовал еще один удар. Сгорел амбар на ферме, принадлежащей Жану д'Эскорнбефу, сеньору Лану; хозяин обвинил нового Мартена в поджоге и настоял на том, чтобы тулузский сенешаль заключил его в городскую тюрьму. Эскорнбефы принадлежали к определенной части мелкого дворянства долины Лезы, владения же Жана располагались в приходе, непосредственно граничившем с западной частью Артига. Однако Жан покупал землю непосредственно в Артига, а в 1550 г. он был одним из тех, кто вместе с Антуаном Банкелем и другими арендовал там бенефициальные земли. Возможно, его амбар запалили артигские крестьяне, возмущенные тем, что какой-то дворянин вторгается на территорию Артига, обитатели которого гордились тем, что жили без сеньоров. Однако Эскорнбеф избрал своей мишенью только

что выдвинувшегося сельского купца Мартена Герра, вокруг которого сложилась атмосфера скандала, и в своем обвинении — очевидно, по навету Пьера Герра — сообщал судье, что заключенный «незаконно захватил чужое брачное ложе».

Бертранда очень страдала; сдается, она снова объединила свое хозяйство с хозяйством матери и Пьера Герра. Она отправилась в Тулузу (возможно, впервые за свои 32 года), принесла Мартену в тюрьму деньги и прочие необходимые вещи, таким образом показав, что считает этого человека своим мужем и что Пьер Герр со своей женой пытается заставить ее выступить с ложным обвинением против мужа. Обвинение, выдвинутое Эскорнбефом против нового Мартена, было не очень убедительным. Будь он сеньором Артига — он, возможно, и смог бы выиграть дело, но, представ перед сенешальством Тулузы, снял свое обвинение в поджоге, и заключенный был освобожден.

Тем временем Пьер Герр кое-что предпринял, для того чтобы разузнать, кем же обманщик является на самом деле. Удивительно, что, живя в этих краях, где народ снует туда-сюда, распространя слухи, он ничего не обнаружил прежде. Новый Мартен оставил улики против себя во время странствий. Например, в Пуи-де-Туж, селении, расположенном к югу от Сажа, в епархии Рио, он был опознан хозяином постоянного двора как Арно дю Тиль. Хозяин утверждал, что Арно просил его ничего не рассказывать, поскольку, мол, «Мартен Герр мертв и оставил мне свое добро». Некто Пелегрин де Либеро наз-

вал Арно Пансетом, однако тот заговорил ему зубы, но до конца не выдержал характер и полностью опроверг свои слова, передав ему два носовых платка для своего брата Жана дю Тилья.

Такого рода рассказы доходили до Пьера Герра, и теперь он мог назвать еще одно из прозвищ обманщика, проникшего в их среду: Арно дю Тилья по кличке Пансет, человек с дурной репутацией из Сажа. И все же для того, чтобы вывести его на чистую воду, Пьеру пришлось солгать, заявив судье Рио, что он представляет интересы Бертранды де Ролс. (Возможно, он подкрепил свое заявление заверенным у нотариуса документом; мастер Жан Пегулья, наезжая из Ле Фосса в Артига для составления контрактов, часто производил свою работу в доме Пьера Герра.) От имени Бертранды он получил разрешение начать официальное расследование об установлении личности человека, называющего себя Мартеном Герром, с немедленным препровождением последнего в тюрьму под конвоем нескольких вооруженных мужчин, как предписывал закон в тех особых случаях, когда последний отличается «весьма дурной репутацией и обвиняется в совершении ряда чудовищных проступков».

Когда новый Мартен вернулся из тулузской тюрьмы в январе 1560 г., Пьер уже поджидал его. Бертранда встретила Арно ласково, вымыла ему ноги и уложила в свою постель. Ранним утром следующего дня Пьер вместе со своими зятьями, вооруженные до зубов, схватили псевдо-Мартена, действуя от имени Бертранды, и препроводили в тюрьму города Рио.

Давайте на минуту помедлим здесь и зададимся вопросом, было ли это событие неизбежным. Иначе говоря, если бы подлинный Мартен Герр никогда не вернулся домой, мог бы обман Арно дю Тилья остаться нераскрытым? Некоторые из моих коллег, прагматически мыслящие историки, предполагали, что, если бы самозванец не запросил у дяди счета и в большей степени отвечал бы ожиданиям последнего в решении вопросов, связанных с семейным имуществом, он мог бы многие годы представляться Мартеном Герром, не вызывая никаких подозрений. С другой стороны, когда я недавно говорила о Бертранде и Арно с жителями Артига, которым по сей день известны обстоятельства этой истории, они улыбались и, пожимая плечами, говорили: «Хорошо, но ведь этот разлюбленный мошенник лгал».

Мне кажется, что крестьяне из Артига ближе к истине. Дело не в том, что Арно де Тиль, прояви он больше благоразумия и дальновидности, все равно не смог бы придумать себе новую легенду. Дело не в том, что Арно был единственным лжецом в Артига: мы только что уличили Пьера Герра в обмане, и услышим еще о других обманах, прежде чем окончим наше повествование. Но столь значительная, столь чудовищная ложь — особенно когда один человек обманывает многих, — такая ложь должна была дурно сказаться и на его собственном душевном состоянии, и на его отношениях с окружающими.

Все односельчане и все члены семьи Герр, которые допускали его ложь, раз и навсегда становились соучастниками Арно. Он не был неким сельским Яго, злонамеренно сталкивавшим людей друг

с другом, но, поскольку он стал крепким хозяином и отцом, воспользовавшись чужим именем, ему никак нельзя было признаться во лжи и дать возможность присным простить себя. Таким образом, напряженность, неуверенность и осторожность все сильнее проявлялись в его отношениях с односельчанами и членами собственной семьи. Когда односельчане начали проявлять общий интерес к установлению его личности, они вновь стали подозревать Арно в причастности к магии. Но теперь за такими утверждениями скрывалось гораздо больше страха перед ним, чем в пору его юности.

Для Арно его ложь стала причиной непонятного внутреннего отчуждения, возникшего между ним и прочими крестьянами. Я доказала, что дю Тиль не был простым самозванцем, пытавшимся завладеть деньгами Мартена Герра и сбежать. Страх баска Пьера Герра перед желанием нового Мартена продать часть земельной собственности и требованием предоставления счетов можно объяснить иначе (так, должно быть, и поступали его сторонники в Артига): как страх перед введением каких-то новшеств в стереотип поведения, принятый в Лангедоке. Новый Мартен хотел лишь одного — остаться в Артига, он хотел вернуться, как прежде возвращался после всех своих поездок, на брачное ложе Бертранды. Его просьба о предоставлении счетов показывает, насколько вольготно он чувствовал себя в своей роли. Однако в своем сознании он должен был постоянно иметь какую-то лазейку — не то чтобы освобождавшую его от связей с ближними и дававшую ему активную возможность вновь самоопределиться («я —

христианин и могу быть выше всего этого») или позволявшую хотя бы использовать свою пронительность для выживания («я баск, и на самом деле это не моя страна»), но, скорее, такую лазейку, которая вовсе не делала ему чести («в сущности, у меня нет никаких обязательств перед этими людьми»).

Бертранда, знавшая правду, страдала от других последствий своей причастности ко лжи. Она старалась как можно лучше устроить свою жизнь, употребив все уловки, какие только могла вообразить, будучи женщиной. Но, кроме того, она гордилась своим добрым именем, своей добродетелью, а также была, как позднее выразилась в суде, богобоязненной. Она хотела, как подобает матери и семейной женщине, занимать определенное положение в средоточии жизни сельского общества. Она хотела, чтобы ее сын стал наследником. Не накажет ли их Бог за эту ложь? И если их брак был всего лишь выдумкой, не становилась ли она причастной к постыдному прелюбодеянию в глазах своей матери и других женщин селения? И неужели честь ее дочери Бернарды будет запятнана, ибо говорят, что дитя, зачатое во грехе, наследует грехи своих родителей? Она любила нового Мартена, но ведь однажды он обманул и ее; вдруг он обманет ее вновь? И что будет, если вернется другой Мартен Герр?

В течение всего дня, после того как Мартена спешно отправили в тюрьму Рио, мать и отчим Бертранды изо всех сил пытались оказать на нее давление. Они даже грозили выгнать ее из дома в случае, если она официально не подтвердит иска, сделанного от ее имени Пьером. Однако упрямая

женщина все рассчитала и составила свой собственный план. Она решила поддержать судебный иск против самозванца в надежде проиграть дело. Она решила следовать в своих показаниях той стратегии, которую они разработали вместе с новым Мартеном, и надеялась, что судья признает самозванца ее мужем. Но, имея в виду все сомнения и опасности, возникшие в последние несколько месяцев, она была готова и к тому, что выиграет дело, какими бы ужасными последствиями это ни обернулось для нового Мартена. В самый день ареста она отправила белье и деньги заключенному в Рио. А в тот же вечер, с наступлением темноты, она подтвердила правомочность действий Пьера Герра, предпринятых в качестве ее представителя, и взяла на себя роль истицы перед судьей в Рио, выступая против человека, который присвоил себе имя Мартена Герра, ее настоящего супруга.

Глава 7

Суд в Рио

Разумеется, суд в Рио был знаком семейным людям из Артига. Всегдашние споры, которые не удавалось разрешить на месте, заканчивались тяжбой в этом суде: Жеанар Лоз выступал с иском против отсутствовавшего епископа Рио за невыплату годового пособия приходу; крестьяне судились из-за имущества и земельных наделов; Жанна де Банкель, например, повздорила с другой наследницей. Когда началось судебное разбирательство по делу Мартена Герра, множество людей, свидетельствовавших в суде, имели некоторое представление об издержках и опасностях, а также о возможных выгодах, связанных с королевским правосудием.

Жалованье, которое получал сам судья, было ниже жалованья судебных чиновников, зависевших от тулузского парламента. Однако в общественной жизни Рио судья являл собой значительную фигуру, успешно состязаясь в престиже и могуществе с местными сеньорами. Возможно, в 1560 г. Фирмен Вейсьер уже занял этот пост; дипломированный юрист и убежденный католик, позднее он возглавил следствие по делу гугенотов, громивших церкви в епархии. Совместно с королевским прокурором в Рио и судейскими адвокатами, этот судья стоял теперь перед самым сложным делом из всех, которые ему приходилось разбирать, будучи на судейском поприще.

Присвоение чужого имени и попытка выдать себя за другого человека с целью обмана считались серьезным преступлением во Франции XVI века. Установленного наказания за таковые не существовало, но, поскольку в этом деле от имени гражданской стороны, то есть от имени Бертранды де Ролс, выступил королевский прокурор, подсудимому грозило нечто большее, чем штраф. Признанный виновным, он мог быть приговорен к телесному наказанию и даже к смерти. В данном случае, когда вопрос стоял о чести и самой жизни человека, доказательству следовало быть «определенным, несомненным и ясным как день». Но как во времена, когда не существовало фотографии, когда портреты были в редкость, когда не было магнитофонов, не снимались отпечатки пальцев¹, не существовало удостоверений лич-

¹ Даже при наличии отпечатков пальцев могут возникать споры, о чем можно судить из нашумевшего дела Джулио Канеллы, слушавшегося в Турине в 1927—1931 гг. Судя по от-

ности и метрических свидетельств, а записи о рождении в приходских книгах сохранялись редко, если вообще сохранялись, — как можно было при таких условиях установить личность вполне достоверно? Можно было положиться на память того или иного человека, хотя всегда оставалась вероятность, что его показания были заранее подтасованы. Можно было попросить свидетелей опознать подсудимого и надеяться на то, что их показания будут точны и правдивы. Можно принять во внимание особые приметы — родимые пятна или шрамы на его лице или теле, но их наличие также будет зависеть от утверждения свидетелей, знавших этого человека прежде. Можно было бы установить сходство или несходство обвиняемого с другими членами семьи. Можно было сличить почерк, но лишь в том случае, если обвиняемый и тот, за кого он себя выдает, умели писать, а также в том случае, если у вас есть образцы почерка последнего. Суд в Рио должен был извлечь некое представление об истинном положении дела, исходя из такого рода свидетельств, и потому рассказы односельчан о Мартене Герре должны были служить такого рода целям.

Прежде всего следовало собрать сведения среди свидетелей гражданской стороны, список которых был, несомненно, составлен Берtrandой совместно с Пьером. (Пьер, должно быть, включал в список тех, кто, как он надеялся, поддержит

печаткам пальцев, сомнительным лицом являлся печатник Марио Брунери, а жена профессора Канеллы, тем не менее, утверждала, что Брунери является ее мужем. — См.: Leonardo Sciascia. *Il teatro della memoria*. Turin, 1981.

обвинение, Бертранда же — тех, кто, сообразно ее надеждам, мог вызвать сомнения в справедливости иска.) Чтобы сэкономить средства, которые должны были выплачиваться из кармана представителей гражданской стороны, большинство показаний скорее всего снималось не в Рио, а в Артига или где-нибудь поблизости. Можно себе представить возбуждение, возникавшее, когда судья или его представитель занимали свое место и начиналось противоборство мнений, высказывавшихся местным нотариусом и мастером Домеником Боери, бакалавром юридических наук из Ле Фосса. Свидетели клялись говорить правду, а когда они заканчивали изложение своих свидетельств, чиновник, назначенный для снятия показаний, слово в слово зачитывал сказанное ими (во всяком случае, ему так следовало поступать), с тем чтобы свидетели, сравнив, могли исправить запись показаний. Затем они ставили свою подпись, если умели, или же крест.

Как только королевский прокурор нашел время изучить все эти показания и дать свое заключение, судья открыл слушание по делу в Рио. Он вызывал заключенного, задавал ему вопросы, связанные с предъявленным обвинением, а также касавшиеся жизни Мартена Герра, и выслушивал то, что обвиняемый говорил в свое оправдание. Затем он допрашивал Берtrandу де Ролс, после чего он назначал новое слушание, на котором обвиняемый должен был подтвердить сказанное Берtrandой. На данном этапе следствия судья серьезно отнесся к заявлению заключенного, подтвержденному показаниями представителей гражданской стороны, о том, что Пьер Герр принудил Берт-

ранду подать в суд; ее выгнали из дома, принадлежавшего Пьеру Герру, на все четыре стороны¹.

Затем последовал повторный допрос свидетелей и очные ставки последних с обвиняемым. Представители гражданской стороны по-прежнему оплачивали расходы. Судья требовал от каждого из свидетелей подтверждения показаний, данных им под присягой, после чего вызывался ответчик. Ответчик начинал с *гергошес* (отвода свидетелей), выражая неприязнь к каждому из них и высказывая сомнение в его искренности, даже не зная о том, что свидетель сказал о нем. Так Пансет максимально использовал свой единственный шанс бросить тень на репутацию тех, кто его обвинял. Затем письменные показания свидетеля зачитывались вслух, а ответчик опровергал их, доказывая свое алиби и задавая вопросы.

Некоторые дела разрешались непосредственно на очной ставке, настолько вина или невиновность обвиняемого были очевидны для судьи и королевского прокурора. Однако в случае с Мартеном

¹ Де Кора рассказывает, что ответчик просил поселить Берtrandу «в каком-нибудь добропорядочном доме» и что его просьба была удовлетворена. Де Кора замечает, что прежде женщину можно было изолировать в каком-либо женском монастыре. В епархии Рио было четыре женские обители — все довольно аристократические, и ни одна из них не располагалась между Артига и Рио: аббатство Саленке неподалеку от Ле Ма-д'Азиля, небольшие монастыри в Лонгаже, Ла Грас-Дье и Сен-Круа-Вольвестре. — L.H. C o t t i n e a u. Répertoire topo-bibliographique des Abbages at Prieurés. Macon, 1935 — 1939, cols. 1343, 2183, 2932. Была также обитель Бедной Клары в Памьере. Ни одна из них не подходила для Берtrandy, которая, вероятно, сначала проживала в каком-нибудь семействе в Артига, а во время дознания в Рио — в какой-либо из тамошних семей.

Герром дело обстояло не так. Ответчик называл свидетелей, которые могли подтвердить заявления, сделанные им во время слушаний и очных ставок. Бертранда все еще не отказалась от своего обвинения, и он был уверен в возможности доказать, что ее иск — результат подстрекательства. Судья также не был удовлетворен полученными показаниями, ему хотелось побольше узнать об этой загадочной женщине из Артига, о репутации других свидетелей и о личности заключенного. Королевскому прокурору было поручено собрать свидетелей, названных ответчиком (теперь настал его черед оплачивать расходы — ему следовало внести деньги заранее). В церквах Артига, Сажа и в их окрестностях торжественно зачитывалось *topi-toïge* (увещательное послание), требующее от каждого, кому известна правда об обстоятельствах этого дела, открыть ее судье под угрозой отлучения от церкви. Должно быть, даже протестанты всерьез относились к такого рода угрозам, сколь бы они ни сомневались в полномочиях священнослужителей.

Сто пятьдесят человек в качестве свидетелей побывали в Рио до завершения суда. Во всех деревнях двух епархий люди задавались вопросом, как опознать человека, — человека, вырванного из привычного окружения, оторванного от своих полей, от семьи и выставленного в помещении суда Рио. Почти все свидетели из Артига соглашались только в одном: когда обвиняемый объявился в их среде, он приветствовал каждого из них по имени и обстоятельно напоминал им об их совместных делах, совершенных при определенных обстоятельствах много лет назад. В остальном их показания

Очная ставка между обвиняемым и свидетелем.

были разноречивы, как и показания свидетелей, пришедших из других мест. Сорок пять человек или более утверждали, что заключенный является Арно дю Тилем по кличке Пансет или по крайней мере не Мартеном Герром, поскольку они ели и пили с детства совместно с одним из названных лиц. В число таких свидетелей вошли Карбон Барро, дядя Арно дю Тиля с материнской стороны из Ле Пена; люди, с которыми Пансет давным-давно заключал контракты, и три человека, которые опознали в обвиненном дю Тиля, еще когда тот жил в качестве мужа Бертранды де Ролс. От тридцати до сорока человек утверждали, что ответчик, вне всяких сомнений, является Мартеном Герром, которого они знали с колыбели. В их числе были четыре сестры Мартена, два его шурина и Катрин Боери, представительница одного из наиболее уважаемых семейств в округе.

Свидетели, знавшие Мартена Герра до того, как он покинул Артига, пытались припомнить факты двенадцатилетней давности. Крестьяне должны были обладать хорошей зрительной памятью — им приходилось держать в уме множество образов, очертаний и оттенков в ходе своей работы. Однако и тут были противоречия. Некоторые свидетели поддерживали версию, согласно которой Мартен был выше, тоньше и волосы его были темнее, чем у обвиняемого, что у Мартена был более плоский нос, нижняя губа сильнее выдавалась вперед, а также утверждали, что у Мартена был шрам на брови, никаких следов от которого не осталось на лице самозванца. Сапожник рассказал свою историю о том, что размер башмаков у Мартена был больше, чем у обвиняе-

мого. Другие свидетели настаивали на том, что у Мартена Герра был лишний зуб и на лбу — шрам, а также три бородавки на правой руке — и все это было обнаружено у заключенного.

Наконец, большая группа свидетелей — более 60 человек — отказывались так или иначе опознать заключенного. Возможно, они опасались возмездия, обвинения в клевете со стороны подсудимого, если его признают невиновным, или же неприятностей, которых можно было ожидать от Пьера Герра. Однако их публичные заявления отличались большей прямоотой: подсудимый и впрямь похож на Мартена Герра, что бы тут ни говорили о его губах, бровях и носе. Однако, имея в виду серьезность последствий своих показаний, они не решались утверждать, что это Мартен Герр: как они могут быть судьей в таком деле?

В течение этих долгих недель судебного дознания Бертранде, искавшей справедливости, было трудно и одиноко. Она жила в незнакомой обстановке, вдали от нового Мартена, который мог сомневаться в ее преданности. Ее мать и отчим надеялись, что этот процесс закончится для мошенника смертью или по крайней мере каторжными работами; ее золовки, несомненно, задавались вопросом, почему она вообще выступила с обвинением. Доброе имя Бертранды де Ролс стало предметом назидательных писем, зачитывавшихся с церковных кафедр по всей долине Лезы и за ее пределами. Кроме того, в своих показаниях ей следовало быть сдержанной; она должна была говорить лишь о том, что подсудимый уже успел усвоить касательно Мартена Герра, чтобы тот не допустил ошибки в своих ответах и не

сказал ничего такого, что могло бы сделать ее уязвимой для обвинения в прелюбодеянии. Ей необходимо было предстать в образе женщины, которую легко обмануть, воспользовавшись тем искусством, которое женщины нередко умеют продемонстрировать перед судебными чиновниками в тех случаях, когда это идет им на пользу.

Возможно, Бертранде уже приходилось говорить с каким-нибудь юристом еще до слушания в Рио, однако в присутствии судьи, его секретаря и королевского прокурора она чувствовала себя совершенно одинокой. Ей было страшно очутиться в этом мире мужчин, несмотря на то что в деревне она высоко носила голову и высказывалась напрямик. И тем не менее она отвечала на вопросы судьи о жизни Мартена Герра, начиная с их слишком ранней женитьбы до того момента, как молодой человек оставил дом, а затем сама сообщала некоторые новые детали. Суду пришлось выслушать рассказ об импотенции Мартена Герра, об избавлении от нее и даже о гораздо более интимных подробностях супружеских отношений. Суд выслушал рассказ о том, как когда-то супругам довелось присутствовать на какой-то свадьбе и, поскольку для них не нашлось общего ложа, Бертранде пришлось провести ночь со своей родственницей, однако, по уговору, Мартен проскользнул в постель, как только женщина заснула. (Ле Сер прерывает свой рассказ на этом месте, Бертранда же продолжает рассказывать о том, что они делали до, во время и после совершения таинства брака.)

Бертранда искусно играла двойную роль вплоть до очной ставки с заключенным. Он тоже

оказался в щекотливом положении и высказывал свои сомнения в ее искренности достаточно осторожно: она, мол, добропорядочная и честная женщина, и все ее показания правдивы, за исключением того, что он является самозванцем; в данном случае ее принудил солгать Пьер Герр. Обвиняемый имел возможность удостовериться в ее чувствах и продемонстрировать свои, заявив судье, что, если Бертранда поклянется в том, что он не является ее мужем, Мартеном Герром, он примет любую смерть, назначенную ему судом. И Бертранда смолчала.

Если жена Мартена Герра противоречила себе, то новый Мартен, казалось, никогда не был столь последовательным, как во время этого судебного разбирательства. Находясь в центре внимания, употребляя весь свой ум на то, чтобы доказать, кем он является, он ни разу не сбился ни в одном из воспоминаний, будь то описание одежды каждого из гостей, присутствовавших на свадьбе Мартена Герра, или рассказ о том, как он во мраке ночи прокрался в постель к Бертранде и ее родственнице. Он так и сыпал подробностями из своей жизни во Франции и в Испании, где он находился после того, как оставил Артига, называя имена людей, которые могли бы подтвердить правдивость его рассказа (суд проверял его показания, и названные люди подтверждали сказанное). Его характеристики свидетелей на очных ставках были против обыкновения доброжелательны или отличались живостью и убедительностью порицаний, как говорил позднее де Кора, оценивая высказанные подсудимым сомнения относительно Карбона Барро и других свидетелей, «которые столь обстоя-

тельно свидетельствовали против заключенного». Что он говорил, мы можем только вообразить. Должно быть, он говорил Карбону Барро: «Я никогда в жизни не видел этого человека. И если он — мой дядя, почему он не представил суду остальных членов семьи, которые могли бы подтвердить его слова?» Сапожнику: «Этот человек — собутыльник Пьера Герра. Пусть его показывает свои мерки с моей ноги. Но кто еще сможет подтвердить эти выдумки?»

Представляется, что ответчик провел всю свою защиту, не прибегая к советам юристов. Виллер-Котрейский эдикт, принятый в 1539 г., лишал обвиняемого в уголовном преступлении права пользоваться услугами адвоката, хотя недавние исследования показывают, что названный указ не всегда исполнялся. В ситуации, в которой оказался новый Мартен, какой-нибудь юрист должен был давать ему советы, ибо его дело изобиловало спорными обстоятельствами, начиная с его ареста, произведенного до рассвета вооруженными людьми. Но судебный процесс продлился всего несколько месяцев, несмотря на распространение назидательных писем и опрос большого числа свидетелей. Можно предположить, что заключенный с его сметливым умом и хорошей памятью быстро научился находить такие аргументы, которые производили впечатление на людей, поднаторевших в законе. Обвиняемый сосредоточил свою защиту на одном пункте: на ненависти, которую испытывал к нему Пьер Герр из-за иска, возбужденного против него Мартеном по поводу раздела имущества. Потерпев неудачу в попытке убить Мартена, Пьер и его зятья состряпали против него этот

заговор и зашли так далеко, что сочинили еще одно преступление — самозванство. «Если с кем-либо из отцов семейства так дурно обходились его близкие родственники, так это, несомненно, с ним, — дурно и несправедливо». Его следовало освободить, а Пьера Герра — наказать за клевету так же строго, как наказали бы Мартена, окажись он обманщиком¹.

После того как была опрошена последняя группа свидетелей, королевский прокурор заторопился с вынесением окончательного приговора. Свидетельские показания было трудно оценить однозначно, а затребованный судьей отчет о сходстве ответчика с сестрами и сыном Мартена Герра не внес в дело ясность. Заключенный не был похож на Санкси, но походил на сестер. Сличить почерки также не представлялось возможным, поскольку, если бы даже ответчику в последнее время и случалось ставить свою подпись (фактически среди крестьян лишь небольшая группа сельских купцов, не считая нотариусов и священников, могла подписать свои контракты), то ни Пансет, ни Мартен Герр никогда не смогли бы сделать этого в прежние времена.

¹ Де Кора в своих примечаниях находит справедливым такого рода право на возмездие за клевету. Однако судья уголовного суда Жан Имбер в своем справочнике по юридической практике, выпущенном в те годы, сообщает, что этот закон более не применяется. Лица, обвиненные в клеветнических наветах, как правило, должны были принести публичные извинения и заплатить штраф. Размышляя о распространившихся в его время злоупотреблениях наветами, судья Имбер порой желал, чтобы закон о возмездии за клевету вновь вошел в употребление.

Стремясь вынести приговор, суд мог рассматривать вопрос о применении к ответчику пыток, с тем чтобы посмотреть, не признается ли он: для того чтобы прибегнуть к пытке, закон требовал более убедительных доказательств виновности подсудимого, засвидетельствованных каким-либо безупречным свидетелем или полным совпадением косвенных доказательств, приводимых не менее чем двумя свидетелями. Но судья Рио не стал утруждать себя подобной процедурой. Возможно, он полагал, что она не даст результатов (к тому же недавнее исследование истории парижского парламента показало, что пытки приводили к признанию не так уж часто). Возможно, он считал дело достаточно ясным и без признания и полагал, что такой ответчик непременно обжалует в парламенте Тулузы решение о применении пытки.

Так или иначе, судья объявил ответчика виновным в присвоении имени и личных прав Мартена Герра, а также в совращении Бертранды де Ролс. Представители гражданской стороны требовали, чтобы он принес ей свои извинения на публичной церемонии и заплатил ей 2 тысячи ливров, покрыв также ее судебные издержки. Королевский прокурор потребовал смертной казни, не принимая во внимание просьбы Бертранды. Ничего особо удивительного в его настоянии не было: в 1557 г. лионское сенешальство приговорило двух человек к повешению за подделку контрактов, которые они подписали от имени другого человека, — контрактов сроком всего на несколько месяцев. Судья города Рио приговорил обвиняемого к обезглавливанию и четвертованию, оказав ему своего рода

почет, поскольку обезглавливание было привилегией дворян.

Обвиняемый немедленно апеллировал в тулузский парламент, настаивая на своей невиновности. Вскоре он был доставлен в Тулузу под охраной на свои же средства. Огромная кipa бумаг, составленных в ходе разбирательства этого дела, была отправлена вместе с ним, но уже за счет Берtrandy. 30 апреля 1560 г. уголовная палата парламента уже рассматривала дело «Мартена Герра, заключенного в тюрьму Консьержери».

Парламент в Тулузе существовал уже 117 лет — его помещение не раз реконструировалось, и число должностных лиц увеличивалось. Полномочия этого учреждения в Лангедоке были и впрямь весьма значительны. В 1560 г. в парламенте не только разбирались гражданские и уголовные дела, связанные с апелляциями, а иногда и в первой инстанции, но, кроме того, осуществлялся надзор над деятельностью низших судебных учреждений области, решались вопросы, связанные с деятельностью антикатолических разрушителей статуй в Тулузе, рассылались уполномоченные для расследования незаконных собраний и случаев незаконного ношения оружия, ересей и убийств в епархии Ломбе. Его президенты и судьи были

богатой и высокообразованной элитой — они владели превосходными домами в Тулузе и имениями в провинции, а также носили приобретенные тем или иным путем высокие дворянские титулы. Их судейские мантии становились все более роскошными, обращались же к ним в выражениях, подчеркивавших их честь и достоинство: «*integerrimus, amplissimus, meritissimus*» («честнейший, высокочтимейший, достойнейший») — так называет одного из них Жан де Кора в обращении, написанном еще до того, как сам он достиг подобного положения; «*eruditissimus et aequissimus*» («ученейший, справедливейший») — так он обращается к другому должностному лицу, употребляя в отношении всего парламента слова: «*gravissimus sanctissimusque Senatus*» («строжайший священнейший сенат»).

Уголовная палата, или *La Tournell*, как ее называют, была одной из пяти палат парламента, где по очереди председательствовали десять-одиннадцать судей и два-три президента. Среди тех, кто разбирал апелляцию по делу Мартена Герра, было несколько светил тогдашнего судопроизводства — высокообразованный Жан де Кора, опубликовавший немало работ по вопросам права; Мишель дю Фор, бывший судья в сенешальстве, а теперь президент парламента, происходивший из семьи выдающихся юристов, взявший жену в семействе Берню, чье приданое было частью доходов от тулузской торговли пастелью. Сам Жан де Мансенкаль, первый президент парламента, оставив дела в более высокой палате, присутствовал на суде на нескольких последних заседаниях. У него был роскошный, построенный в стиле ренес-

санс городской дом, а также земельные владения в епархии Ломбе, неподалеку от деревни, где родился Арно дю Тиль.

Связанные общей деятельностью и даже матримониальными отношениями (дочь судьи Этьена де Бональда должна была вскоре выйти замуж за сына Мансенкаля), люди, заседавшие в уголовной палате в 1560 г., также начинали осознавать резкую противоречивость своих мнений. Трое судей вскоре проявили себя убежденными протестантами — Жан де Кора, Франсуа де Ферье, Пьер Робер, — а еще несколько человек, таких, как Мишель дю Фор, по крайней мере сочувствовали делу Реформации. С другой стороны, Мансенкаль был верным католиком, а еще более непримиримые приверженцы католицизма, такие, как президент Жан Дафи и Николя Латоми, впоследствии использовали любую предоставлявшуюся им возможность для искоренения новой ереси.

Но пока что их мог объединить хотя бы общий интерес к любопытному делу, которое поступило в их инстанцию из суда в Рио. У каждого из них был многолетний служебный опыт в парламенте — престарелый Симон Рейнье разбирал судебские дела в течение почти сорока лет, а Жан де Кора, наконец назначенный членом парламента, был судьей начиная с 1553 г. — но едва ли кому-либо из них приходилось рассматривать дело, касающееся жены, которая в течение более трех лет ошибочно принимала за своего мужа чужого человека. Нарушение супружеской верности, содержание любовниц, двоеженство — да, но муж-самозванец? Палата решила поручить Жану де Кора проинструктировать суд. Это означало, что ему сле-

довало подробно вникнуть в спорные вопросы и в конце концов подготовить отчет относительно всех имеющихся доказательств, а также рекомендовать возможный приговор. Франсуа де Ферье был уполномочен помогать ему в расследовании и в опросе свидетелей. Для начала суд намеревался выслушать Берtrandу де Ролс, которую обязали явиться в парламент заодно с Пьером Герром.

Пока эти двое добирались до Тулузы из Артига, человек, по-прежнему настаивавший на том, что он является Мартеном Герром, сидел, закованный в ножные кандалы, в тюрьме Консьержери. В том, что его заковали, не было ничего необычного — случаи бегства из тюрьмы Консьержери были настолько обычным делом, что все заключенные, кроме должников и не уплативших штраф, содержались в железзах в том случае, если они были здоровы. Новый Мартен мог свободно разговаривать со всеми, кто был в состоянии его слышать, и можно себе представить, как он, с его безудержным красноречием, потешал находившихся вместе с ним арестантов: одного человека из Каркасона, обвиненного в похищении детей, нотариуса, священника и ремесленника из Памье, изготовлявшего шпоры, — всех обвиненных в ереси, а также двух таинственных незнакомцев.

В начале мая показания Берtrandы и Пьера были выслушаны — а затем в присутствии всей палаты они подверглись очной ставке с ответчиком. Никаких проблем с языком, скорее всего, не возникло: выступавшие на суде должны были говорить на «местном наречии», а все члены суда были из здешних мест. Берtrandа начала с утверждения, призванного убедить судей в том, что она ни-

Первое изображение процесса, где наши герои выглядят как люди, занимающие более высокое общественное положение.

когда не была сообщницей заключенного; она признавала тот факт, что честь ее запятнана, но лишь оттого, что она попала в силки, расставленные для нее врагами. Она говорила беспокояно, «*defixis interram ocululis satis trepide*» («потупив взор и глядя в одну точку»). Затем заключенный обратился к ней «*alacriogri vultu*» («оживленно») и нежно, сказав, что не желает ей никакого зла и знает, что все дело инсценировано его дядей. Внешне он был «уверен в себе, — отмечает де Кора, — гораздо уверенней, чем названная де Ролс, и почти все присутствовавшие судьи были убеждены в том, что заключенный — настоящий муж, а самозванство является измышлением жены и дяди». После двух очных ставок Уголовная палата приказала заключить и Пьера и Берtrandу в тюрьму, скорее всего поместив Пьера подальше от «Мартена Герра», а Берtrandу — в женское отделение той же Консьержери.

Вновь возобновились бесконечные расспросы о подробностях жизни Мартена Герра. Сначала де Ферье и де Кора беседовали с Берtrandой. Для того чтобы предать его на этом этапе следствия, ей достаточно было сообщить любой эпизод, который он не смог бы пересказать; она же, напротив, твердо держалась тех утверждений, о которых они условились за несколько месяцев до суда. Затем судьи много раз допрашивали ответчика, безуспешно пытаясь поймать его на какой-нибудь ошибке¹. Де Кора сообщает: «Его ответы, изоби-

¹ «Порой судьям позволительно лгать, — писал позднее один из судей парламента Тулузы, — с тем чтобы выяснить истину о преступлениях — гражданских и уголовных».

ловавшие подробностями и содержавшие в себе такое множество достоверных деталей, предоставляли судьям необыкновенную возможность убедиться в невинности ответчика и, кроме того, восхититься меткостью его памяти, ибо он пересказывал бесчисленные случаи, имевшие место более 20 лет назад. Члены суда всеми возможными способами старались внезапно вопросов уличить его во лжи, но никак не могли использовать его ответы против него или же побудить каким-либо образом отклониться в каком-либо из ответов от правды».

Разумеется, следовало допросить свидетелей, и примерно 25—30 человек были заслушаны членами суда, причем свидетели избирались как из тех, кто уже давал показания, так и из свидетельствовавших впервые. Вновь проводились очные ставки с ответчиком — Карбон Барро прослезился, увидав заключенного в кандалах, — и тем не менее «Мартен Герр», как и прежде, поставил под сомнение его показания. В конце мая человек семь свидетелей были вызваны в Тулузу специально для проведения очных ставок с Берtrandой. Сама очутившись в постыдном положении, взятая под стражу, она должна была предстать в таком виде перед своей золовкой, Жанной Герр, и другими важными людьми из долины Лезы, такими, как Жан Лоз и Жан Банкель, которые, скорее всего, давали показания о том, не была ли она подкуплена.

В течение лета 1560 г. Жан де Кора тщательно изучал все эти показания и решал, что говорить в отчете. Возможно, долговременные занятия делом Мартена Герра были для него весьма кстати. Чуть раньше, в том же году, был напечатан его

объемистый трактат «De iuris Arte» («Об искусстве права»), и он еще не взялся за новую работу. Тем временем политическая ситуация во Франции была тревожной после неудавшегося протестантского заговора в Амбуазе, раскрытого несколькими месяцами ранее, и в самой Тулузе то и дело происходили столкновения между сторонниками новой религии и приверженцами старой. Несколько раз в те дни, когда Уголовная палата выносила приговоры еретикам, де Кора попросту не присутствовал на заседаниях. Он знал, на чьей стороне была правда, но еще не был готов употребить всю силу своего общественного положения на ее защиту. В данный момент было легче доискиваться истины в установлении личности неизвестного человека.

Выяснилось, что дополнительные свидетельские показания мало что дали для разъяснения дела: девять или десять человек были уверены, что подсудимый — Мартен Герр, семь или восемь утверждали, что это — Арно дю Тиль, остальные же говорили, что не знают, кто он такой. Де Кора начал с подробного исследования характера личностей свидетелей и их показаний; такого рода анализом, по его мнению, пренебрегли при судебном разбирательстве в Рио. Сравнительное большинство показаний после двух слушаний дела было против ответчика. Однако в расчет принималось не число свидетельствовавших о личности подсудимого, а их персональные достоинства — были ли они честными людьми, старавшимися высказать всю правду, или же в своих показаниях они руководствовались лишь страстью, страхом или расчетом; учитывалась и правдоподобность

их показаний. Де Кора считал, что именно в таких делах показания близких родственников имеют наибольшее значение. Им легче всего распознать личность человека, «ибо они близки по крови» и росли вместе с ним. Однако в данном случае близкие родственники давали показания в пользу подсудимого, будучи свидетелями как истца, так и ответчика.

Для того чтобы осудить некое лицо, суду необходимо было доказать, что преступление было на деле совершено и что совершил его именно обвиняемый. Даже признание само по себе не обеспечивало необходимое наличие этих двух фактов, ибо признание ответчика могло быть ложью, независимо от того, давалось оно с применением пытки или без таковой. Так или иначе, в данном деле никто ни в чем не признавался. Могло ли доказательство вины основываться на традиционном правиле, согласно которому для установления истины необходимы показания, данные двумя заслуживающими доверия свидетелями? Де Кора располагал несколькими определенными фактами, но каждый из них оставался проблематичным. Например, Пелегрэн де Либер клятвенно утверждал, что ответчик откликается на имя Арно дю Тиль, а также дал ему два носовых платка для передачи брату, Жану дю Тилью. Но кроме де Либера, никто не свидетельствовал о том же, и к тому же правдивость его показаний была убедительным образом поставлена под сомнение ответчиком. Два человека показывали, что слышали, как солдат из Рошфора утверждал, будто Мартен Герр лишился ноги в сражении при Сен-Квентине. Однако это показание приравнивалось к «слуху»

и не могло считаться достаточно основательным.

Вещественные доказательства, принимавшиеся в расчет при рассмотрении уголовных дел в XVI веке (несмотря на то что это правило не было частью средневековой теории установления улики), также не разъясняли ни одного из вопросов. В большинстве своем такого рода доказательства основывались на показаниях людей, которые вспоминали, как выглядел Мартен Герр, а эти люди могли лгать или же им попросту могла изменить память. Те, кто говорил, что у подсудимого такие же отметины и шрамы, как у Мартена Герра, указывали на разные бородавки или ногти; не было двух свидетелей, указывающих одну и ту же примету. С другой стороны, если верным было утверждение о том, что ноги у Мартена Герра были тоньше, чем у ответчика, опыт показывал, что людям, отличавшимся стройностью в юности, порой свойственно толстеть. То, что обвиняемый почти не знал баскского языка, могло означать, что он — не Мартен Герр, ибо, возможно ли, «чтобы природный баск не умел говорить на родном языке»? Но, с другой стороны, тот же факт мог попросту означать, что, оставив Лабур в столь юном возрасте, он не имел никаких «возможностей» толком усвоить язык своих родителей.

Де Кора находился в «большом затруднении», однако, поскольку ему был поручен отчет о следствии, он должен был сделать те или иные рекомендации. Чем больше он размышлял над собранными свидетельствами, тем больше склонялся к мысли, что ответчик является тем, за кого себя

выдает, и что приговор судей из Рио должен быть пересмотрен.

Де Кора вдумывался в показания, касавшиеся Бертранды. Она представлялась женщиной, жившей «добродетельно и достойно», — таковы были сведения, подтвержденные в увещательном послании, распространенном по приходам. Она делила ложе с подсудимым три с лишним года и в течение означенного длительного срока не могла не различить в нем чужого человека, если заключенный не являлся настоящим Мартеном Герром. В течение нескольких месяцев Бертранда настаивала на том, что подсудимый является ее мужем, тем самым противореча показаниям своего отчима и матери. Она даже защищала его от побоев своим телом и была с ним в одной постели всего за несколько часов до того, как подписала иск. Затем перед судьей из Рио она отказалась клятвенно заверить, что он не Мартен Герр. Этот факт не подтверждал ту или иную истину, поскольку при разборе уголовных дел «доказательство посредством клятвенного заверения незаконно». И все же этот факт указывал на расположение ума Бертранды, и впечатление это усиливалось ее неуверенным и нервным поведением во время очной ставки с ответчиком, проводившейся в Уголовной палате в мае. Представлялось вероятным, что, как сама Бертранда, по словам свидетелей, утверждала ранее, ее принудили выступить с ложным обвинением.

Раздумывал он и над фигурой Пьера Герра. Можно себе представить, что происходило, когда юрист из Реалмона выслушивал пожилого владельца кирпичного завода, говорившего с баск-

ким акцентом. Можно себе представить, как этот самый дядя демонстрировал свой гнев и оскорбленные чувства по отношению к самозванцу, а поскольку «манера поведения», в понимании де Кора, указывала на степень правдивости свидетеля, можно задаться вопросом, не это ли впечатление от поведения свидетеля повлияло на решение де Кора рекомендовать для Пьера Герра содержание в окопах. Во всяком случае, собранные о нем показания не выставляли этого человека в лучшем свете. Тяжба относительно представления счетов и выплаты суммы доходов по этим счетам, равно как и ее исход, были запротоколированы, что давало веские основания для ложного обвинения со стороны Пьера Герра. Пьер сам признался в том, что, не имея на то полномочий, выступил в качестве представителя Бертранды перед судьей в Рио. Несколько свидетелей, включая добропорядочного Жана Лоза, подтвердили, что Пьер, его жена и зятья сговаривались убить ответчика. Этих показаний было достаточно для получения разрешения на применение пытки к Пьеру Герру, с тем, чтобы добиться от него признания в попытке совершить убийство, в предъявлении ложного обвинения и в вымогательстве показаний от Бертранды де Ролс. Действительно, Ле Сер утверждает, что Уголовная палата рассматривала такого рода меру, хотя и не вынесла решения по этому вопросу. Как бы то ни было, де Кора считал ложное обвинение тяжким и часто совершаемым преступлением, состоящим в преднамеренном умысле причинить зло ближнему, нарушая при этом восьмую заповедь Господню.

И наконец, повод для размышлений давал и

сам обвиняемый, многие показания свидетельствовали в его пользу. Де Кора считал четырех сестер Мартена Герра исключительно честными свидетельницами, «такими уважаемыми и достойными женщинами, каких встретишь лишь в Гаскони, всегда утверждавшими, что обвиняемый, вне всяких сомнений, является их братом Мартеном Герром». (Их поддержка должна была представляться де Кора особенно бескорыстной, поскольку у них было бы еще меньше шансов унаследовать имущество Мартена Герра, если бы у последнего родился еще один сын.) Как утверждал де Кора, тот факт, что ответчик был схож с ними лицом, представлялся более значительным, чем отсутствие такого сходства с Санкси, ибо подсудимый был примерно одного с ними возраста, а Санкси — всего лишь тринадцатилетним мальчиком. Кроме того, достоверным являлся и тот факт, что обвиняемый уверенно и безупречно вспоминал все, относившееся к подробностям жизни Мартена Герра, включая те интимные подробности, которые открыла сама истица. Сообщения о том, что Арно дю Тиль был беспутным малым, «погрязшим во всех возможных пороках», не могли повредить обвиняемому а, пожалуй, даже свидетельствовали в его пользу, поскольку он не производил такого впечатления.

Решение относительно ответчика сообразовалось с известным принципом римского права, согласно которому «лучше оставить ненаказанным виновного, чем обвинить невинного». Еще более важным являлся тот факт, что это решение рассматривалось в связи с одним из предпочтений гражданского права, к которому весьма серьез-

но относились во французских судах XVI века: суд стремился защитить брак и детей, рожденных в нем. «В тех случаях, когда возникают некоторые сомнения, — говорил де Кора, — оказание поддержки либо людям, состоящим в браке, либо детям... решит дело в пользу истины». У Бертранды при благоприятном решении был бы муж; у Санкси и младшей Бернарды — отец.

Уголовная палата уже была готова вынести окончательный приговор по этому делу, причем мнения «по большей части были в пользу подсудимого и против названного Пьера Герра и названной де Ролс», когда в здание парламента Тулузы явился человек на деревянной ноге. Он сказал, что его зовут Мартен Герр.

Возвращение Мартена Герра

После того как Мартен был ранен в ногу в бою при Сен-Квентине, ему дважды повезло. Во-первых, он не умер от ранения, а, напротив, вынес хирургическую операцию и научился ковылять на деревянной ноге. Во-вторых, кто-то из его хозяев, или Педро де Мендоза, или брат последнего, кардинал, попросил Филиппа II помочь Мартену Герру в его стесненных обстоятельствах. Король наградил Мартена за то, что тот послужил Испании, назначив его пожизненным смотрителем в одной из обителей военного ордена св. Иоанна Иерусалимского. Устав этого ордена был одним из самых строгих в стране по части требования доказательств дворянского происхождения от своих рыцарей: банкиры Бур-

госа тщетно стремились добиться посвящения в этот орден. Мартен Герр, как и прежде, остался в исключительно мужском обществе, предводимом аристократами.

Отчего он вдруг решил после двадцатилетнего отсутствия пересечь Пиренеи на деревянной ноге и вернуться к своей прежней жизни? Это самая неразрешимая загадка в истории Мартена Герра. Де Кора ничего не сообщает о соображениях, которыми тот руководствовался, хотя и предполагает, что Мартен узнал о самозванце лишь по возвращении. Ле Сер утверждает, что по прибытии Мартен пошел сначала в Артига, услышал о происшедшем и немедленно отправился вместе с Санкси в Тулузу. Однако в рассказе Ле Сера есть неувязки, в частности на основании его сообщения трудно объяснить удивление, выказанное сестрами в последние дни процесса.

И все же можно предположить, что Мартен Герр случайно вернулся как раз вовремя. Наскучив строгими уставными ограничениями жизни в религиозном учреждении, хотя он и был его смотрителем, он мог решить, что лучше жить в лоне семьи, где он мог рассчитывать на определенный авторитет. Годом раньше в Като-Камбрези был подписан мир между Испанией, Францией и Англией, и Филипп II поручил кардиналу Бургоса встретить свою невесту Елизавету Валуа на французской границе в декабре 1559 г. Мартен Герр мог надеяться, что в пору примирения ему простят участие в военных действиях на стороне Испании.

Мне представляется более вероятным, что он услышал о процессе еще до своего возвращения.

Пьер Герр употребил бы все усилия, для того чтобы уведомить его об этом, знай он, что Мартен все еще жив. Об этом много говорили в деревнях по всему Лангедоку, и, кроме того, судья Рио посылал чиновников и в саму Испанию, чтобы проверить показания нового Мартена о пребывании в этой стране. Граждане Тулузы и съехавшиеся отовсюду юристы также обсуждали это дело, несмотря на то что судьи могли делиться своими предположениями лишь с частью суда, а публике запрещалось присутствовать на всех заседаниях суда, кроме последнего, на котором оглашается окончательный приговор. Слухи о процессе могли дойти до Мартена Герра и через служителей ордена св. Иоанна Иерусалимского, так как орден имел несколько обителей в Лангедоке и в графстве Фуа.

Кто я такой, должен был спрашивать себя Мартен Герр, если кто-то другой живет моей прежней жизнью и его, того и гляди, объявят наследником моего отца Санкси, мужем моей жены и отцом моего сына? Подлинный Мартен Герр мог вернуться для того, чтобы, пока не поздно, вновь обрести свою личность, свою persona.

Едва добравшись до Тулузы в последних числах июля, он был взят под стражу парламентом, и слушания начались. Говорят, что ответчик, едва началась очная ставка с человеком из Испании, воскликнул: «Проходимец! Злодей! Негодяй! Это Пьер Герр заплатил ему наличными и подучил его!» В последнюю минуту он явился, чтобы разрушить святые устои брака; ответчик должен был разоблачить его, если сам не желал кончить жизнь на виселице. И, стран-

ное дело, человек с деревянной ногой помнил гораздо меньше эпизодов из семейной жизни Мартена Герра, чем обвиняемый.

Это был час торжества в жизни человека, которого когда-то называли Пансет. Было бы ошибкой объяснить его поведение в этот день и в течение следующих недель просто как отчаянную попытку спасти свою жизнь. Живой или мертвый, он защищал созданную им себе на потребу личность от какого-то чужака. (Читатель помнит, что, скорее всего, эти два человека никогда прежде не встречались.)

Де Кора и де Ферье еще 10—12 раз поодиночке допрашивали каждого из этих двух людей, задавая пришьельцу вопросы «с подвохом» об обстоятельствах, не запротоколированных прежде, сверяя их ответы, и в конце концов выяснили, что обвиняемый знает об этих обстоятельствах не хуже пришьельца. Казалось, что обвиняемый окружен непроницаемой магической атмосферой, защищавшей его от любых обвинений. Пытаясь сбить ответчика с толку, президент де Мансенкаль спросил толпу, как ему удалось вызвать злого духа, поведавшего ему так много о жителях Артига. Де Кора рассказывает, что обвиняемый побледнел и на миг смутился — для судьи это было несомненным признаком виновности. Мне представляется, что такая реакция была не только следствием обостренного чувства опасности, но и гневом на то, что его естественные способности толкуются в столь ложном свете.

Затем Уголовная палата приступила к проведению последней серии очных ставок. Снова был вызван Карбон Барро, но на этот раз

также были вызваны братья Арно дю Тилья, что было нарушением (особенно характерным для дела, слушавшегося в XVI веке) средневекового правила, согласно которому братья не могут свидетельствовать друг против друга при разбирательстве уголовных дел. Братья дю Тиль скорее примчались, нежели просто прибыли в Тулузу.

Для Пьера Герра, измученного несколькими месяцами пребывания в тюрьме, члены суда устроили театрализованную проверку. Пришелец был помещен среди группы мужчин, одетых так же, как он. Пьер узнал своего племянника, плакал и радовался своему долгожданному везению.

Что касается сестер, то перед каждой из них, вызываемой отдельно, представляли два Мартена, поставленные рядом. После того как Жанна некоторое время разглядывала одноногого человека, она сказала: «Вот мой брат Мартен Герр». Все эти годы ее обманывал этот притворщик, пользуясь своим сходством с настоящим Мартеном. Она обняла Мартена, брат и сестра прослезились. Так же вели себя и другие сестры.

Настал черед Бертранды де Ролс. Была ли она сломлена духом после почти трехмесячного заключения в тюрьме Консьержери? Она похудела и была больна, единственным ее утешением было то обстоятельство, что среди находившихся вместе с ней под стражей женщин были обвиненные в ереси, с которыми она могла говорить о Евангелии. Кроме того, среди ее товарок находилась одна состоятельная женщина, которая, подобно Бертранде, была истицей, подвергшейся заключению. Еще одну узницу выпустили на время родов.

Это был мир женщин, пребывание в котором могло напомнить Бертранде те годы, когда она ожидала возвращения Мартена Герра. Бертранда достаточно закалилась в ожидании любого неожиданного исхода дела, так что, явившись в Уголовную палату, она была в состоянии хорошо сыграть свою роль.

Едва взглянув на пришельца, она тотчас задрожала, заплакала (об этом свидетельствует де Кора, считавший, что хороший судья обязан различать особенности поведения своих свидетелей) и бросилась обнимать его, умоляя простить ей ее проступок, который она совершила, обманутая и совращенная Арно дю Тилем. Пошли в ход все заготовленные оправдания: твои сестры слишком поспешно поверили ему; твой дядя признал его; мне так хотелось, чтобы мой муж вернулся, что я поверила ему, особенно когда выяснилось, что он знает обо мне такие интимные подробности; обнаружив же, что он мошенник, я хотела умереть и покончила бы с собой, если бы не страх перед Богом; как только я поняла, что он обесчестил меня, я подала на него в суд.

Мартен Герр не выказал никакого сочувствия к слезам Бертранды де Ролс и со свирепым выражением лица (усвоенным, должно быть, у испанских проповедников, среди которых жил) сказал: «Перестань лить слезы... И не оправдывай себя тем, как вели себя мои сестры и дядя, ибо ни отец, ни мать, ни дядя, ни сестра, ни брат не могут знать сына, племянника или брата лучше, чем жена своего мужа. И в том несчастье, что обрушилось на наш дом, никто не виноват, кроме тебя». Де Кора и де Ферье напомнили ему, что

он сам тоже в какой-то мере первым провинился, оставив Берtrandу, однако не убедили его.

Наконец Мартен Герр был опознан. Теперь даже без признания обвиняемого суд располагал достаточными доказательствами для того, чтобы вынести окончательное решение. Жан де Кора подготовил новый отчет, а также проект приговора; Уголовная палата согласилась с его редакцией. Арно дю Тиль по прозвищу Пансет обвинялся в «самозванстве, присвоении чужого имени и обличья, а также в прелюбодеянии». Несмотря на то что в последние недели на суде высказывались предположения об использовании магии и призывании злых духов, эти подозрения не упоминались в приговоре. Дю Тиль, согласно приговору, должен был подвергнуться *amende honorable* (публичному покаянию), а затем быть предан смерти в Артига.

Возможно, по поводу наказания среди судей были разногласия. Разумеется, Арно дю Тиль невозможно было приговорить к какому-либо сроку тюремного заключения, ибо в тюрьмах по тем временам содержались лишь те, кто ожидал судебного разбирательства, а также осужденные за неуплату долгов. Выбор наказания включал в себя ту или иную сумму штрафа, различного рода физические наказания (бичевание, клеймение, нанесение разного рода увечий), изгнание, срок каторжных работ на королевских галерах и смертную казнь. Для данного случая де Кора не смог найти во французском законе никаких указаний, которыми он мог бы руководствоваться; «наказание за присвоение чужого имени и объявление себя другой личностью» мало чем

отличалось от наказания за подделку подписи. В старинных текстах приводились самые различные случаи — порой самозванство рассматривалось как шутка и не наказывалось вовсе, в иных случаях предписывалось умеренное наказание, в иных — изгнание и в очень редких случаях — смертная казнь. В 1532 г. королевским эдиктом дозволялось приговаривать к смерти «большое число» людей, подписавших поддельные контракты и дававших ложные показания суду, однако это установление еще не вошло в привычную юридическую практику. Де Кора мог слышать о решении по поводу апелляции, принятом в 1557 г. и касавшемся двух лионских самозванцев, подписывавших контракты от имени Мишеля Мюра: парижский парламент смягчил приговор, вынесенный сенешальством лионского суда, заменив наказание поркой и девятью годами работ на галерах. В другом случае тому же сенешальству пришлось приговорить одного самозванца, грека Китраху, собиравшего долги от имени умершего человека, к выплате всех незаконно изъятых сумм, уплате 500 ливров штрафа королю и изгнанию из Франции.

Однако преступление, совершенное дю Тилем, было более тяжким. Оно включало в себя присвоение наследства, что приравнивалось к выдаче женщиной незаконнорожденного ребенка за рожденного от мужа и тем самым получавшего право на наследство. Более того, мнимый Мартен был повинен в прелюбодеянии — это преступление, по мнению де Кора, вообще должно было караться строже и последовательнее. Парламент Тулузы выносил смертные приговоры за прелюбо-

деяние только в тех случаях, когда оно было сопряжено с серьезным нарушением социального статуса — как в 1553 г., когда судебный чиновник был приговорен к повешению за сожительство с женой своего хозяина, или в 1556 г., когда жена одного землевладельца была обвинена в прелюбодеянии со своим издольщиком (оба были повешены).

Такого рода соображения породили альтернативу смертному приговору, альтернативу, которой, по крайней мере один из юристов позднее предложил суду воспользоваться. Преступник должен был быть не обезглавлен, как то предписывал судья из Рио, но повешен, как всякий простолюдин, оказавшийся развратным мошенником. Суд не доходил до требования сжечь обвиняемого живьем, однако, принимая во внимание мерзости совершенного преступления, его труп предлагалось сжечь, «с тем чтобы совершенно искоренить саму память о столь ничтожном и гнусном человеке».

Уголовная палата тем или иным способом пыталась защищать интересы Арно дю Тиля, применяя в своих определениях тактику, которая могла бы облегчить участь Мартена Герра и Бертранды де Ролс, но этот факт говорил и о том, что члены суда все еще не могли побороть в себе уважение к человеку, столь поразившему их достоверностью своих показаний. Дочь Арно Бернарда была признана законнорожденной — суд решил принять на веру утверждения Бертранды, полагавшей, что она находилась в сожительстве с Мартеном Герром в ту пору, когда был зачат этот ребенок. Прецедентов для такого рода

решения было предостаточно. Для того чтобы ребенок был признан незаконнорожденным, следовало доказать, что каждый из родителей сознавал обстоятельства дела; например, дети женщины, не знавшей, что ее муж — священник, считались законнорожденными.

Более необычен тот факт, что суд не конфисковал имущество и земельную собственность, принадлежавшие Арно дю Тилю в епархии Ломбе, и не передал их во владение короля, как это делалось в большинстве случаев, когда преступника приговаривали к смерти. Напротив, после того как Бертранде были возмещены судебные издержки, упомянутое имущество должно было перейти к их дочери Бернарде.

Кроме того, осужденного решено было не подвергать до казни пыткам с целью выяснения имен его сообщников, каковая процедура называлась «la question préalable». В некоторых случаях де Кора рекомендовал пытку; ранее, в 1560 г., он и президент Дафи подписали приговор, согласно которому некоего Жана Тома по прозвищу Провинциал «следовало допросить, с тем чтобы услышать из его собственных уст правду о кошунствах, преступлениях и применении дьявольских чар, вменявшихся ему в вину». Тем не менее Уголовная палата могла предполагать, что этого столь впечатлявшего их Арно вряд ли удастся сломить, а если даже и удастся, судьи определенно не желали, чтобы он в последнюю минуту назвал в качестве сообщницы Бертранду де Ролс.

Ибо Уголовной палате необходимо было решать, что делать с этой женщиной, заключен-

ной в Консьержери. Что можно было сказать об этой красивой женщине, так легко обманутой и столь упорно не признававшей своей ошибки? После долгих обсуждений судьи согласились признать ее верность супружескому долгу — ведь слабый пол так легковверен. Она не обвинялась в обмане, двоемужестве или прелюбодеянии (наказанием за последнее из названных преступлений могло стать заключение в монастырь до той поры, пока муж не решит взять ее обратно), а дочь ее была признана законнорожденной.

Надо было также что-то решить относительно Мартена Герра. Суд в течение долгого времени обсуждал, следует ли обвинить его в том, что он оставил семью на столь длительный срок, а также в том, что он сражался на стороне врагов Франции. В конце концов судьи решили, что его уход можно объяснить юностью, «горячностью и легкомыслием младости, которые в ту пору кипели в нем», а также тем обстоятельством, что к службе Филиппу II Мартена мог принудить его хозяин. Имея в виду все случившееся с его ногой, с его добром, с его супругой, можно было считать, что он достаточно наказан.

Решено было также не преследовать Пьера Герра за попытку незаконно выдать себя за представителя интересов Бертранды или же за его умысел убить Арно дю Тиля. Он и так рисковал своим имуществом и даже жизнью, выдвигая иск против самозванца: если бы дело было им проиграно — что почти и случилось, — ему грозило тяжкое наказание за ложное обвинение, представленное на рассмотрение суда.

В окончательном приговоре суда нашло свое

отражение все то же стремление де Кора следовать тем критериям, которым он следовал и прежде, решая дело в пользу нового Мартена, а именно: поддерживать устои брака и интересы детей, рожденных в нем. 11 сентября президент де Мансенкаль вызвал Берtrandу де Ролс, Мартена Герра и Арно дю Тиля — они должны были предстать перед всем составом палаты. Пансет настаивал на том, что он — Мартен Герр, независимо от того, какие доводы приводились президентом. Затем Мансенкаль попытался примирить Берtrandу с Марте́ном, указывая им на их обоюдные провинности и убеждая забыть о прошлом. Ответчик постоянно прерывал его, оспаривая каждое слово.

Это был самый неудачный спектакль из разыгранных мнимым Марте́ном или самый неподдельный. Он проиграл, и теперь настал его черед быть ревнивым мужем. Суду его поведение показалось дерзким и раздражающим, в связи с чем в последний момент в приговор было внесено изменение. Предполагалось, что Арно дважды выступит с официальным покаянием — сначала перед палатой, затем перед жителями Артига. Теперь ему вменялось в обязанность лишь покаяние в Артига — кто его знает, что он наговорит перед судом?¹

¹ Сообщение де Кора на этот счет производит весьма странное впечатление. Зачем наказывать Арно дю Тилья за дурное поведение отменой одного из публичных покаяний? Уместно ли было заменять покаяние перед судом более унижительной процедурой покаяния перед жителями деревни? Или де Кора представляет случившееся в ложном свете, или же перед нами еще один пример смешанных чувств, с которыми судьи относились к этому необычному подсудимому.

12 сентября парламент открыл свои двери, с тем чтобы публика могла присутствовать при объявлении приговора. Огромная толпа стеснилась в зале заседаний. Среди них, как представляется, находился и юный Мишель Монтень, об эту пору он был судьей в парламенте Бордо. Мансенкаль зачитал постановление суда, оправдывающее Мартена Герра, Берtrandу де Ролс, а также Пьера Герра и отвергавшее апелляцию Арно дю Тиля по прозвищу Пансет, который «именовал себя Мартеном Герром». Арно следовало приступить к публичному покаянию перед церковью в Артига, затем его должны были провести через всю деревню и казнить напротив дома Мартена Герра. Судье из Рио поручалось привести приговор в исполнение. Де Кора не сообщает, что выразилось на лицах Берtrandу де Ролс и Арно дю Тиля при чтении приговора.

Через четыре дня перед тем домом, в котором 22 года назад было устроено брачное ложе Берtrandу, воздвигли виселицу. Вся семья вернулась из Тулузы, и люди из весьма отдаленных окрестностей пришли взглянуть на самозванца и присутствовать при казни. Жители деревни больше не расходились во мнениях об этом деле, как это было в течение почти полутора лет. Теперь ложь открылась, и начинался ритуал, в ходе которого лжеца, подвергнув унижению и заставив попросить пощады, следовало извергнуть из общества.

Пансет сделал все возможное, для того чтобы это событие запомнилось. Он начал день с того, что признал достоверность своего прежнего имени.

Он добровольно сознался во всем судье из Рио, начав с того, как двое людей из Мана окликнули его, приняв за Мартена Герра. Все произошло самым натуральным образом, дело затеяли он сам и те несколько сообщников, чьи имена он назвал¹. Никаких магических средств не применялось. Роль Берtrandy он скрывал от начала до конца. По сообщению де Кора (хотя и не подтвержденному рассказом Ле Сера), Арно признался также в нескольких мелких кражах, совершенных им в юности.

Затем, как подобает рачительному отцу семейства из крестьян, он сделал завешание. Он перечислил всех, кому он одалживал и у кого сам брал в долг деньги, шерсть, пшеницу, вино и просо, и просил, чтобы его долги были выплачены после продажи земли, унаследованной им от Арно Гильема дю Тилья и других людей, в настоящее время занимаемой Карбоном Барро. Чтобы увериться в том, что его дядя выплатит стоимость земли, он выступил против него с гражданским иском, в котором истца, по-видимому, должны были представлять его душеприказчики. Свою дочь Бернарду — отныне Бернарду дю Тиль — он сделал своей полной наследницей, назначив своего брата Жана дю Тилья из Ле Пена и некоего Доменико Ребендера из Тулузы ее опекунами и своими душеприказчиками.

Публичное покаяние начиналось с того, что

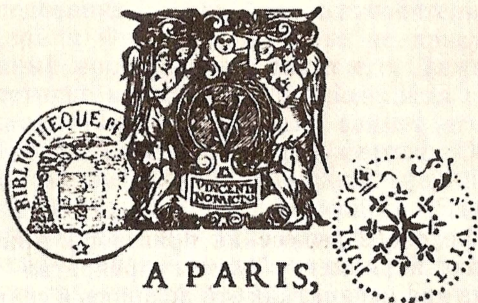
¹ Де Кора говорит лишь о его признании в том, что «несколько человек снабдили его тайными сведениями и советом». Ле Сер утверждает, что обвиняемый назвал «двух людей», помогавших ему. Возможно, это были два друга исчезнувшего Мартена, которые первыми приняли Арно за Герра.

осужденный, на котором было традиционное одеяние кающегося — белая рубаха, обнажив голову, босой, с факелом в руке преклонял колени перед церковью. Он просил прощения у Господа, короля, членов суда, у Мартена Герра и Берtrandы де Ролс, а также у Пьера Герра. Ведомый по деревне с веревкой на шее, речистый крестьянин обращался к толпе. Дескать, он — Арно дю Тиль, бессовестно и хитроумно завладевший добром чужого человека, а также запятнавший честь его жены. Он хвалил тулузских судей за проведенное ими расследование и жалел, что почтенный Жан де Кора и Франсуа де Ферье не присутствуют в данный момент и не слышат его. Даже всходя по лестнице на эшафот, он продолжал говорить, убеждая человека, который займет его место, не обращаться с Берtrandой жестоко. Она была почтенной женщиной, добродетельной и верной женой, что он может подтвердить. Едва заподозрив обман, она выгнала его. Нужно было обладать большой смелостью и силой духа, чтобы сделать то, на что решилась она. Берtrandу он просил лишь о том, чтобы она его простила. Он умер, моля Бога смириться над ним во имя Сына его — Иисуса Христа.

Вскоре после вынесения приговора Арно дю Тилию парламент Тулузы прекратил свою работу на два месяца, как это делалось в сентябре каждого года. Жан де Кора не уехал тотчас в свой загородный дом в Реалмоне. Вместо этого он продолжил свои занятия в Тулузе и начал писать историю того человека, чей труп сожгли, чтобы навсегда уничтожить память о нем. К 1 октября 1560 г. он почти окончил первый черновой вариант. Одновременно молодой человек по имени Гийом Ле Сер записывает свою версию тех же событий. Что-то в этой истории коснулось их собственного существования, что-то волновавшее и удивлявшее их, нечто такое, что необходимо было высказать.

Admirable d'un

FAUX ET SUPPOSE MARY, aduenue en Languedoc, l'an mil cinq cens soixante.

A PARIS,

*Par Vincent Sertenas, tenant sa boutique
au Palais, en la gallerie par ou on
va à la Chancellerie.*

1561.

Auec priuilege du Roy.

Титульный лист первого французского издания популярного памфлета, касающегося данного дела, автором которого был Ле Сер.

Трудно понять, что привлекло Гийома Ле Сера к этому делу, ибо о нем самом мало что известно. Рожденный в семье весьма состоятельного купца из Булони-сюр-Мер, в Пикардии, Ле Сер был послан в Тулузу учиться гражданскому праву. Его брат Пьер стал чиновником королевского казначейства и уже в конце 1561 г. предоставлял свой дом в Булони для собраний и молебнов, проводившихся в соответствии с уставом новой религии. Гийом, как представляется, разделял пристрастие своего брата и некоторое время примыкал к окружению лидера протестантов — принца Конде. К 1566 г. он подвизался юристом в сенешальстве Булони, а через несколько лет — смотрителем при сенешальстве за водным и лесным хозяйством города. В 1596 г. он написал первую историю своего родного города, не лишенную некоторых достоинств. Еще до этого о нем услышал Ля Круа дю Мен, упомянувший его в своей «Bibliothèque» («Библиотеке»), вышедшей в 1584 г., в качестве «поэта, писавшего на латыни и на французском». Греческий он знал не хуже, судя по тому, что перевел третью книгу Маккавеев латинскими стихами для издания 1566 г.

Его заслугой является также сочинение «Замечательной истории псевдо-Мартена из Тулузы», которую он написал на латыни и рукопись которой стала циркулировать в городе вскоре после окончания процесса. Он посвятил свое сочинение Мишелю дю Фору, четвертому президенту тулузского парламента, который также был членом Уголовной палаты в течение всего разбирательства дела Мартена Герра. Как впо-

следствии в одном из своих посвящений Ле Сер сообщал канцлеру Мишелю де Лениталю, он «был принят в качестве постоянного клиента в семье дю Фор, чей дом превосходил своей уникальной начитанностью, честной жизнью, блеском и благородством все дома в округе». Его свидетельства о процессе основывались на рассказах самого президента, а также на документах — Ле Сер сообщает о том, что «colligebat» («собирал») материалы для своего повествования. Возможно, он даже присутствовал на суде, занимая в его составе какую-либо незначительную должность. Достоверно известно лишь то, что в 1560 г. Гийом Ле Сер надеялся сделать карьеру на юридическом поприще, связанном с искусством судебной риторики, а также тот факт, что в круг его интересов входила классическая литература.

О Жане де Кора нам многое известно. Некоторое время он был знаменит — «clarissimus» — как одно время именовался издателями на титульных листах своих изданий. В тот самый год, когда проходил процесс Мартена Герра, вышла в свет его собственная «Биография», рассказанная неким бывшим студентом, Антуаном Узилисом, помещенная в качестве предисловия к работе де Кора «Об искусстве права». Де Кора родился в 1515 г. в Реалмоне, в Альбижуа. Он был старшим из четырех братьев и воспитывался в Тулузе, где его отец, Жан де Кора, лицензиат права, был адвокатом в парламенте. Уже в тринадцатилетнем возрасте юный Жан толковал гражданское право в тулузском суде (во всяком случае, так сказано в

повествовании), и в последующие годы, когда он изучал гражданское и каноническое право в Анжере, Орлеане и Париже, его также часто приглашали преподавать. Затем он отправился в Падую, где ему было предложено на выбор сто судебных дел в качестве предмета для докторской диссертации и где его успешная защита снискала себе бурное одобрение. В 1536 г. 21 года от роду он получил докторскую степень у Филиппа Дециуса, «этого величайшего светила в вопросах права». (Позднее де Кора рассказывал, что этот самый Дециус был в то время настолько дряхлым стариком, что не мог вспомнить ни одного юридического термина, пытаясь в течение пятнадцати минут произнести первую фразу своей речи. В конце концов степень была присвоена кем-то другим. Из этого анекдота видно, что де Кора вовсе не всегда всерьез считал себя неким вундеркиндом.)

Вернувшись в Тулузу, де Кора был принят на должность магистра университета и прославился своими лекциями по гражданскому праву. Он сам сообщает об аплодисментах, которыми его награждали слушатели, в то время как Узилис утверждает, что никто не мог бы припомнить случая, чтобы профессор собирал такие толпы слушателей на свои лекции. Узилис сам присутствовал на одной из них, когда де Кора щедро одаривал своим чарующим красноречием две тысячи человек, причем «голос его был ровным, плавно льющим, отчетливым и мелодичным». Еще большее впечатление производит указание на тот факт, что лекции по праву в Тулузе часто читались с пяти до десяти часов утра.

В те же годы, когда к де Кора пришла ранняя слава, с ним произошел еще один случай, имевший отношение к судопроизводству и не упомянутый Узилисом: де Кора предстал перед судом в качестве тяжущейся стороны. Его мать, Жанна де Терм, скончалась в Реалмоне, и, по ее завещанию, составленному в 1542 г., оставила сыну все свое движимое и недвижимое имущество. Мастер Жан де Кора-старший препятствовал передаче наследства, и мастер Жан де Кора-младший выступил против отца с иском, дело по которому закончилось наконец в 1544 г. в тулузском парламенте. Сыновнее право на наследство было подтверждено, а отцу приказано позволить сыну произвести опись имущества, однако отцу была оставлена возможность пользоваться имуществом и доходами от последнего до конца своих дней. Сын с отцом поладили наконец, и де Кора-младший посвятил родителю в 1549 г. одну из своих работ. Однако, подобно комическим обстоятельствам присуждения ему докторской степени, упомянутый иск против отца указывает на некоторую противоречивость его отношения к порядку и власти.

Тем временем де Кора сам стал мужем и отцом, к вящему своему удовольствию. Это был «удачный брак», как сообщает де Кора в правовом трактате «*De Ritu Nuptiarum*» («О брачном обряде»), включившем в себя среди комментариев раздел, касающийся его жены Катрин Буасонне, дочери тулузского купца. У супругов вскоре появились дети — дочь Жанна, а затем сын Жак, который также удостоился упоминания во время правовой дискуссии. «Вчера, 13 апреля 1546 г., я был не-

сказанно обрадован тем, что благодаря удачным родам нашей супруги Катрин стал отцом мальчика».

Получая предложения преподавательской работы, де Кора вместе с семьей перебрался в Валенсию, где преподавал гражданское право в 1545—1549 гг., а затем два года читал лекции в Ферраре. Все это время он писал и публиковал комментарии на латыни к римскому праву, проблематика которых простиралась от случаев, связанных с вопросами брака и составлением контрактов, до судебных исков и конституции государства. Не позднее чем с 1541 г. он начал отправлять свои рукописи в типографии — особенно в лионские, занимавшиеся главным образом публикацией работ, касающихся права. И надо сказать, что студенты, изучавшие юриспруденцию, любили его книги; одной из них являлся трактат «*Corasissima*» («Лучшее из того, что сочинил Кора»), толковавший наиболее ходовые положения по вопросу о наследовании имущества несовершеннолетними.

В этих изданиях проявились еще две любопытные черты характера де Кора. Во-первых, расположенность к развитию и пересмотру своих мыслей и интерпретаций. Он часто сообщает своим читателям: «Поначалу я работал над этим вопросом в Тулузе в таком-то году, а теперь пересматриваю его в Ферраре». Во-вторых, его проницательность в делах, связанных с продвижением по службе. Самые ранние его книги уже посвящены первому президенту парижского парламента, а также Мансенкалю, первому президенту парламента Тулузы. Кардиналам Шатильона и

Лотарингии также были своевременно посланы соответствующие работы.

Такого рода внимание было вознаграждено в январе 1553 г., когда в тулузском парламенте открылась вакансия. Возвращение в этот город было связано с печальными обстоятельствами: супруга де Кора Катрин Буасонне умерла, и он прибыл отдать ей последний долг. Генрих II, пользовавшийся присутствием де Кора во Франции для получения консультаций по вопросам, касавшимся монарших отношений с герцогом и кардиналом Феррары, назначил де Кора на открывшуюся вакансию. В феврале 1553 г. Жан де Кора был приведен к присяге в качестве судьи, или *conseiller*, в том самом парламенте, где его отец в течение многих лет был адвокатом.

В течение семи лет, прошедших со времени получения де Кора новой судебской должности до слушания дела Мартена Герра, в его жизни вновь произошли перемены. Он снова женился; он все более интересовался идеями протестантизма, и, кроме того, он начал обдумывать новые цели, которым должны были служить его публикации. Его второй женой была Жакет де Бюсси, вдова и дальняя его родственница, которая также приходилась племянницей королевскому докладчику в парламенте. Не имея детей от первого брака, она осталась бездетной и во втором замужестве, однако довольствовалась тем, что, усыновив Жака де Кора, всегда называла его «мой сын». Мы знаем о ее отношениях с Жаном в основном из писем, которыми они стали обмениваться через несколько лет после процесса Герра, тем не менее эти письма дают представле-

Портрет Жана де Кора.

ние об отношении де Кора к этому браку с момента его заключения.

Де Кора был на удивление глубоко, почти до безумия влюблен в Жакет де Бюсси. «Никогда — ни прежде, ни теперь — ни один муж не боготворил так свою супругу, как я боготворю и буду боготворить тебя». «Прошу, поверь мне, денно и ночью во всякий час, во всякую минуту я мечтаю о тебе, жду тебя, желаю тебя и люблю тебя так сильно, что не мыслю без тебя существования». Он посылал ей то книги, то экстравагантные наряды, то «два пера», «сделанные по моему заказу и очиненные на твой вкус», а также наказывал ей, что, мол, в случае, если в Реалмоне холодно, «не спи одна, но лишь с монахом» (каламбур: *monne* (монах) — старинное французское слово, означает также «грелка»). Он сообщал ей обо всех политических новостях, связанных с протестантским движением; учил ее, как принимать важных посетителей и переправлять важные сообщения. Он беспокоился о том, здорова ли она и разделяет ли по-прежнему его чувства. Не получив от нее ответа, он писал: «Твое молчание заставляет меня противу моей воли предположить, что образ мой не столь глубоко запечатлен в твоей памяти, как я того всегда желал бы».

Действительно, Жакет была сдержанна в отношениях со своим мужем. Их брак представлялся игрой, где он преследовал ее, а она ускользала. Он подписывал свои письма: «Твой, твой, твой и еще сто тысяч раз твой Жан де Кора»; она в свою очередь подписывала свои: «Твоя смиренная, послушная жена». Он всерьез интересовался ее мнением о том, следует ли ему соглашаться на

какое-либо важное назначение, а она писала в ответ «воля твоя» и получала от уязвленного мужа послание с официальной подписью, как под приговором. Тем временем, несмотря на слабое здоровье, она весьма умело вела их хозяйство, сдавала в аренду землю, восстанавливала ограды, проверяла расходные книги и решала, что сеять — просо или овес. Она посылала ему письма с новостями, прочитанные книги и подвязки, которые она вышивала для него, каплунов и целительную воду для его глаз. Она надеялась, что он «доволен и весел».

Супругов особенно связывала их преданность новой религии. Ибо у Жана де Кора было много каналов, по которым он мог получать сведения о распространении протестантизма, — например, от людей, окружавших герцогиню Рене в Ферраре, городе, вокруг которого собирались преследуемые за религиозные убеждения. Когда в 1548 г. вышла в свет его работа по каноническому праву «*Paraphrasis in universam sacerdotiorum materiam*» («Описание всех случаев, относящихся до лиц духовного звания»), де Кора определенно еще не был обращенным: он признавал законность папской власти, говоря лишь о том, что папе следует быть верным пастырем, а не тираном. Его трактат, вышедший в 1557 г., в котором он выступал против тайных браков, по крайней мере содержал в себе протестантские настроения, отразившиеся в критике канонического права, в предвидении нападков со стороны «пасквильантов... выступающих от имени религии», а также в заявлении о том, что все его аргументы «сообразованы со словом Божиим».

Трактат де Кора «Petit discours... Des mariages clandestinement et irreverement contractes» («Краткое рассуждение... о браках, заключенных тайно и неблагословенно») отразил новый поворот, происшедший в его жизни. То была первая его книга, опубликованная на родном языке. Этот гасконец отнюдь не ставил перед собой обычных литературных задач, сводящихся к обогащению французского языка, который, по его признанию, «мало выигрывал» от его «местной грубоватой манеры выражаться». Скорее, он желал повлиять на общественное мнение: вопрос о родительском согласии на брак детей «касался тех, кто не знает грамоте ничуть не меньше, чем поднаторевших в ней грамотеев». Де Кора посвятил эту книгу Генриху II, недавний эдикт которого о тайных браках он поддерживал в своем сочинении и который вскоре пожаловал де Кора «право» в течение девяти лет монопольно продавать труды, которые тот пожелал бы напечатать или переиздать. Этот необычный дар позволял де Кора в большей степени, чем большинству тогдашних авторов, контролировать печатание своих писаний и получение прибыли от их продажи. Он воспользовался этим правом в 1558 г., опубликовав французский перевод диалога между императором Адрианом и философом Эпиктетом и посвятив оный дофину, а также в 1560 г. для напечатания большой компилятивной работы «Об искусстве права», касавшейся структуры правовых отношений, посвященной канцлеру Франции.

В 1560 г., когда Жан де Кора приступил к своим обязанностям по службе в Уголовной палате, ему было 45 лет, и, как следует из при-

веденных выше свидетельств, он не был человеком, постоянным в своих чувствах и в своих намерениях. Он сделал блестящую карьеру, но при этом он еще больше предался высоким идеалам протестантизма, за что в конце концов поплатился карьерой и жизнью. В качестве специалиста по римскому праву он твердо верил в несокрушимость семейных устоев, а также в непререкаемую власть суверена («Подданные должны подчиняться власти имущим, подобно своим предкам», — говорил он), однако вскоре был замешан в протестантском движении сопротивления, охватившем Тулузу и всю Францию. Он предостерегал семейных людей от «безрассудных порывов любовной страсти», а сам, едва ему приходила на ум мысль, что они могли бы через месяц поехать куда-нибудь вместе с женой, бросался вытаскивать сундук и набивать его тафтяными юбками супруги.

Столкнувшись с «Мартеном Герром», Жан де Кора увидел в нем человека, наделенного теми же качествами, которыми обладал сам. Несмотря на то что подсудимый был крестьянином, он был уравновешенным, выдержанным, разумным и, самое главное, красноречивым человеком. «Он не просто рассказывал судьям о тех или иных обстоятельствах, — говорит Ле Сер, — но делал это так, что события оживали перед их глазами». «Не припомню, чтобы мне приходилось читать о человеке, обладавшем столь замечательной памятью», — говорил де Кора. К тому же мнимый Мартен представлялся добропорядочным семьянином, любившим свою красивую жену. То, что он подал в суд на своего дядю, требуя предоставления счетов, также не должно было по-

казаться чем-то из ряда вон выходящим сыну, выступившему с иском против отца по поводу описи имущества. Если мое предположение о том, что и «Мартен Герр» сочувствовал протестантам, верно, то у де Кора была еще одна причина видеть в подсудимом человека, которому он мог верить.

Затем человек на деревянной ноге «чудесным образом» приходит в суд, как бы действуя по воле провидения, являя Божью милость по отношению к Пьеру Герру, и доказывает Жану де Кора, что тот был не прав. Де Кора размышлял об опасностях лживых утверждений, о которых говорилось в предпринятом им несколько лет назад переводе диалога между Адрианом и Эпиктетом.

Адриан: Чего узреть не волен человек?

Эпиктет: Сердец и помыслов, себе подобных.

Судья пояснял: «И впрямь, что может быть отвратительнее в отношениях между людьми, чем притворство и лицемерие, хотя в нашем столетии, как это ни печально, больше всего достигает тот, кто умеет лучше всех скрывать свою ложь: он часто наиболее уважаем именно благодаря своему лицемерию и притворству».

Мог ли де Кора вообразить, что он будет когда-нибудь так ловко одурачен, и притом человеком, чьи хитрости приводили его в восторг? Как ловко было задумано и какой длительный успех имело это самозванство, основанное на «тысяче необходимых ложных утверждений» Арно дю Тилля. («Он так хорошо отвечал, — сообщает Ле Сер, — будто шутя и играючи».) Юристам, королевским чиновникам, будущим

придворным были известны все приемы «самостилизации», используя выражение Стефена Гринблата: постановка речи, приобретение манер, культура жеста и ведения беседы — все это помогало делать карьеру всякому новичку, претендовавшему в XVI веке на высокое служебное положение. Где же кончается «самостилизация» и начинается ложь? Задолго до того, как Монтень поставил этот вопрос перед читателями в одном из своих самокритичных эссе, изобретательный Пансет поставил его перед своими судьями.

Сначала де Кора отказывался верить в то, что это дело было результатом человеческой изобретательности. Напротив, он считал, что Арно был колдуном, которому помогал злой дух. Арно был вероломным субъектом, и де Кора мог не испытывать каких-либо сожалений по поводу его смерти — рассуждая ли с юридической или с моральной точки зрения. В дальнейшем, обдумывая дело, де Кора вынужден был признать, что в фигуре Арно дю Тиля было нечто весьма чарующее, говорящее о его противоречивых чувствах и о положении людей его класса, — наряду с глубокой неправдой была и какая-то не менее глубокая правда в этом вымышленном браке между мнимым Мартеном и Берtrandой де Ролс.

Так что де Кора сел за стол и очинил перья. Вновь мировоззренческий поворот в его работе, вновь — издание на французском языке. Но почти вся эта книга была для него реализацией возможности вновь судить человека, которого он только что казнил: вновь осудить его, но в то же время дать возможность по-другому взглянуть на подсудимого или хотя бы на его историю.

Histoire prodigieuse, histoire tragique (История поразительная, история трагическая)

Книга де Кора «Достопамятный приговор» отличалась новизной благодаря противоречивости образов и смешанной стилистике. «Удивительная история» Ле Сера, несмотря на некоторые оригинальные черты, вполне соответствовала стилистике изложений новостей, занимавших столь важное место в век, предшествовавший появлению периодической печати. В памфлете небольшого формата просто пересказывалась эта история, начиная с прибытия семьи Герр в Артига и кончая казнью Арно дю Тиля. В конце имелась соответствующая мораль. Некий «друг» из Тулузы отправил рукопись этого произведения Жану де Турну, известному лионскому издателю-гуманисту, который иногда печатал пересказы новостей. Последний, даже не до-

жидаясь королевского соизволения на издание, тотчас напечатал памфлет на латыни. Другой экземпляр рукописи попал в руки парижского издателя Винсента Сертена. К концу января 1561 г. у Сертена был французский перевод памфлета, а также королевское разрешение печатать работу в течение шести лет. Он опубликовал этот труд, не указав имени автора, под названием «Histoire Admirable d'un Faux et Supposé Mary, advenue en Languedoc, l'an mil cinq cens soixante» («Удивительная история о мнимом муже, происшедшая в Лангедоке в лето 1560 г.»).

История самозванства стала ходить по рукам, подобно другим «ужасным и удивительным» историям об убийствах, прелюбодеяниях, пожарах и наводнениях.

Тем временем 2 февраля 1561 г. Жан де Кора, сделав посвящение к своей рукописи, отправил ее лионскому печатнику-откупщику Антуану Винсенту и передал ему право на публикацию книги, пользуясь полученным ранее разрешением печатать свои работы в течение девяти лет. До этого времени Винсент очень редко издавал книги на французском. Он предпочитал сколачивать свое состояние, издавая книги на латыни, в частности работу де Кора «De actionibus» («О судебных разбирательствах»), напечатанную в 1555 г., и его же «Об искусстве права» — в 1560 г. Новое название было призвано представить книгу в 1561 г. как можно более соблазнительной и новой для покупателей. «Достопамятный приговор парламента Тулузы, рассказ, содержащий удивительную историю, происшедшую в наше время, с приложением ста прекрасных и ученых

примечаний господина адвоката Жана де Кора, члена названного суда, выступавшего на процессе. Приговор оглашен в числе прочих постановлений 12 сентября 1560 г.».

Судебные приговоры по поводу уголовных дел порой печатались во Франции, например приговор, вынесенный итальянцу, отравившему дофина Франции в 1536 г. Собрания судебных решений по гражданским и уголовным делам также начинали появляться в печати. Однако в данном случае о приговоре шла речь лишь на двух страницах, всего же в книге было их 117, и сам судья, вместо того чтобы приберечь свои комментарии для ученых трактатов, касающихся уголовного права, щедро рассыпал их по всей книге. Возможно, де Кора был первым юристом во Франции, использовавшим одно из своих уголовных дел в качестве материала для работы, написанной на родном языке¹.

Затем следовал такой подзаголовок: «Поразительная история». Для атмосферы тех дней очень характерны собрания историй о чудесах:

¹ После Виллер-Котрейского эдикта 1539 г. все юридические процедуры должны были производиться на французском языке. В случаях, касавшихся гражданских дел, на разбирательство которых допускалась публика, официальные речи юристов временами печатались и в конце XVI века стали признанным литературным жанром. — См.: Catherine E. Holmes. *L'Eloquence judiciaire de 1620 à 1660*. Paris, 1967. Напротив, уголовные дела были закрыты для публики, допускавшейся лишь на чтение приговора, и, как в случае с Мартемом Герром, на такого рода процессах редко обращались к услугам адвоката. Это означает, что всякая попытка использовать дело в качестве литературного материала требовала от автора значительной реконструкции случившегося.

об удивительных растений и животных, о двойных солнцах и рождениях младенцев-монстров. Всего годом раньше Винсент Сертен выпустил в свет «Удивительные истории», собранные Пьером Боестюо, и, когда он печатал брошюру Ле Сера, это выражение было перенесено в сонет, предваряющий историю о мнимом Мартене: «Самые поразительные истории из тех, что все могли прочесть /случившиеся во времена христианские или языческие.../Покажутся вам ничтожными/ После прочтения истории о мнимом муже». Де Кора поместил это выражение прямо на титульном листе, употребляя его в том же смысле, что и Боестюо, который когда-то был его студентом в Валенсии. Под поразительным понималось нечто странное, хотя совсем необязательно уникальное, случай более редкий, чем другие случаи такого рода. Таким образом, этот случай с самозванством всего лишь превосходил своим своеобразием другие известные случаи.

На первый взгляд содержание книги де Кора напоминает обычный правовой комментарий, в котором диалектически сочетаются текст судебного решения и примечания к нему. На деле же бо́льшая часть текста, приводимого де Кора, являлась не изложением официального документа, а, скорее, тем, что он называл “*Texte de la toile du procès*” («протоколом процесса»), — паутиной, которой он сам опутал это дело; а примечания часто не имели ничего общего с законом.

Такого рода новое использование традиционной формы предоставляло де Кора больше свободы в изложении материала, чем прежде, хотя и прежние его латинские трактаты отличались

некоторой широтой взглядов. Такая форма изложения давала ему возможность прокомментировать основные спорные вопросы современной ему правовой практики, касавшиеся допроса свидетелей, достоверности показаний, применения пыток и характера доказательств. В настоящем же деле «лучшие» свидетели оказались введенными в заблуждение, показания с чужих слов оказались достоверными, а сами судьи чуть не сбились с толку. Исходя из этой ситуации, де Кора получил возможность обсудить институт брака и связанные с ним проблемы заключения браков между детьми до их полового созревания, импотенции, оставления семьи и прелюбодеяния. К тому же предмет работы оставлял место для религиозных рассуждений относительно таких материй, как богохульство, а также для скрытых колкостей на счет католицизма. Употребление священных облаток, а также особого рода просфор для избавления от импотенции как следствия чар расценивалось им как «вздорное суеверие», избавляться от чар следовало посредством молитвы и поста. Примечание, касающееся магии, также обнаруживает его протестантский образ мыслей: искупленные страданиями Христа, мы должны молить Его о «возвышении наших душ... с тем чтобы светом его слов мы могли развеять все иллюзии, хитрости и лукавства, с помощью которых диавол всегда пытается заманить в свои сети сынов Божьих и Господней церкви».

Имелись ли у де Кора более существенные основания для использования истории Мартена Герра в целях проповеди протестантизма? Некоторые обстоятельства, сопутствовавшие появле-

нию книги, дают основания предполагать, что таковые были. Издатель Антуан Винсент был крупной фигурой во французском движении реформации церкви; позднее, в 1561 г., он получил разрешение напечатать кальвинистский псалтырь, изданный на родном языке, — бестселлер, превзошедший популярностью «Достопамятный приговор». Де Кора посвятил свою книгу Жану де Монлюку, валенсийскому епископу, чьи идеи в том же году парижский Теологический факультет счел еретическими. Вышедшая в свет публикация Ле Сера также имела протестантский оттенок: автора привлекали кальвинистские настроения, книга была посвящена судье Мишелю дю Фору, подозревавшемуся в сочувствии еретикам, а ее издатель, Жан де Турн, также поддерживал новую религию. Де Кора и Ле Сер могли бы задаться вопросом, насколько вероятны были бы бедствия семейства Герр в реформистской Женеве, где благодаря новому законодательству и строгому надзору консистории невозможно заключить брак между едва ли не детьми. Там Бертранде своевременно дали бы развод и очень скоро обнаружили бы акт прелюбодеяния. И не протестантский ли Бог вовремя привел человека на деревянной ноге, чтобы посрамить самоуверенных судей тулузского парламента?

Если даже де Кора и Ле Сер и разделяли такого рода взгляды, следует указать на то, что они не изложили их в своих произведениях. «Достопамятный приговор» с удовольствием читали приверженцы обеих религий, позднее книга печаталась в католических типографиях Парижа. Винсент Сертен, парижский издатель Ле Сера,

также был католиком. Посвящение де Кора подчеркивает лишь легковесность вопросов, затронутых в книге («ее содержание столь прекрасно, столь восхитительно и столь чудовищно необычно»); книга была призвана развлечь епископа и рассеять его опасения.

Действительно, разнообразие интонаций и эклектичность жанрового выражения являются основными характеристиками стилистики «Достопамятного приговора». Это правовая книга, ставящая под вопрос юридические отправления, историческое повествование, вызывающее сомнение в своей собственной правдивости. Жанр этого повествования лежит где-то между нравоучительным рассказом, комедией и трагедией. Его герои выглядят негодяями, негодяи — героями, и весь рассказ ведется одновременно в двух направлениях.

Дозволенный законом текст «Достопамятного приговора» в том виде, в котором он был набран, также способствовал возникновению этой путаницы. Текст был построен как отчет, сделанный де Кора Уголовной палате, в котором тот излагал доводы как за, так и против обвиняемого. Теперь он имел возможность выпустить новый текст, в котором он называет подсудимого «ответчиком» и «названным дю Тилем». В примечании же этот же человек именуется «мужланом», «распутником» и «необыкновенным злодеем».

Помимо этого, де Кора кое-что преувеличил и кое-что опустил — мы даже можем утверждать, что он кое-где приврал немного для вящей убедительности своего повествования. Во-первых, он описывает необыкновенную память Арно дю Тилиа гораздо более чудесной, чем она

была на самом деле: во всяком случае, Ле Сер сообщает о том, что подсудимый забыл имена своих крестных родителей, присутствовавших на конфирмации Мартена Герра, но у де Кора он ничего не забывает. Во-вторых, де Кора представляет свою роль в качестве защитника невиновности Арно на процессе менее значительной, чем это было на самом деле. Он ни разу не упоминает о том, что Бертранда де Ролс и Пьер в течение нескольких месяцев находились под стражей — факт, упомянутый Ле Сером и, что еще важнее, дважды зафиксированный в протоколах парламента. Действительно, в приговоре от 12 сентября 1560 г. Бертранда де Ролс и Пьер Герр упомянуты как «ранее заключенные в связи с рассматриваемым делом». Воспроизводя в своей книге этот документ, де Кора заменяет весь этот пассаж словечком “etc.”.

Не следует думать, что это сокращение производилось во избежание длиннот, ибо тот же Кора прибавляет к преступлениям Арно дю Тиля, перечисленным в напечатанном приговоре, еще несколько проступков, в которых подсудимый на деле не обвинялся: «похищение (женщины или ребенка), кошунство, плагиат (термин, которым в римском праве обозначалось похищение лица с целью продажи или иных злоупотреблений), кражу и другие злокозненные действия, совершенные названным заключенным». Комментируя эти преступления, де Кора, в сущности, рассматривал их как следствие мошеннического присвоения чужой личности и прелюбодеяния, однако эти обвинения также давали ему возможность настаивать на том, что Бертранда была жертвой

насилия и что смертный приговор был заслуженным¹.

В целом все эти преувеличения и опущения были призваны усилить нравоучительное воздействие «Достопамятного приговора». Представление о чудесных способностях Арно дю Тиля возникло из сопоставления их с библейскими, классическими и более поздними примерами самозванства. Внешнее сходство, которым природа наделила людей, не связанных узами родства, также представлялось достаточно странным, но, как ни старался де Кора, он не смог найти ни одного примера, когда сходство лиц и манер — та самая «тысяча необходимых обманов» — использовалось бы так долго и так успешно. В XIII веке мнимый граф Балдуин из Фландрии, несмотря на множество доказательств, не мог развеять сомнений дочери настоящего графа, Жанны. В данном случае самозванца признали не только родственники, но — «что должно быть признано более поразительным» — даже собственная жена Мартена, которая прожила с самозванцем более трех лет, «не распознав и даже не заподозрив обмана». Такая интерпретация дела приписывала Арно совершенно ошеломляющие способности к обману, позволяя обвинить его в колдовстве. Де Кора говорит, что он не мог избавиться от та-

¹ Некоторые затруднения у де Кора возникли лишь с обвинением в краже, ибо кодекс Юстиниана не предписывал смертной казни за это преступление. Указав на то, что кража была крупной (наследство Мартена), а также на то, что в состав этого преступления входят обман и нарушение семейного благополучия, де Кора утверждал, что оно заслуживает наказания смертью.

кого рода убеждения, несмотря на то что дю Тиль отрицал использование каких-либо дьявольских уловок, а такого рода интерпретация непременно влекла за собой назидательную казнь дю Тилиа. Кроме того, такое толкование представляло Берtrandу дурочкой, по понятным причинам подверженной «слабостям, свойственным ее полу, которую мог легко обмануть всякий хитроумный и ловкий мужчина».

Однако в этой версии было что-то давно надоевшее и мужьям и любовникам. В часто повторявшихся об эту пору комических историях, где один человек выдает себя за другого, чтобы под покровом ночи добиться физической близости, обманутый редко обнаруживает обман. (Мне известно лишь одно исключение: в «Ста новых новеллах» старый рыцарь обнаруживает разницу между упругой грудью служанки и зрелыми формами своей жены.) Но случай с Берtrandой был доподлинной историей без щекочущих нервы литературных условностей, и длилась она отнюдь не одну ночь. Настолько ли слаб слабый пол, что жена не способна отличить брачных отношений от прелюбодеяния? Мартен Герр в качестве обманутого мужа был совершенно уверен, что это не так, о чем мы знаем из того, что говорили о нем и де Кора, и Ле Сер. Трудно также предположить, что тот самый де Кора, чьи отношения с Жакет де Бюсси нам известны, мог быть твердо убежден, что женщину так легко провести¹.

¹ Его отношение к своей дочери Жанне де Кора также предполагает высокое уважение к ней. В сентябре 1559 г. он переводит специально для нее «Les Douze reigles» («Двена-

Судья оставил в своей нравоучительной истории и другие лазейки, которыми можно было воспользоваться, для того чтобы рассматривать ее как предмет иного литературного жанра. Кто является ее героем? Нравоучительная история должна была бы начинаться с ухода героя и заканчиваться его возвращением, разоблачением мнимого героя и свадьбой. Однако уход Мартена Герра в основном осуждался; возвращается он хоть и чудесным образом, но нисколько не раскаявшись, напротив — ожесточившись; он не может победить Пансета, соревнуясь с ним в точности воспоминаний; и, наконец, де Кора не делает никаких намеков на то, что последовавшее воссоединение Мартена и Берtrandy принесло им счастье. Ле Сер, также не слишком сочувствующий Мартену, по крайней мере включает в свое повествование сцену, в которой президент Мансенкаль пытается примирить Мартена и Берtrandу; этот момент ускользнул от внимания де Кора.

Еще более странным представляется факт, что в первом издании «Достопамятного приговора» не сообщается о признании и казни Арно дю Тилья. Дважды проходя упоминается о некоем признании — рассеянный читатель может не придать этим упоминаниям значения; что касается казни, то в этом издании (1561 г.) повествование просто прерывается в тот момент,

цать правил») Джиованни Пико делла Мирандолы с латыни на французский, с тем чтобы оградить ее от возможного соблазна. Этот труд появился в печати в 1565 г. в Лионе вместе с переизданием «Достопамятного приговора».

когда осужденного отправляют к судье в Рио. Де Кора оставляет своим читателям возможность усомниться, тот ли человек на самом деле был осужден Уголовной палатой.

Лишь в издании 1565 г. де Кора устраняет эту двусмысленность, описывая признание, сделанное Арно в Артига, при этом тотчас же возникает иная двусмысленность, связанная с вновь включенным примечанием, в котором де Кора называет всю историю в целом «трагедией».

Текст. Увидев и приняв к сведению тот факт, что большинство наиболее осведомленных друзей Мартена Герра принимают его за Мартена... он надумал разыграть трагедию, обстоятельства которой вы выслушали.

Примечание 104. Это решение воистину было трагичным для хитроумного крестьянина, ибо оно обернулось для него несчастными, воистину роковыми последствиями. Так или иначе в данном случае трудно провести черту между трагедией и комедией.

Издатель «Приговора» 1572 г. развил эту мысль, употребив выражение «трагикомедия», все чаще применявшееся в теории и практике французской литературы XVI века¹. «Protasis, или начальная часть, веселая, приятная и развлекательная, повествует об уловках и хитрых проделках псевдосупруга». (Читателям впору подумать,

¹ Довольно любопытен тот факт, что термин «трагикомедия» был впервые употреблен в прологе к «Амфитриону» Плавта, пьесе о самозванцах, которая издавалась на латыни и на французском в начале XVI века.

что у них в руках «Декамерон» Боккаччо, или «Гептамерон» Маргариты Наваррской, или игривый «Ласарильо из Тормеса».) “Epitasis, или средняя часть, вызывает неуверенность и сомнения вследствие споров и раздоров, возникающих в ходе процесса. Трагический исход, он же источник нравоучения, печален, жалостен и несчастлив». Ле Сер также представляет свой более бесхитростный рассказ в ином свете, несколько раз называя описанные в нем события трагедией. Следует подчеркнуть оригинальность, с которой де Кора интерпретирует эту буколическую историю. Французская трагикомедия обычно заканчивается счастливо, а главными героями ее являются персонажи из аристократической среды. В “Histoires tragiques” («Трагических историях») итальянского писателя Банделло, переведенных, пересказанных и опубликованных Пьером Бюссю в 1559 г., трагедия увязывалась с «удивительной» страстью — эта черта могла иметь отношение к истории Арно и Бертранды, — однако никто из героев этих историй не принадлежал к крестьянскому сословию. То, что де Кора сумел «постигнуть трагедию людей низкого сословия», было результатом его способности в какой-то мере отождествить себя самого с этим перевоплотившимся деревенщиной.

В «трагикомической» версии, сочиненной де Кора, Арно дю Тиль всё еще обладал некоторыми чудодейственными способностями. Де Кора сравнивал своего героя с Юпитером, принявшим обличье Амфитриона, с тем чтобы соблазнить жену последнего. Де Кора сравнивает дю Тилья с такими великими персонажами древности, как

друг Сенеки Порциус Летро, и находит, что его герой всех их превзошел. У его героя есть и сообщники, включая Берtrandу, которая отнюдь не была обманута, решив прикинуться его супругой. (Эта самая Бертранда представлена в сочинении де Кора, однако в виде фигуры еще менее значительной, чем просто одураченная жена. Сама вероятность того, что добропорядочная женщина может располагать своим телом как ей заблагорассудится, представлялась более удручающей, чем самозванство Пансета. Такая возможность была предметом кошмаров де Кора, писавшего Жакет: «Страшное видение предстало вчера глазам моим: ты выходишь замуж за другого, а когда я укоряю тебя за дурное ко мне отношение, ты в ответ поворачиваешься ко мне спиной».) В случае же с Берtrandой можно оправдать неверность мужу, который когда-то был импотентом и находился бог весть где. В данном случае Арно дю Тиль становился своего рода героем более реальным, чем Мартен Герр — этот бессердечный человек на деревянной ноге. Трагедия в большей степени сводится к разоблачению дю Тиля, нежели к его самозванству.

Посылаю тебе... экземпляр моей книги «Приговор» о Мартене Герре, только что напечатанной в пятый раз», — писал Жан де Кора своей жене в декабре 1567 г. Он гордился успехом своей книги, возможно, даже и тем, что она была издана в Париже и Брюсселе в 1565 г. по истечении девятилетней привилегии на печатание этой книги. Издание было меньшего формата — верный знак того, что книга стоила дешевле и издатели надеялись расширить рынок. В начале 1572 г. парижские издатели выпустили книгу, воспользовавшись своей собственной десятилетней привилегией на печатание книг, дарованной им королем.

В эту пору де Кора редко вспоминал о «Достопамятном приговоре». Он был занят распрей со своими католически настроенными коллегами по службе в парламенте, возникшей после кальвинистского восстания в Тулузе в мае 1562 г. (свидетели утверждали, что через окна городского дома де Кора стреляли из аркебуз, каковое утверждение де Кора горячо отрицал). К 1568 г. судьи-протестанты были не только изгнаны из парламента, но к тому же обвинены в государственной измене, а их чучела повешены. Де Кора служил делу протестантизма в качестве канцлера покровительницы гугенотов, королевы Наваррской, Жанны д'Альбре. Вернувшись в Тулузу, когда восставшие были усмирены, он и Франсуа де Ферье были заключены в тюрьму после парижской резни в ночь на св. Варфоломея. В октябре 1572 г. оба заключенных в своих красных судебных мантиях были растерзаны толпой католиков перед зданием парламента.

Тем не менее сочинения де Кора продолжали печататься. Пока люди сражались — кто за истинную церковь, кто за мнимую, порожденную дьявольским обманом, — книга о муже-самозванце еще раз была издана в Париже в 1579 г. Латинские переводы ее первого издания вышли в свет во Франкфурте в 1576 и 1588 гг. (один из них каким-то образом достиг Англии) и наконец на исходе века лионский издатель Бартеlemi Винсент вновь переиздал книгу, издававшуюся когда-то его отцом.

Книгу раскупали в первую очередь адвокаты и судьи, расписывавшиеся на форзацах и делавшие пометки на полях, переплетавшие ее в один

том вместе с “Paraphraze sur l’Edict des Mariages clandestinement contractez” («Толкованием эдикта о браках, заключенных тайно») того же де Кора или другими произведениями о брачном праве. К началу XVII столетия «Приговор Мартена Герра» входил в число основных текстов, необходимых всякому, кто изучал юриспруденцию. Однако книга удовлетворяла и более широкие литературные интересы. Так, один из читателей более широкого круга переплел ее в один том с «Удивительной историей» Ле Сера.

В своей работе Ле Сер следовал испытанной традиции изложения новостей — в результате многочисленных переизданий его книги история превратилась в популярную легенду. В первом французском издании характерные для Ле Сера уподобления своих героев Юпитеру, Меркурию, Амфитриону и Созию исчезли со страниц книги; Артига навсегда превратился в Артинь, а дю Тиль — в Тили. В издании 1615 г. Бертранда уже стала «знаменитостью» — ее имя было вынесено в заглавие, и сюжет более не связывался с конкретным временем — действие происходило в «пору этих последних волнений» — без упоминания Филиппа II и битвы при Сен-Квентине.

Нам кое-что известно о том, как реагировали на эту историю те читатели, которые решались затем пересказать или откомментировать ее. Жан Папон, королевский судья в Форе, включил ее в свой труд “Recueil d’arrestz notables” («Собрание достопримечательных приговоров»), изданный в 1565 г., поместив ее в раздел, посвященный прелюбодеянию. Он был особенно потрясен безмерным числом преступлений Арно дю Ти-

ля (как мы помним, число их преувеличено де Кора в упоминавшемся печатном издании) и считал, что почти каждое из них заслуживало наказания смертью. Для Жеро де Мейнара, учившегося когда-то у де Кора, а затем ставшего судьей в тулузском парламенте, признание Бернарды дю Тиль законнорожденной, а также признание за ней прав наследования имущества ее осужденного отца были “*Notables... Questions du Droits*” («примечательным правовым прецедентом»). Этьен Паскье говорит о деле Мартена Герра в своем труде “*Recherches de la France*” («Разыскания о Франции»), описывая процессы, где приговоры выносились на основании ссылок на чудеса. Извлекая подробности в основном из рассказа Ле Сера, известный парижский судья замечает — наверняка рассчитывая на поддержку читательниц женского пола, — что прежде всего, мол, следовало наказать самого Мартена Герра за то, что он оставил жену.

Писателей, которых в меньшей степени занимала юридическая сторона дела, более всего привлекали чудесные, удивительные черты этой истории. Ученый и издатель Анри Этьен использовал этот случай, для того чтобы продемонстрировать, что ни одна история удавшегося самозванства со времен Геродота не была столь невероятной. Жильбер Кузен и Антуан дю Вердые поместили этот случай среди рассказов о крестьянских бунтах, кометах и наводнениях, превращениях женщин в мужчин и о политических заговорах. Франсуа де Бильфор включил его в главу о примечательных случаях внешнего сходства в своем продолжении к “*Histoires prodigien-*

ses" («Удивительным историям») Бюестюю. В тот день автор, очевидно, находился в толпе, перед которой оглашался приговор в Тулузе. Любопытно, не был ли Бельфор земляком Пансета, поскольку он говорит о том, что мужья в Коменже обращались со своими женами «мягко — без той грубости, которая свойственна гасконцам».

Каковы бы ни были их литературные и профессиональные притязания, все эти авторы согласно изображали Арно дю Тилиа хитроумным, сказочным персонажем, вызывающим восхищение, страх, зависть и отвращение. Кое-кто из авторов упоминал возможность магического воздействия, однако не подчеркивал его, поскольку на тогдашних процессах колдуны редко обвинялись в перевоплощении. Самостоятельность характера Берtrandы начисто исчезла из этих пересказов, равно как и какие-либо сомнения в справедливости приговора. Однако не следует забывать, что вплоть до XX века ни одна женщина не комментировала эту историю. Реакция Жакет де Бюсси на подаренную ей мужем книгу не зафиксирована. Сомневаюсь, чтобы она верила в то, что Берtrandа могла так долго оставаться в заблуждении¹.

Однако из этого обобщения относительно реакции мужчин на историю Мартена Герра следует сделать два исключения. Одним из них является интерпретация, принадлежащая поэту Оже Гейа-

¹ Очаровательный роман Джанет Льюис «Супруга Мартена Герра» во многих отношениях отличается от моего исторического изложения, однако в обеих работах Берtrandа представлена отнюдь не дуручкой, но женщиной, в какой-то мере обладавшей духовной независимостью.

DE DEUX GENTILS-
hommes se rapportans tellement de fa-
ce, voix, parole & gestes qu'il estoit
impossible de les discerner en sorte
quelconque.

Histoire premiere.

IE n'ignore point qu'entre les grands
miracles de la nature on n'aie de tout

Случай необычайного сходства (XVI в.).

ру, протестанту и бывшему солдату из Альбижуа. В своих "Amour prodigienses" («Необычайных любовных историях»), написанных в 1592 г. и опубликованных на французском, а также на лангедокском наречии, он отождествляет себя не с «завзятым мошенником», но с хитроумной женой.

...во Франции и в Берне
Встречал девиц я, схожих внешне совершенно —
Лишь местожителство сменя,
Они бы одурачили меня.

Он радуется тому, что влюблен в мавританку, которую он смог бы узнать даже после столетней разлуки.

Другим исключением является Монтень с его эссе "Des boyteux" («О хромых»), впервые увидевшим свет в 1588 г. Принято считать, что тулузское дело упомянуто в очерке лишь по случаю рассуждения о том, почему не следует жечь ведьм. На самом же деле проблемы, которые поднимает Монтень, не ограничиваются колдовством; в своей работе он то и дело вторит де Кора, используя труд последнего. Монтень постоянно указывает на то, как трудно установить истину в каком-либо деле и сколь ненадежным инструментом для установления таковой является человеческий разум. «Истина и ложь сходны обличьем... мы смотрим на них одними и теми же глазами». Монтень признает за собой способность увлекаться в пылу спора и преувеличивать значение той или иной правды, используя силу своего красноречия. И все же каждый из нас настаивает на своем мнении, навязывая его другим огнем и

мечом. Лучше держаться гипотез, чем быть безрассудно убежденным в своей правоте, лучше быть подмастерьем в 60 лет, чем прикидываться доктором в десять.

Именно в этой связи в самом центре своего эссе «О хромых» Монтень прямо высказывается о деле Мартена Герра:

В детстве я был свидетелем процесса по поводу одного необыкновенного случая. Данные об этом процессе опубликовал де Кора, советник тулузского парламента, и речь шла о том, что два человека выдавали себя за одно и то же лицо. Помнится (ничего другого я не помню), мне тогда показалось, что обман, совершенный тем из них, кого де Кора признал виновным, выглядел так удивительно, настолько превосходил наше понимание и понимание самого судьи, что я нашел слишком смелым постановление суда, приговаривавшее обвиняемого к повешению.

Монтень отказался бы от своего суждения, подобно тем 60 крестьянам из Артига и Сажа, которые не смогли отличить Мартена Герра от Арно дю Тиля¹.

Предпочтительнее было бы, чтобы формула судебного заключения гласила: «Суд в

¹ Следует помнить, что в конце процесса, на котором присутствовал Монтень, Арно дю Тиль все еще настаивал на том, что он — Мартен Герр. Более того, Монтень мог читать лишь первое издание «Приговора» де Кора, в котором не приводились слова признания Арно.

Возмездие приходит на деревянной ноге (1621).

этом деле разобраться не может». Это было бы и прямодушнее и честнее, чем решение ареопагитов, которые, будучи вынужденными вынести заключение по делу, для них совершенно неясному, постановили, чтобы обе стороны явились для окончательного разбора через сто лет.

Монтень подчеркивает недостаточность улик для таких безоговорочных решений, как решение о сожжении ведьм. Для того чтобы убивать людей, необходимы ясные и отчетливые умозаключения. Он цитирует итальянскую поговорку о том, что «тот не познает Венеры во всей ее сладости, кто не переспал с хромоножкой». Некоторые распространяли это суждение и на мужчин, утверждая, что их хромота компенсируется сексуальной потенцией. Не является ли такое представление наилучшим примером хромоты наших суждений, примером того, как наше воображение торжествует в нас? Монтеня удивляла “*termeritie*” («смелость») тех, кто судит; для него «человек ни в чем не знает меры и останавливается лишь по необходимости, когда у него уже нет сил идти дальше».

Монтень в своем эссе «О хромых» слишком суров в отношении давно умершего де Кора, однако странным образом его эссе выражает самую суть «Достопамятного приговора». Де Кора действительно вел себя как тот доктор, которому едва сравнялось 10 лет, и девиз, которым он предварил свое повествование, был: “*A raison cède*” («Уступая здравому смыслу»). Но сам же де Кора признавал, что в свои сорок пять лет он

был введен в заблуждение рассудком, а также то, как трудно было отделить правду от лжи. Де Кора предложил смертную казнь, в то время как мог предложить галеры или изгнание. Но именно неоднозначность изложения дела дала возможность Монтеню упрекать его автора. Кроме того, задача Монтеня была легче: он писал, не будучи судьей, в «порядке рассуждения», в то время как перед де Кора была распавшаяся семья и жители селения, ожидавшие решения суда.

В результате сравнительного чтения «Достопамятного приговора» и эссе Монтеня каждое из этих произведений представляется нам в новом свете. Монтень постоянно возвращается к образам несовершенных ног: подагрические ноги принца, якобы исцеленные в результате «чудесных деяний» какого-то священника; тонкие ноги короля Франции и толстые ноги Германика (и тот и другой феномен считался результатом верховой езды); изуродованные ноги хромой обольстительной женщины. Он говорит и о своих изъянах, хотя о чем, собственно, идет речь, трудно понять. «На этом свете я не видел чудища более диковинного, чем я сам... Чем больше я сам с собой общаюсь и себя познаю, тем больше изумляюсь своей диковинности, тем меньше разбираюсь в том, что же я, собственно, такое». Хромота Мартена Герра и здоровые ноги Арно дю Тиля также являются источником противоречивых суждений: не являл ли собой даже этот человек, «прибывший из Испании на деревянной ноге», достаточно ясное знамение? Читавшие Горация знают, что возмездие грядет на хромой ноге, но тем не менее настигает даже самого быстрого

преступника. Всем, однако, известна поговорка о том, что ложь ходит на кривых ногах (дословно: ложь хромает. — *Прим. перев.*) и что на них далеко не уйдешь¹. Де Кора считал, что ему удалось выяснить, кто был самозванцем, но в глубинном подтексте «Достопамятного приговора» де Кора столь же неуверен и нерешителен, как и Монтень.

¹ У персонифицированной лжи — деревянная нога, потому что «ложь имеет короткую ногу». Есть еще примеры неоднозначности понятий «деревянная нога» и «хромота»: Сатурн на деревянной ноге; хромота или повреждение ноги ассоциируется с отступлением от божественной истины и вступлением на путь греха.

К 1563 г., к которому относятся следующие доступные нам сведения об Артига, все оставалось на своих местах, а сомнения наконец были похерены. Пьер и Мартен Герры были вынуждены прекратить спор между двумя соседствовавшими семьями; считалось, что А. Ролс была посредницей в прекращении вражды и все согласились. Однако Пьер по-прежнему продолжал обращаться в суд Рио; он выступил с иском против важного деревенского купца Джеймса Делюра и его жены Бернарды. Возможно, это была попытка вернуть имущество семьи Герр, проданное Арно дю Тилем. Де Кора высказал предположение, согласно которому Мартен Герр имел право аннулировать все контракты, заключенные Арно, однако тем, кто приобрел эту собственность, разрешалось сохранить за собой прибыль, которую они выручили, пока владели ею.

Относительно Мартена и Берtrandы де Ролс непосредственных сведений нет, однако мы могли видеть, что у них была почва для примирения. Если она была неверной женой, то он становился обманутым мужем. (Во всяком случае, существовал старинный местный обычай, согласно которому примирение между супругами, один из которых оказался неверным, достигалось выплатой штрафа.) Берtrandе предстояло искупить свое слишком поспешное признание мужа в самозванце, Мартену же — свое безоглядное бегство из семьи. Теперь ему было что порассказать о своих чудесных приключениях в далеких краях, и ему как ин-

валиду была необходима жена, для того чтобы ухаживать за ним. (Ужас перед увечьем отразился в распространенном лангедокском проклятии: "Le maulubec vous trousse". — «Чтоб у тебя ноги отсохли».) Бертранда теперь обладала всеми навыками и авторитетом, которых ей прежде не доставало, кроме того, ей нужен был муж, а ее детям — отец¹. Кого-нибудь могут заинтересовать вопросы, связанные с религией, ибо Мартен, скорее всего, вернулся от своего кардинала из обители св. Иоанна Иерусалимского добрым католиком, в то время как Бертранда могла исповедовать протестантизм.

Даже на брачном ложе Бертранды дела пошли лучше, о чем можно судить по тому, как было разделено имущество покойного Мартена Герра в 1594 г. Санкси умер, успев, однако, передать свое имя крестному сыну из следующего поколения — Санкси Ролсу. Черепичный завод, три дома и множество участков земли по обе стороны Лезы были разделены между Пьером и Гаспаром Геррами, сыновьями Мартена и Бертранды, и Пьером-младшим, сыном Пьера (родившимся около 1575 г.) от его второй жены. (Потомки Мартена явно жили по лангедокским, а не по баскским обычаям.) В середине XVII века в селении снова жил Мартен Герр, и у него было не меньше шести родственников, носивших родовое имя, включая Мастера Доменика, нотариуса; Анна де Герр удачно вышла замуж за одного из чле-

¹ Бернарда дю Тиль, по всей видимости, осталась жить со своей матерью. Имущество Арно дю Тилья было присуждено ей, «с тем чтобы Мартен не был обязан обеспечивать ее приданым».

нов семьи Банкель. Герры и де Ролсы поддерживали хорошие отношения, крестили друг у друга детей, владели соседствующими участками земли, а порой и совместно владели землей.

Означает ли сказанное, что жизнь пошла своим чередом, как будто никакой истории с самозванством не происходило? Что ценности законного наследования и брачных контрактов заслонили и стерли из памяти все следы этой авантюры? Не думаю. Бертранда не могла забыть своей жизни с Арно дю Тилем, в деревне должны были рассказывать об этой истории, не слишком разжигая былые страсти. То, что молва о книге де Кора дошла до жителей селения, кажется несомненным — определенно нотариусы и купцы, разъезжавшие между Рио и селением, должны были слышать о ней, — но маловероятно, чтобы жителям Артига пришло на ум читать вслух «Достопамятный приговор» на своих вечерних сходках или что они предпочитали версию чужака своей собственной. Об этом местном происшествии рассказывали наряду с другими деревенскими новостями о незаконнорожденных детях или о тех, кто недавно ушел из долины Лезы в Испанию и обзавелся любовницей, заведя там новую семью в годы своего отсутствия. Но этот рассказ следовал и за другими историями, связанными с такими значительными событиями, как религиозные войны.

Около 28 лет назад одна молодая мать, недавно переехавшая из французской Каталонии в Артига, катившая ребенка в коляске, жаловалась какой-то деревенской старухе: «Ничего не происходит в этом Артига». «Сейчас, может, и не

происходит, — отвечала бабушка, — а вот в XVI веке...» И она вновь пересказала историю Мартена Герра.

На русском языке эта удивительная история впервые была изложена В. Новиковым (Новиков В. В. Театр судоведения. Москва, 1971, т. 5, с. 138—148), сделавшим перевод из книги: F. Gayot de Pitaval. Causes célèbres et intéressantes. Paris, 1734, vol. I, ch. 1.

История Мартена Герра столько раз пересказывалась потому, что она напоминает нам о возможности невероятных происшествий. Даже для историка, пытающегося разгадать ее смысл, она по-прежнему предстает во всей своей непроницаемой жизненности. Думаю, мне удалось раскрыть подлинные черты минувшего... или Пансет провел меня опять?

Книга, ставшая классикой

Предлагаемая вниманию советского читателя книга «Возвращение Мартена Герра» примечательна во многих отношениях. Ее автор, Натали Земон Дэвис, — одна из крупнейших фигур на современном академическом Олимпе американской историографии. Профессор Принстонского университета, специалист по истории культуры французского Возрождения, она заслужила высокий авторитет в академических кругах США истинным профессионализмом, глубоким проникновением в те сферы социальности, в которых в наибольшей степени воплощена неповторимость данного исторического времени и пространства. Натали Земон Дэвис отличается редкое умение так емко прочесть единичное, что в нем раскрывается богатейший исторический контекст эпохи. Вместе с тем богатое воображение автора в сочетании с несомненным повествовательным талантом делает ее труды — при всей их академической строгости — своего рода историческими новеллами. В знак признания выдающихся научных достижений профессор Земон Дэвис была избрана президентом Американской исторической ассоциации (1987 г.).

Необходимо добавить и такой штрих к творческому портрету этой выдающейся женщины: в 60-х годах она была весьма близка к левому течению молодежного движения, активно участ-

вовала в радикальных кружках учащейся и студенческой молодежи. Тогда же Натали Земон Дэвис обратилась к марксизму. И хотя, по ее собственному признанию, одолеть весь «Капитал» ей так и не удалось, тем не менее марксизм сыграл немаловажную роль в ее развитии как историка.

Вернемся, однако, к книге, которую вы только что прочли. Старая истина гласит: в жизни нередко складывается ситуация, до которой не додумается и сочинитель с самой пылкой и изощренной фантазией. Именно таким отложившимся во французских архивах историческим фактом заинтересовалась Земон Дэвис, создавшая на его основе исследование, читающееся от начала до конца как захватывающий детектив, но и отличающееся от него двумя важными обстоятельствами: тесной связью сюжетной канвы с документированной событийной историей Франции середины XVI века и строго научной процедурой его разработки. Мерой успеха автора в некоторой степени может служить тот факт, что «Возвращение Мартена Герра» завоевало не только статус бестселлера в США, но и широкую известность за их рубежами — в Европе и даже в Японии.

Напомним, что сама по себе история, положенная в основу данного исследования, была и до этого хорошо известна — и не только специалистам (на ее основе были написаны романы, пьесы, поставлен кинофильм). То, что случилось в деревне Артига на юго-западе Франции в 60-х годах XVI века, вдохновило ряд прямых и косвенных свидетелей взяться за перо. Так, юрис-

консульт тулузского парламента, в котором эта «история» рассматривалась, Жан де Кора в 1561 году опубликовал «Достопамятный приговор», неоднократно переиздававшийся во Франции, а также в Бельгии и Германии. В том же году Гийом Ле Сер издал в Лионе «Чудесную историю», сразу переведенную на французский. В исследовании Земон Дэвис этот многократно засвидетельствованный факт превратился из своего рода забавного казуса деревенской жизни, по сути, анекдота, соединившего крестьянскую романтику с далеко не простодушным шарлатанством, в ярчайшую панораму народной (а точнее, крестьянской) жизни Юго-Западной Франции в середине XVI века. «История», которую поведали нашему автору первоисточники, столь же проста, сколь и необычна, и — на взгляд здравомыслия современников наших дней — просто невероятна. Вот вкратце ее завязка.

В 1538 году в одном из селений Лангедока — Артига — был заключен брачный контракт между Мартеном Герром и Берtrandой де Ролс, фактически еще детьми (мужу едва исполнилось 14 лет, а жене — 12). Сыграло ли роль это обстоятельство или, как утверждали местные крестьяне, «колдовство», но лишь на девятый год Бертранда забеременела. Однако вскоре после рождения сына «счастливый» отец внезапно исчез из деревни, как в воду канул. А спустя шесть лет прошел слух, что Мартен Герр объявился в соседнем селении. Как выяснилось позже, это имя присвоил себе некий Арно дю Тиль, житель селения Салс. Каким образом этот нечистый на руку деревенский авантюрист и «маг» (его считали

таковым из-за поразительной ловкости в картах) узнал имя и судьбу Мартена Герра, прежде чем присвоить их себе, остается загадкой. Известно, что в 1553 году Арно вернулся после службы в королевской армии в родные края. По пути домой встретившиеся ему два друга Мартена Герра приняли его за своего исчезнувшего приятеля. Эта ли ошибка овладела вниманием Арно или она только укрепила его в ранее принятом решении, но с тех пор он стал упорно готовиться к «перевоспложению»: он собирал всевозможные сведения о Мартене Герре, его семье и окружении, он изучил имена и дела многих сельских жителей Артига и даже овладел характерными выражениями басков. Только через три года Арно считал себя готовым появиться в селении Мартена Герра под его именем. Остановившись на отдаленном постоялом дворе, он назвался им как бы для пробы, надеясь, что вскоре новость о возвращении блудного «мужа» дойдет до его родных. Первыми на встречу с ним явились четыре сестры Мартена, которые с радостью признали в нем «брата» и поторопились к его жене — Бертранде. После некоторых колебаний она признала в нем исчезнувшего мужа, а затем и родной дядя Мартена — Пьер Герр. Вскоре все жители Артига сочли самозванца «своим» — он всех встречных называл по имени, вспоминая об общих с ними делах многолетней давности.

Такова первая половина этой из ряда вон выходящей (и потому-то названной «чудесной») истории. Именно она и вызывает у читателей больше всего вопросов и недоумений. Главных среди них два: во-первых, как удалось человеку, кото-

рый был в действительности почти лишен внешнего сходства с Мартеном Герром (Арно был и ниже ростом, и более коренаст в сравнении с Мартеном), ввести в заблуждение не только десятки сельских жителей, долгие годы общавшихся с подлинным Мартеном, но и ближайших его родственников? И во-вторых, какую же цель преследовал Арно, этот деревенский пройдоха и шарлатан, предпринявший авантюру, которая привела его вскоре на виселицу? Чего он добивался — только ли присвоения чужой жены и чужого земельного участка? Согласимся, что вопросы эти отнюдь не праздные, по крайней мере с позиции того, кто желает углубиться в «человеческую комедию» столь неблизких времен, дабы не только увидеть в человеке «актера», но и «автора» его собственной драмы.

Именно вокруг этих вопросов развернулась интереснейшая дискуссия между рецензентом рассматриваемой книги, известным специалистом по истории культуры Возрождения Робертом Финлеем, и профессором Земон Дэвис. По мнению рецензента, в этом столь нетривиальном случае столкнулись простодушие и доверчивость деревенских жителей, с одной стороны, и хитрость и коварство ловкого обманщика — с другой. Заметим, что это заключение резко расходится с предположением, выдвинутым автором книги, но об этом несколько ниже. Аргументация рецензента сводится к следующему. Метод Земон Дэвис включает значительный элемент авторского «конструирования» действительности — прежде всего в том, что касается мотивов поведения героев этой драмы (по типу «вероятно», «это

могло быть результатом» и т. п.), — в случаях, когда источники не содержат прямого ответа на возникший вопрос. В противовес такому методу Р. Финлей считает, что реинтерпретация сложившейся по данному вопросу традиции допустима только при условии, если источник, лежащий в ее основе, может быть дополнен прямыми свидетельствами по этому же вопросу, почерпнутыми из других источников. Но поскольку в данном случае основным источником Земон Дэвис оставался все тот же «Достопамятный приговор» де Кора, то новое прочтение истории «возвращения» Мартена Герра, как полагает рецензент, не соответствует источниковой базе исследования. Поэтому Финлей отказывается признать обоснованность утверждений Земон Дэвис о том, что, например, Бертранда проявила «упрямую независимость» или что она была «существом крайне расчетливым». Да и в целом, заключает он, предложенный автором сценарий событий, развернувшихся в первой половине этой удивительной «деревенской истории», «не может быть подкреплён источниками»¹. Финлей явно предпочитает традиционную версию: «Бертранда была с самого начала обманутой Арно», равно как и все ее родственники по мужу и соседи².

Как же развивались события дальше? После трех лет совместной жизни Бертранды и лже-Мартена в «любви и согласии», принесшей им двух дочерей, столь благополучно складывающееся «перевоспложение» Арно дю Тиля было постав-

¹ Finlay R. The Refashioning of Martin Guerre. — *American Historical Review*, 1988, vol. 93, № 3, p. 559.

² Ibidem.

лено под сомнение. Мы, естественно, не можем входить в подробности этой части истории — оставим читателю возможность насладиться текстом книги. Заметим лишь, что виной всему была самонадеянность лже-Мартена, осмелившегося не только присвоить чужое имя, но и воспользоваться им в тяжбе с Пьером Герром — дядей и опекуном родового имущества Мартена Герра. Но дядя, вначале согласившийся было с мнением сестер Мартена и Бертранды, теперь решительно отказался участвовать в этой «игре». Он во всеуслышание заявил о совершенном обмане и заставил Берtrandу обратиться к помощи суда. В итоге лже-Мартен оказался в тюрьме Рио. В ходе судебного разбирательства 45 свидетелей признали в заключенном Арно дю Тиля, тогда как 30—40 свидетелей (включая четырех сестер Мартена) были убеждены, что перед ними подлинный Мартен Герр. Наконец, около 60 человек не дали сколько-нибудь определенных заключений по данному вопросу. Разумеется, ключевым моментом в этом процессе были показания Бертранды, от имени которой формально был предъявлен судебный иск заключенному.

Вопреки настойчивым требованиям Пьера Герра и своей матери Бертранда решительно отказывалась вместе с ними обвинить в обмане человека, с которым она прожила как с мужем больше трех лет. Она упорно твердила: «Он мой муж Мартен Герр, в противном случае он — дьявол в его обличье». В значительной мере из-за позиции Бертранды Жан де Кора, «докладчик» этого дела в суде Тулузы (туда был перенесен процесс по апелляции Арно), склонялся к оправдатель-

ному для лже-Мартена вердикту. Но именно тогда в зале Уголовной палаты тулузского парламента появился человек с деревянной ногой, заявивший, что он — истинный Мартен Герр. Его тотчас же заключили под стражу, и весь процесс принял новый оборот. Снова была затеяна процедура «опознания» внезапно возникшего претендента сестрами, дядей, и, наконец, настал черед Берtrandy. Когда ее привели из камеры, где она содержалась с начала процесса, Берtrанда, едва взглянув на человека с деревянной ногой, разрыдалась и бросилась его обнимать, умоляя о прощении. Берtrанда до конца выдержала роль добродетельной замужней женщины, оказавшейся жертвой ловкого обманщика.

Итак, суд завершился. Всю вину за затянувшийся на годы адюльтер судьи возложили на Арно дю Тиля, приговорив его к публичной казни через повешение на месте преступления — перед домом Мартена Герра. И вот что любопытно: «сценарий» автора неизменно богаче аргументирован, а запечатленное в нем видение истории шире и глубже, нежели в том «сценарии», в котором отложилась рефлексия свидетелей и современников событий. К буквальному следованию за этим последним призывает Финлей, руководствующийся традицией академической историографии позитивистского толка; чем больше историк устраняет себя из исторического повествования, оставляя читателя наедине с «показаниями источника», тем ближе его построение к исторической истине.

Однако, прежде чем занять самостоятельную позицию в этой более чем характерной для тен-

дений историографии наших дней дискуссии, мы должны сделать небольшое отступление. Насколько можно судить и по трудам Земон Дэвис, и по тем материалам, которые дополнительно к книге она любезно предоставила мне, по своему пониманию не только предмета истории как науки, но и метода его изучения автор принадлежит к направлению в современной историографии, известному под названием «историческая антропология». Хотя корнями оно уходит едва лишь в XVIII век (если вспомнить стремление Дэвида Юма создать «науку о человеке»), тем не менее его расцвет приходится на вторую половину нашего столетия и отмечен блестящими достижениями таких исследователей, как Ле Руа Ладюри, Ле Гофф, Дюби — во Франции, Хобсбом и Томпсон — в Англии, Херлихи и сама Земон Дэвис — в США, и др. По предмету своему историческая антропология нацелена на познание социальных феноменов, ранее в основном объединявшихся — более чем приблизительно — под названием «историческая психология». Иными словами, речь идет об исторической специфике субъективных восприятий мира (и тем самым представлений о нем) и в значительной мере обусловленной ими специфике субъективных реакций на вызовы этого мира, то есть о тех формах объективации духовного мира людей, сообразно которым моделировались особенности социального поведения и общения.

В статье «Антропология и история в 1980 г.», опубликованной в «Журнале междисциплинарной истории», Земон Дэвис обратила внимание на те «черты» антропологии, которые могут с пользой

быть перенесены в «мастерскую» историка: «Скруплезное наблюдение живых процессов социального взаимодействия; интересные способы интерпретации символического поведения, советы относительно того, каким образом части социальной системы совпадают друг с другом»¹. Как уже отмечалось, в пору становления Земон Дэвис как ученого-историка она под влиянием прежде всего марксизма сосредоточивала свои интересы вокруг проблемы общественных классов. Впоследствии же, под влиянием антропологии, по ее собственному признанию, произошло смещение ее научных интересов. Иллюстрируя, как этот процесс отразился в ее историографической практике, Земон Дэвис писала, что прежде она «рассматривала идеологию религии, доктрину религии, социальное и этическое учения религии, но не символическую и драматическую ее сторону... не рассматривала ряд заключений, которые становились возможными относительно общества»².

Следует подчеркнуть, что в интерпретации существа антропологического подхода к историческому материалу Земон Дэвис занимает позицию, несомненно, более плодотворную, нежели многие современные исследователи, идущие по тому же пути. Какова же эта позиция? Основная ее особенность заключается в том, что автор видит вещи *во взаимосвязи*. «Я стремлюсь, — подчеркивает Земон Дэвис, — рассматривать народную культуру скорее как совокупность связей,

¹ N. Davis. *Anthropology and History in the 1980's*. — *Journal of Interdisciplinary History*, 1981, vol. XII, № 2, p. 267.

² An Interview with Natalie Zemon Davis. — *Radical History Review*, v. 24, 1980, p. 129.

нежели как простое описание идей, которые выявляются в так называемых “народных книгах”»¹. В свете представлений о целостности, взаимосвязанности и взаимообусловленности культурно-исторического контекста каждой данной эпохи Земон Дэвис считает неправомерным, ненаучным такое заимствование историком антропологических категорий, когда они рассматриваются как «готовые к применению» на ниве исследований исторических вне связи с тем, что требуется для установления самого наличия данного феномена на новой почве. Ведь антропология, замечает Земон Дэвис не без основания, дает историку только «советы, а не нормативные предписания». Наиболее важный из этих советов — рассматривать изучаемый период в качестве тотальной системы культуры².

Вернемся к содержанию рассматриваемой книги и попытаемся хотя бы в общих чертах установить, насколько автору удалось реализовать этот «важный совет» антропологии. Мы не будем далеки от истины, если усмотрим главное, что привлекло Земон Дэвис в сюжете «чудесной истории» о возвращении Мартена Герра, в *мотивации* поведения двух кругов, вписанных один в другой: обитателей деревушки Артига в лице ближайших родственников исчезнувшего Мартена и жителей деревни. В центре этих кругов находилась жена Мартена Бертранда, в особенности со времени появления «самозваного Мартена». Недаром во введении к своей книге Земон Дэвис задалась вопросом: «Пытались ли инди-

¹ Ibid., p. 130.

² Ibidem.

видуальные крестьяне моделировать свою жизнь необычным и неожиданным образом?» Очевидно, что ответить на этот вопрос можно было, только проникнув — насколько позволяли сохранившиеся источники — в *скрытый мир крестьянских мироощущений и мироотношений* и основанных на них стереотипов традиционного и отклоняющегося поведения.

Оставаясь верной идее целостности культурно-исторической системы, Земон Дэвис продвигалась к намеченной цели, не оставив, казалось бы, без внимания ни одной из составляющих целостности крестьянского мира в той мере, в какой они проявлялись в специфических условиях Юго-Западной Франции середины XIII века, начиная с описания естественно географических условий Артига — местности, куда переселились из области басков семьи де Ролс и Герр, и кончая особенностями языкового обихода переселенцев из Басконии, распространением грамотности среди населения Артига, возрастом вступления в брак, спецификой брачных контрактов и обычаев и т. п. Нетрудно заключить, что это культурно-антропологическое по своему замыслу исследование вылилось, по сути, в род «тотально-исторического исследования» (в духе Броделя). И это не случайно: сказалась школа, пройденная Земон Дэвис, школа, начало которой было отмечено глубоким интересом к механизму взаимосвязей между миром социальным и миром духовным. Иначе говоря, прежде чем углубляться в вопрос об особенностях «моделирования» жителями Артига *своих поведенческих стереотипов* в мире повседневности и в чрезвычайных ситуациях, надлежало, в

соответствии с принципами упомянутой школы, выяснить, из каких экологических и социальных реалий складывалось повседневное бытие жителей Артига и в какой мере первые из этих реалий обуславливались вторыми и сочленились с ними.

В целом перед нами истинно междисциплинарное по своему методу исследование. Трудно даже просто перечислить, в какие области знания автор вынуждена была не просто вторгаться, но и черпать из них документальный материал, необходимый для объяснения тех или иных сторон «чудесной истории». Приведем лишь некоторые примеры. Земон Дэвис приходилось углубляться в каноническое право, чтобы выяснить, например, насколько реальной была для женщины, брошенной мужем, возможность снова выйти замуж. А чтобы выяснить «легальный статус» брака, основанного только на «обоюдном согласии» совместно живущих мужчины и женщины, автору пришлось допустить близость Берtrandy и лже-Мартена к протестантизму, в связи с чем ей предстояло выяснить отношение новой религии к такого рода бракам и т. д. и т. п. Вообще в ходе исследования Земон Дэвис пришлось многократно углубляться в сугубо специальные вопросы истории права, судопроизводства, религии, литературы и пр., проявив при этом не только недюжинную эрудицию, но и изощренный ум. Несомненно, что вершиной искусства исторического исследования Земон Дэвис стало истолкование ею поведения Берtrandy в своей собственной версии «чудесной истории». Недаром же этот стержневой элемент в построении, с таким искусством возведенном автором, вызвал наиболее острые возражения

рецензента Р. Финлея. По нашему же мнению, великолепное искусство исследования и повествовательный дар Земон Дэвис оказались в такой степени убедительнее традиции, что предложенное ею истолкование линии поведения Берtrandy и исторически и психологически может быть признано единственно оправданным в данных обстоятельствах. В самом деле, «докладчик» Уголовной палаты Жан де Кора исходил в своих заключениях из «презумпции невиновности» Берtrandy главным образом на том основании, что *внешняя* линия ее поведения вполне согласовывалась с его представлениями об образе «благородной» деревенской женщины, живущей в условиях сугубо патриархального уклада крестьянской жизни. Неразвитостью ее ума и чувств мог легко воспользоваться «повидавший мир» деревенский шарлатан, замысливший присвоить себе чужое добро и в придачу к нему красивую его владелицу. Для этого ему достаточно было получить «исходные сведения» о семье Герр и ее окружении и, пустив в ход присущее ему «словесное искусство» (и обладая какими-то чертами внешнего сходства), легко добиться «признания» у сестер истинного Мартена, его дяди и, разумеется, Берtrandy.

Земон Дэвис углубилась в эмоциональную жизнь главной героини, в историю ее жизни без «любви и страсти» — пока Мартен находился дома и почти на протяжении стольких же лет одиночества, в положении покинутой жены. С другой стороны, в отличие от тулузского судьи, Земон Дэвис усмотрела в характере Берtrandy очень важную черту — *самостоятельность* в принятии решений в отличие от пассивного подчине-

ния «советам» старших — этих хранителей традиций. Бертранда отчетливо продемонстрировала эту черту характера в годы затянувшейся импотенции Мартена, когда она наотрез отказалась порвать с ним вопреки настояниям своих родителей. Она ее проявила и после первых же дней, совместно проведенных с «опознанным» ею в качестве «законного мужа» лже-Мартемом. Усмотрев в появлении «искусителя», ниспосланного ей счастливым случаем, возможность жизни в «любви и страсти», она, в конечном счете, стала активной соучастницей «заговора», ибо, конечно же, именно Бертранда сыграла решающую роль в «просвещении» лже-Мартена, вводя его и в подробности своей семейной жизни с подлинным Мартемом, и в «деловые биографии» довольно широкого круга жителей Артига, с которыми семья Герр сталкивалась в повседневной жизни. Бертранда долго могла скрывать эту столь неожиданно смелую со стороны крестьянки самостоятельность в вопросе решающем для ее репутации «добродетельной и благопристойной» женщины, за ширмой всеобщего «опознания» в Арно дю Тиле Мартена-Герра. Самое трудное время для нее началось с момента, когда возмущившийся жадностью «племянника» Пьер Герр собрал достаточно сведений, изобличавших обман, и перед Берtrandой возникла реальная угроза «запятнать» свою репутацию соучастием в растянувшемся на годы адюльтере. Начиная с этого момента все подмеченные и скрупулезно собранные автором детали в поведении Берtrandы только подтверждают составленный Земон Дэвис сценарий этой «чудесной истории» в целом и истолко-

вание линии поведения в ней Берtrandы в частности.

Но, целиком и полностью находясь на стороне автора книги в ее споре с Робертом Финлеем, мы не можем не задаться вопросом: достигнут ли ею указанный результат только при помощи заимствованных из антропологии процедур? Иначе говоря, считает ли автор, что именно эти процедуры сыграли решающую роль в достижении указанного результата? На беспристрастный взгляд, в рассматриваемом исследовании, представляющем, как уже подчеркивалось выше, образец междисциплинарного исследования, автор меньше всего обязана своим успехом антропологическим процедурам. Больше же всего она обязана способности ощущать *живое дыхание истории*, способности, развившейся под несомненным влиянием системного подхода к развитию общества. Дело в том, что только в такой перспективе человек как субъект истории выступает в своей целостности, ибо он оказывается носителем не только рефлексивной способности, но и практической, материально-предметной деятельности, не только проявляет в своем поведении стереотип, но и вызывает свою индивидуальность. Эта емкая целостность субъекта истории объективируется в столь же противоречивой целостности исторической жизни социума, в которой все составляющие тесно взаимообусловлены. Но именно поэтому ошибочно смешивать сугубо подчиненный, функциональный характер отдельных заимствованных из антропологии подходов при исследовании определенных срезов исторической целостности с методологией исторического исследования как тако-

вой. Иллюзия, будто в союзе с антропологией историография обрела наконец фундамент для построения «подлинно человеческой» истории, может дорого обойтись основной отличительной способности истории как науки — ее способности объяснять процесс исторических изменений. Думается, что признаки этой опасности зримы и в рассматриваемой книге, хотя она *меньше всего обязана* антропологическим процедурам, а больше всего — тотальному подходу к предмету изучения.

Обнаружить указанные «признаки», которым книга и обязана своими «узкими» местами, относительно нетрудно. В самом деле, оставим в стороне роль, сыгранную Берtrandой, в которой построение автора представляется наиболее убедительным благодаря *психологической* интерпретации поведения средневековой крестьянки. Однако еще меньше общего с антропологическим подходом к анализу мира представлений и стереотипов поведения имеют: истолкование роли Арно дю Тиля; объяснение поведения Пьера Герра; наконец, от начала и до конца изображение позиции деревенского окружения героев.

Начнем с первого из этих вопросов. В книге нет материала, который хотя бы только наталкивал читателя на догадку: какую цель преследовал обманщик, пускаясь в такую авантюру, да еще в селении, сравнительно близко расположенном к его родной деревне. Сознал ли он до конца опасность — при малой подвижности населения в этом регионе Франции — быть в один прекрасный день изобличенным, сознал ли жестокость наказания, которое должно было за этим последовать? Что проверял Арно в этой смертель-

ной игре — уж не силу ли своих «чар», ибо в противном случае он мог бы получить *все блага*, ожидавшие его законным образом? Остается допустить романтическую влюбленность «с первого взгляда» — именно к такому объяснению роли Арно склоняет читателя ее трактовка автором.

Однако если в данном случае был найден психологический выход из тупика, то этого нельзя сказать о линии поведения в рамках «чудесной истории» Пьера Герра и его односельчан. Мы хорошо помним, что Пьер Герр не сразу «опознал» в лице Арно дю Тиля «племянника», а лишь после некоторого замешательства и колебания. Но стоило лже-Мартену спустя некоторое время потребовать у Пьера отчета в том, как он распоряжался имуществом Мартена в качестве его опекуна, как немедленно последовало разоблачение совершенного Арно обмана. Таким образом, и в этом случае автоматизм стереотипа мало что в состоянии объяснить. Не ясно ли, что мы вправе с самого начала подозревать со стороны Пьера «игру» расчетливого опекуна: с одной стороны, он согласился «быть обманутым», ибо потерял надежду на возвращение подлинного Мартена и пожалел Берtrandу, осужденную на одиночество, а с другой — он имел основания надеяться на «покладистость» лже-Мартена, которая и позволяла ему в дальнейшем оставаться «верховным блюстителем» той части родового имущества Герров, которая причиталась Мартену Герру. Когда же эта игра не удалась, он, не задумываясь, изменил тактику и «прозрел», а вместе с ним — и значительная часть жителей деревни. Появился откуда-то сапожник, который ни с того ни с сего

вдруг начал сопоставлять «размер ноги» двух Мартенов, появились свидетели, опознавшие лже-Мартена.

С учетом всего этого мы вправе задаться вопросом, не пронизывала ли поведение Пьера Герра лишь простая крестьянская расчетливость, а вовсе не традиция. Если же это так, то не очевидно ли, что антропология здесь должна уступить свое место деревенской *«политической экономии»*, которая в данном случае одна лишь способна объяснить предпосылки смены форм сознания и направление, в котором оно менялось. В равной мере менялась и *психология*, прослеживающая характер сдвигов в формах реакции индивида на изменившуюся объективную ситуацию. Положим, наиболее необъяснимым остается поведение жителей деревни с момента появления самозванного Мартена. Одно из двух: либо в их «всеобщем признании» самозванца Мартеном сказалось *традиционное* проявление солидарности с интересами одного из членов общины, тем более что в данном случае это не задевало интересов других ее членов. Иначе говоря, если близкий друг родственников «опознал Мартена», то почему бы не порадоваться за них вместе с ними? Либо речь должна идти об удивительной слабости зрительной и слуховой памяти в кругу крестьян того времени, которые — при отсутствии иных способов идентификации личности, кроме «свидетельств» ближайших родственников, — оказывались в такой степени «легковерными», что наделяли именем человека, давно покинувшего общину, незнакомого пришельца, на этом настаивавшего.

Очевидно, что в этом единственном случае относящаяся к памяти сельских жителей (зрительной, слуховой) антропологическая процедура могла бы сослужить полезную службу, будь в распоряжении исследователя необходимый для этого материал первоисточников. Тем не менее этот вопрос не заинтересовал автора рассматриваемой книги как раз потому, что таковые первоисточники были ей не доступны, к тому же речь идет явным образом о «боковой линии» исследования, которое могло бы увести слишком далеко от главной его цели.

Подведем некоторые итоги. В той мере, в какой, по мнению автора, она следует антропологической процедуре анализа, на деле она останавливает внутреннее развитие истории. Вместо того чтобы обнаружить в самом сюжете — в той степени, разумеется, в какой он документирован, — *элементы, придающие ему движение*, всю работу по преодолению неподвижности берет на себя интуиция самой Земон Дэвис, прибегшей для этого к помощи ряда категорий, принадлежащих вовсе не антропологии, а, например, литературоведению¹. Впрочем, это обстоятельство не только не может быть поводом для упреков в адрес автора, а, напротив, должно было бы служить свидетельством богатства и разнообразия аналитических средств, использованных ею в согласии с ее теоретическими воззрениями. Дело в том, что в современной историографии ведется более чем заинтересованная дискуссия по вопросу, вправе ли историк, обра-

¹ В том числе названные рецензентом категории «перелачивания» (“refashioning”) и «самоформирования» (“self-fashion”). — См.: F i n l a y R. Op. cit., 1988, vol. 93, № 3, p. 556.

щаясь к прошлым культурно-историческим эпохам, прибегать — в аналитических целях — к понятиям, заимствованным из понятийного аппарата современной ему науки, или, наоборот, он обязан ограничиваться только теми понятиями, только тем *видением вещей и социальных явлений*, которые были присущи современникам изучаемой эпохи. Приверженцы последней точки зрения, гордые сознанием строгого соблюдения «исторической дистанции», не замечают того простого факта, что они — если быть последовательными, — по сути, подменяют научное исследование простым «протоколированием» уровня понимания, давно уже ставшего свидетельством весьма условного, «превращенного» сознания современников изучаемой эпохи.

Но если так, то в чем же заключается роль исследователя — неужели только в восстановлении характерных особенностей такого условного сознания? Согласимся, что этого далеко не достаточно, ибо науке еще нужно «уразуметь» не только реалии, скрытые за этим «превращенным» сознанием, но и то, почему оно виделось и представлялось именно таким образом. Последнее же достижимо — на каждой степени развития науки — только при опоре на высшие для данной ступени достижения рефлексивного мышления. Нормативный характер именно такого понимания научного метода имел в виду Маркс, заметивший, что анатомия человека должна служить ключом к анатомии обезьяны. В полном соответствии с этим и поступала в рассматриваемом исследовании Земон Дэвис. Между тем в ее отвлеченных суждениях по этому вопросу иногда проскальзывает мнение,

противоречащее ее же собственной практике. Так, в интервью, к которому мы уже обращались, Земон Дэвис упрекает Ле Руа Ладюри в том, что он в своей книге, посвященной исследованию духовного мира пиренейской деревни Монтею, использовал понятие «deviant» («отклоняющийся»). Далее она замечает: «Это слово заимствовано из современной социальной системы, в которой существует значительный консенсус»¹. Нас здесь, естественно, не занимает вопрос о том, насколько это слово реально раскрывало интересовавшую Ле Руа Ладюри суть вещей. Важно другое — прозвучавший в словах Земон Дэвис упрек, что понятие «deviant» заимствовано из современного нам арсенала.

Вернемся, однако, к рассматриваемой «чудесной истории». Р. Финлей упрекает автора в том, что она отдала предпочтение концепциям, почерпнутым из антропологии и литературной критики, вместо того чтобы строго блюсти суверенитет источников. Он пишет: «Дэвис позволила себе избыток изобретательства, что повлекло за собой затемнение жизни людей, возбудивших ее симпатии и воображение»². Очевидно, что Финлей, столь часто сталкивающий текст книги с «трибуналом» источника, предпочитает вторую из упомянутых точек зрения по вопросу о праве (более того, обязанности) следователя прибегать к современным концептам, которые обогащают наше видение прошлого, основанное на свидетельствах источника, но не останавливающееся на их поверхности, проникающее в смысловую суть, заключенную в

¹ An Interview..., p. 181.

² Finlay R. Op. cit., p. 571.

слове. Разумеется, полученное при этом знание не отличается позитивистской «протокольностью», но зато оно обретает качество «версии», на которой лежит *печать творческой индивидуальности* ее создателя — качество, придавшее рассматриваемой книге прелесть и неповторимость. Но достигнуто это благодаря не следованию «антропологической процедуре», а тому, что Земон Дэвис оставалась верной «школе» системного подхода к предмету изучения. Антропологические методы, несомненно, плодотворны «на своем месте», то есть при изучении «духовного контекста» общественной жизни на данном временном срезе, или, точнее, «знаковой системы» этой жизни, заключенной в слове, в зрительном образе, в ритуале или в любом другом стереотипе поведения. Однако указанная процедура не в состоянии объяснить ни *реальность, ее породившую*, ни тем более механизм ее изменений.

В последние годы Натали Земон Дэвис так или иначе, но в результате увлечения проблематикой, которая подсказана антропологическим подходом к предмету исторического познания, открыла для себя своего рода «новый континент», в котором она увидела эссенцию своих нынешних исследовательских интересов: как совместить то, что общество думало о себе, с тем, чем оно в действительности являлось. Иначе говоря, как совместить в единой картине видение общества с двух полярных позиций: течения безличностных процессов и проявления человеческой субъективности. До тех же пор, пока историография способна лишь на осмысление прошлого с альтернативных позиций, по принципу «либо-либо», важно не смешивать континент

с планетой, не абсолютизировать ни одну из указанных позиций. Самой Земон Дэвис подобное смешение не грозит. Набор исследовательских методов, к которым она прибегает в ходе исторического исследования, включает, помимо процедур антропологии, и аналитические инструменты, заимствованные также из психологии, литературоведения, социологии. В конечном счете наука, к которой она стремится в идеале,— это наука, основанная на глобализме — в понимании предмета изучения, и междисциплинарности — в подходах к изучению его. Это наука, которая одна только способна претендовать на целостное восприятие жизни людей прошлого. Очевидно, что в подобной перспективе речь может идти только о месте данной процедуры — среди «набора» других — в познании целого, то есть о рефлексии, которая позволяет сохранять критическую дистанцию по отношению к каждой из подобных процедур. Эту позицию Земон Дэвис выразила с предельной отчетливостью: «Антропология не является родом более высокого видения социальной реальности, к которой должны быть обращены историки... Влияние антропологии на мое историческое мышление заключалось в укреплении сознания не о неизменном прошлом, а о разнообразии человеческого опыта»¹.

Такое влияние стало возможным только по той причине, что Земон Дэвис обладает достаточно широким видением проблем социальной жизни в настоящем и прошлом, чтобы отличать «угол зрения» на предмет от самого предмета.

М. А. Барг

¹ Zemon Davis N. Anthropology and History. — *Journal of Interdisciplinary History*, 1981, vol. XII, № 2, p. 274—275.

Предисловие	5
Введение	10
Глава 1. ОТ АНДАЙА ДО АРТИГА	18
Глава 2. НЕЗАДАЧЛИВЫЙ КРЕСТЬЯНИН	36
Глава 3. ДОБРОЕ ИМЯ БЕРТРАНДЫ ДЕ РОЛС	46
Глава 4. ЛИЧИНЫ АРНО ДЮ ТИЛЯ	58
Глава 5. ВЫМЫШЛЕННЫЙ БРАК	68
Глава 6. РАЗДОРЫ	80
Глава 7. СУД В РИО	95
Глава 8. СУД В ТУЛУЗЕ	110
Глава 9. ВОЗВРАЩЕНИЕ МАРТЕНА ГЕРРА	124
Глава 10. РАССКАЗЧИК	139
Глава 11. HISTOIRE PRODIGIENSE, HISTOIRE TRAGIQUE (История поразительная, история трагическая)	154
Глава 12. О ХРОМЫХ	168
Эпилог	180
Послесловие М. А. Барга	184

Натали Земон Дэвис

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАРТЕНА ГЕРРА

Редактор *Е. Н. Самойло*. Художник *В. Ю. Новиков*. Художественный редактор *И. М. Чернышева*. Технические редакторы *Н. И. Касаткина*, *Е. В. Левина*. ИБ № 17518. Сдано в набор 29.03.89. Подписано в печать 29.01.90. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Условн. печ. л. 8,38. Усл. кр.-отт. 9,02. Уч.-изд. л. 6,83. Тираж 25000 экз. Заказ № 0847. Цена 70 к. Изд. № 46126. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по печати. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bul'var, 17. Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7 «Искра революции» В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по печати. 103001, Москва, Трехпрудный пер., 9.

Natalie Zemon Davis

XVI век. Франция. Некий Мартен Герр тайком покидает дом, оставив жену с ребенком, и пропадает на многие годы. Другому жителю соседней провинции, случайно узнавшему о своем сходстве с Марتنеном, удается собрать сведения о

The Return of Martin Guerre

подробностях жизни беглеца и убедить не только односельчан, родных, но даже чужую жену в том, что он — возвратившийся Герр. Однако обман открывается, местный суд приговаривает самозванца к четвертованию, но Уголовная палата Тулузы пересматривает дело и уже готова решить его в пользу подсудимого, как вдруг в помещение суда является человек на деревянной ноге и объявляет, что он — Мартен Герр.

В настоящей книге профессор истории Принстонского университета Натали Дэвис в захватывающей форме излагает этот придуманный самой жизнью приключенческий сюжет.

Рекомендуется широкому кругу читателей.